

ПОСЛЕДНЯЯ КОРОЛЕВА НОКТИРЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ:
ДАР СМЕРТНОЙ ЖИЗНИ

ДАНИИЛ ЗВЕРКОВ

Последняя Королева Ноктиры

Даниил Зверков

**Последняя Королева Ноктиры
III: Дар Смертной Жизни**

«Автор»

2026

Зверков Д.

Последняя Королева Ноктиры III: Дар Смертной Жизни /
Д. Зверков — «Автор», 2026 — (Последняя Королева Ноктиры)

Прошло два года после Разлома. Мир Ноктиры снова изменился. Север стал последним оплотом сопротивления, Талирия оказалась во власти нового порядка, а культ Пустого Бога всё глубже проникает в земли людей. Ирворен становится сильнее. Рейвис Морват готовит новую войну. Элдриан всё ближе подходит к границе, за которой знание превращается в проклятие. Пока Каэль собирает Орден Рубежа, а Лира открывает путь к сновиденному слою, сама ткань мира начинает трескаться. Старые законы больше не защищают Ноктиру, а границы между реальностями истончаются. Аронелла Велкарис снова оказывается в центре судьбы мира. Но теперь ей предстоит понять, что значит жить, если вечность больше не даёт ответов.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	11
ТРЕТИЙ ДЕНЬ ОСАДЫ	11
ГЛАВА 2	16
СЛОМАННЫЙ ЯКОРЬ	16
ГЛАВА 3	31
ДВОРЕЦ БЕЗ КОРОНЫ	31
ГЛАВА 4	64
ЦЕНА МИЛОСЕРДИЯ	64
ГЛАВА 5	100
ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ ОТПУСКАЛ	100
ГЛАВА 6	121
ЗАКОН НОВОЙ ТКАНИ	121
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Даниил Зверков

Последняя Королева Ноктиры III: Дар Смертной Жизни

ПРОЛОГ

ШЁПОТ ВЕЛАРИОНА

Веларион научился говорить шёпотом. Камень бился о камень. Железо скрежетало в цепях. На улицах кричали надсмотрщики, скрипели повозки, звенели чаши у служителей крови, и где-то за крышами, глубже человеческого слуха, город тянул одну длинную, ровную ноту. Малверис слышал её уже пятый день. Он шёл по нижней улице, скрыв лицо под серым капюшоном, и не поднимал головы без необходимости. В Веларионе теперь опасным было всё, что выбивалось из правильного ритма. Быстрый шаг. Долгий взгляд. Явное молчание, когда рядом произносили молитву. Малверис знал ритмы власти. Он прожил среди них всю жизнь, но этот ритм был другим. Башня Ордена Алхимиков управляла знанием, страхом, законами и тайной. Она прятала правду так глубоко, что целые поколения успевали родиться, состариться и умереть, даже не узнав, на какой лжи стоит их мир, но то, что теперь росло в Веларионе, не прятало ложь. Оно превращало ложь в веру. Ложь стала сладкой пищей для человеческих желаний и грехов. Сегодня должен был быть Высокий День. Середина Светодара. Раньше в этот день город пах горячим хлебом, вином, яблоками в меду, морской солью и свежими цветами. Дети бегали по мостовым с бумажными солнцами. Ученики Башни сбегали с занятий раньше положенного. Даже самые строгие наставники делали вид, что ничего не замечают. Малверис помнил это хорошо. И поэтому ненавидел собственную память. На главной площади теперь тоже были люди. Много людей. Они стояли рядами перед чёрным каменным помостом, уставленным там, где раньше собирали ярмарочный круг музыкантов. Старый фонтан закрыли плотной тканью. На его месте стояла широкая чаша из тёмного металла, края которой были исписаны новыми символами. Малверис узнавал в них остатки башенной геометрии, обрывки удерживающих контуров, переработанные линии кровных формул. Но всё это было переплавлено во что-то другое. Символы больше не просто удерживали силу. Они звали её. Перед чашей стоял служитель в тёмном одеянии. Не старый жрец, не маг, не учёный. Обычный человек с выбритой головой и лицом, на котором страх за последние месяцы успел превратиться в уверенность. Самые опасные слуги всегда появлялись именно так. Сначала они боялись. Потом благодарили того, кто дал им способ перестать бояться собственных демонов.

— Кровь не отнимается, — говорил служитель. Голос его был ровным, выученным, почти ласковым. — Кровь возвращается тому, кто слышит нас за швом. Кровь — это не про боль, не про насилие. Кровь — это дар Пустого Бога.

Люди слушали молча, опускали глаза, сжимали пальцы детей, смотрели на чашу с жадной, почти болезненной надеждой. У края помоста стояли искажённые. Трое. Когда-то они были людьми. Сейчас же кровососами и низшими вампирами. Длинные руки. Спокойные лица. Тёмные прожилки под кожей, будто кровь внутри них текла не по венам, а по чужому приказу. Они не двигались, но вся площадь чувствовала их неподвижность. Новая стража нового порядка. Вампиры тоже были здесь. Малверис видел их. На одном был знак дома Морват. На другом — старый символ Велкарис, грубо переделанный под новую печать, будто прежнюю кровь не уничтожили, а заставили склониться. На площади были и другие. Таровен. Ноктерис.

Дракорин. Не целые дома. Не полные роды. Осколки, остатки, отдельные лица в толпе новой власти. Одни служили Морват добровольно. Другие просто не решились уйти. Третьи, возможно, ждали, кто победит. Это было хуже, чем если бы Веларион просто захватили чудовища. Город не уничтожил старые дома. Он поставил их служить новой власти. Малверис остановился у лавки с пустыми ящиками, делая вид, что смотрит на выложенные на прилавке обрезки ткани. На самом деле он смотрел на людей. Вот в чём всегда была ошибка. Не в чудовищах. Не в крови. Не в тёмных символах. Ошибкой всегда были люди. Их страх. Их готовность назвать клетку домом, если в клетке обещали хлеб. Их желание переложить ужас на того, кто мог говорить уверенно. Малверис когда-то думал, что разум выше этого. Но разум тоже подчиняется страху. К чаше подошла молодая женщина. На руках у неё был мальчик лет шести. Он смотрел не на служителя и не на искажённых, а на свои пальцы, которыми тербил нитку на рукаве. Женщина протянула руку. Служитель взял тонкий нож. Малверис увидел, как мальчик начал тихо напевать. Сначала он не разобрал слов. Голос был тонкий, детский, почти беззаботный. Потом ветер с площади донёс строчки.

— Кто за дверью в тишине? Пустой Бог идёт во сне

Малверис не пошевелился. Женщина вздрогнула, но не остановила ребёнка. Наоборот — служитель улыбнулся. Мальчик продолжал, раскачиваясь с пятки на носок, будто считал камни под ногами:

— Не зови и не беги — Каплю дай своей крови.

Нож коснулся ладони женщины. Кровь упала в чашу. Толпа выдохнула. От облегчения. Малверис почувствовал, как что-то холодное и сухое проходит внутри него, не касаясь тела. Детская песня. То, что переживает падение зданий. То, что ребёнок может унести в сон, в игру, в память, в собственное будущее. Мальчик снова запел чуть громче:

— Матерь Жизни не придёт, Первая кровь не спасёт

Малверис отвёл взгляд. И тогда увидел строительство. За площадью, выше крыш, там, где старые стены Башни переходили в район закрытых архивов, поднимались леса. Он заметил их ещё утром, но теперь, после чаши, после песни ребёнка, после лиц людей, которые выдыхали с облегчением при виде крови, это зрелище стало тяжелее. Строили нечто огромное. Пока это были только основания: чёрные арки, вбитые в землю глубже, чем требовалось любому обычному зданию; каменные рёбра, поднятые к небу; цепи с новыми знаками; повозки с тёмным камнем, который не должен был добываться нигде поблизости. Рабочие двигались под надзором служителей крови. Некоторые были людьми. Некоторые — искажёнными. Несколько вампиров стояли у северного края стройки, не вмешиваясь, но наблюдая так, как наблюдают не за трудом, а за ритуалом.

— Говорят, новый Дом Служения будет, — пробормотал кто-то за спиной Малвериса.

— Дом? — ответил другой голос. — Для дома столько руды не требуется.

— Значит, врата. Для царского входа.

— Для кого теперь цари?

Люди тихо засмеялись и сразу замолчали. Малверис не обернулся. Слово было случайным. Простым. Сказанным человеком, который не понимал, насколько близко подошёл к ужасу. Малверис тоже не понимал всего. И это злило его сильнее, чем страх. Он видел линии. Видел, как служители крови обходили место строительства не как рабочую площадку, а как рану, которую нельзя тревожить без молитвы. Видел, что старые алхимические контуры не уничтожили, а вплели в новую геометрию. Это строили не для красоты. Не для власти даже. Власть любила высоту, золото, гербы и окна, из которых можно смотреть на тех, кто стоит ниже. Здесь не было желания возвыситься. Здесь было желание раскрыть. Малверис не мог представить масштаба. Не мог знать, что город готовят не к новому правителю и не к новой религии, а к перестройке самого закона мира. К тому, что изменит не улицы, не троны, не кровь отдельных людей — а саму ткань жизни. Но он достаточно долго служил чудовищам, чтобы

узнать момент, когда чудовище перестает прятаться. Веларион строил путь. И почти никто в городе ещё не понимал куда он ведёт.

— Он по шву к тебе войдёт, — допел мальчик с набитым ртом, — сон возьмёт и свет сотрёт.

Малверис заставил себя отвернуться. Он видел худшее, создавал худшее. Именно поэтому не имел права делать вид, что это не касается его. На этом же месте когда-то стояли деревянные ряды ярмарки. Жёлтые ткани. Медные чаши с пряностями. Запах жареных орехов. Смешные бумажные маски с солнечными лучами, которые продавали детям и пьяным студентам. Он тогда был слишком молод, чтобы понимать, насколько это было недолговечно. Кассиан шёл рядом и смеялся.

— Ты хотя бы раз можешь смотреть на город не как на схему для опытов? — спросил он тогда.

Малверис помнил его голос. Это раздражало сильнее всего. Память о голосе. Лица со временем можно было исказить, оправдать, отодвинуть, но голос возвращался целиком. Они только вышли из Башни после занятий. На Малверисе ещё была ученическая форма, застёгнутая. Кассиан уже успел расстегнуть ворот, закатать рукава и каким-то образом купить две булочки с яблоком, хотя денег у него почти не осталось. У Малвериса деньги были. Всегда были. Дом Девон не принадлежал к самым древним семьям Велариона, но его имя открывало двери, а его счета закрывали любые мелкие неудобства. Малверис никогда не знал настоящего голода, настоящей нужды, настоящего унижения пустого кошелька. И, возможно, именно поэтому так долго принимал собственную жажду за судьбу. Он не хотел выжить. Он хотел подняться выше тех, кто просто жил.

— Город и есть схема, — ответил молодой Малверис. — Просто большинство людей ходят по ней, не видя линий.

— А может, — сказал Кассиан, протягивая ему одну булочку, — иногда булочка — это просто булочка.

— Это самая бесполезная мысль, которую ты сегодня произнёс.

— Зато самая счастливая. И я думаю не стоит отрицать факт того, что самые обычные мелочи способны сделать тебя счастливым человеком.

Малверис тогда взял булочку не сразу. Кассиан всё равно сунул её ему в руку. Они стояли у фонтана, где теперь была чаша. Тогда вода в фонтане сверкала на свету. Дети бросали туда лепестки. Ученики Башни спорили, кто сумеет провести простую световую формулу над водой так, чтобы старшие наставники не заметили. Кассиан заметил, как Малверис смотрит на Башню.

— Ты опять думаешь о закрытых этажах.

— Там находятся ответы.

— Не все ответы там.

— Так говорят люди, которых туда не пустили.

Кассиан усмехнулся.

— Нет. Так говорят люди, которые всё ещё хотят остаться людьми, когда найдут ответы.

Малверис тогда посмотрел на него с искренним раздражением.

— Ты часто прячешь страх за нравственностью.

— А ты путаешь отсутствие страха с умом.

Они были молоды, могли говорить такие вещи друг другу и не уходить после этого врагами. Но они ещё не знали, что однажды один из них выберет остановиться, а другой сообщит о его сомнениях людям, которые умели превращать несогласие в несчастный случай. Память оборвалась. Настоящее вернулось запахом крови. Женщина у чаши прижимала к ладони белую ткань. Мальчик получил от служителя маленький кусок тёмного хлеба и ел его с серьёзностью ребёнка, которому сказали, что он сделал что-то важное. У края площади, на стене бывшего

дома гильдии переписчиков, висели листы. Их прибили неровно, поверх старых объявлений о торговых сборах, пропавших людях и приказах нового управления. Бумага была свежей. Чернила — тёмными, густыми. На нескольких листах стояла печать восстановленного порядка Велариона — новая, ещё не устоявшаяся, но уже наглая в своей законности. Малверис подошёл ближе. Первый портрет был его. Плохой, но узнаваемый. Чересчур резкие скулы. Длинные волосы. Глаза художник сделал почти мёртвыми. Впрочем, здесь он не ошибся. Под портретом было написано:

МАЛВЕРИС ДЕВОН.БЫВШИЙ АРХИМАГИСТР БАШНИ АЛХИМИКОВ.РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗА УБИЙСТВО КОРОЛЯ АЛАРИКА.

ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ НЕ ВСТУПАТЬ В РАЗГОВОР.НЕ СЛУШАТЬ.НЕ ПРИКАСАТЬСЯ К ЛИЧНЫМ ВЕЩАМ.СООБЩИТЬ СЛУЖИТЕЛЯМ КРОВИ ИЛИ СТРАЖАМ БАШНИ.

Малверис почти улыбнулся. Не слушать. Вот что они написали первым настоящим страхом. Не не подпускать. Не не освобождать. Не не давать уйти. Не слушать. Значит, они всё ещё понимали: опасность была не в его руках. А в том, что он знал. Он перевёл взгляд на соседний лист. И на мгновение его лицо стало совершенно неподвижным.

НЕВАРИЯ МОРВАТ.ОТСТУПНИЦА КРОВИ.БЫВШАЯ ДОЧЬ ДОМА МОРВАТ.РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПО ПРИКАЗУ ВЫСШЕЙ КРОВИ И СЛУЖИТЕЛЕЙ ПУСТОГО БОГА.

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАЩЕНИЮ ЖИВОЙ, ЕСЛИ ВОЗМОЖНО.ПРИ СОПРОТИВЛЕНИИ — УНИЧТОЖИТЬ.ЛЮБОЙ, КТО УКРОЕТ ЕЁ, БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ СООБЩНИКОМ ИСКАЖЕНИЯ ПРОТИВ НОВОГО ПОРЯДКА.

Портрет был лучше, чем его. Холодное лицо. Светло-пепельные волосы. Спокойный взгляд, который художник не сумел испортить даже грубой линией. Малверис долго смотрел на имя. Невария Морват. Дочь Рейвиса. Значит, даже кровь Морват уже перестала быть неприкосновенной. Он вспомнил слухи последних недель. Тихие, обрывочные, передаваемые в подвалах, на кухнях, в очередях за хлебом, в местах, где люди ещё думали, что умеют шептать. Младшая дочь Рейвиса исчезла. Кто-то говорил, что её убили свои, что она ушла сама, что Пустой Бог велел очистить дом Морват от крови, которая не хотела петь в лад. Малверис не верил слухам. Он верил последствиям. А последствия теперь висели перед ним на стене. Его лицо. Её лицо. Два лишних элемента одного механизма. Старик у стены заметил его и быстро отвёл глаза. Малверис пошёл дальше, не ускоряясь и не оглядываясь. Площадь осталась позади, но песня ребёнка ещё некоторое время шла за ним, цепляясь за камень, за мокрые ленты Светодара, за старые стены, которые помнили другой город. Кто за дверью в тишине Он свернул в переулок, где раньше продавали свечи к Высокому Дню. Теперь лавки были закрыты. На одной двери висел знак новой проверки крови. На другой — грязный отпечаток ладони, оставленный кем-то слишком низко, будто человек падал, пытаясь удержаться за дерево. Малверис прошёл мимо. В конце переулочка он остановился у старого водостока, присел и провёл пальцами по трещине между камнями. Обычный глаз увидел бы только грязь, мох и щербину. Малверис видел шов. Не настоящий разлом мира — малый, городской, технический, созданный ещё старыми мастерами для обслуживания нижних ходов Велариона. Такие проходы строились не для беглецов. Они строились для воды, для ремонта, для того, чтобы город продолжал работать, не показывая жителям собственные внутренности. Любая власть учится у городов. Главное — спрятать то, на чём всё держится. Он нажал на третий камень слева. Под пальцами сухо щёлкнул скрытый замок. Часть стены ушла внутрь. Малверис проскользнул в темноту и закрыл проход за собой. Запах катакомб встретил его сыростью, старым железом и плесенью. Здесь Веларион больше не притворялся живым. Он дышал гниением. Малверис зажёл не свет, а тонкую линию видения. Серебристо-серый знак прошёл по костяшкам его пальцев, почти не освещая пространство, но делая контуры ясными для него самого. Шовная руника

не любила лишнего света. Шов — язык тех, кто хочет пройти там, где другие видят стену. Он пошёл по узкому тоннелю, считая повороты. Семь шагов до старой решётки. Тринадцать — до мокрой ниши. Левый ход под наклонной аркой. Потом вниз, где когда-то проходил канал отвода лабораторных отходов. Его убежище находилось глубже. Не самое безопасное место в городе. Безопасных больше не было. Но достаточно забытое и грязное, чтобы новые служители не лезли туда без причины. До сегодняшнего дня. Малверис понял это ещё до того, как увидел дверь. Тишина изменилась. Он остановился. Катакомбы никогда не были полностью тихими. Вода капала. Камень оседал. Воздух ходил по трубам и трещинам, как слабое дыхание. Но сейчас в тишине было другое. Ожидание. Малверис медленно опустил руку. Под ногтями проступили тонкие линии рунной пыли. Тёмно-серебристые. Почти невидимые. Он сделал ещё шаг. Из бокового прохода выскочило первое существо. Быстро. Когда-то оно могло быть стражником. На нём ещё оставались части формы городской службы: кожаный наплечник, оборванный ремень, металлическая пряжка с гербом, который теперь ничего не значил. Лицо вытянулось. Рот был широким. В глазах стоял мутный фиолетовый свет. Искажённый прыгнул на него без крика. Малверис поднял два пальца. В воздухе между ними возник короткий знак. Надрез. Существо застыло в прыжке, будто наткнулось грудью на невидимую нить. На мгновение его тело продолжало хотеть движения, но связь, которая держала это тело в новом порядке, дрогнула. Малверис развернул кисть. Шов раскрылся. Искажённый рухнул на камень, ударился плечом, дёрнулся, попытался подняться. Из-под кожи у него побежали тёмные линии, но теперь они двигались неправильно, сбиваясь, перекручиваясь, словно кто-то выдернул главный стежок из грубо сшитой ткани.

— Вас плохо собрали, — тихо сказал Малверис.

Он сжал пальцы. Существо выгнулось и затихло. Второе вышло из темноты медленнее. Это была женщина. Или то, что осталось от женщины. Её волосы прилипли к лицу. Руки дрожали, но не от слабости — от чужой силы, которая искала, куда направить тело. На шее у неё висел детский медальон. Малверис заметил его. Она открыла рот. Из горла вышел не голос, а обрывок той же песни:

— Кто за дверью

Малверис ударил быстрее. Руна легла ей под ноги тонким полукругом. Камень вспыхнул сухим стальным отблеском. Не светом — разрезом. Женщина шагнула вперёд, и связь между её телом и искажением лопнула. Она упала тише первого. Третьего он не увидел. Он ждал у самой двери убежища, слившись с тенью, где старый свод провалился внутрь. Малверис почувствовал его поздно — по движению воздуха, по короткому рывку чужой крови. Когти прошли у самого лица. Один задел щёку. Кожа раскрылась тонкой линией. Малверис отступил, ударился спиной о мокрую стену и впервые за день по-настоящему разозлился. От оскорбления. Они вошли в его убежище. В его последний слой тишины. Искажённый бросился снова. По груди шли тёмные прожилки, собираясь в узел под горлом. Вот оно. Крепление. Малверис провёл большим пальцем по собственной крови на щеке. Кровь была тёплой. Человеческой. Унизительно живой. Он начертил ею короткий знак в воздухе.

— Sethil, — произнёс он почти беззвучно. — Khor. Raeth.

Шов. Граница. Искажённый ударил. Малверис шагнул не в сторону, а внутрь движения, под когти, и коснулся двумя пальцами узла под его горлом. Серебристая линия вошла в плоть. Существо раскрыло пасть, но не смогло издать звук. Его тело начало ломаться не снаружи, а изнутри — связи, наложенные чужой волей, одна за другой расходились по швам. Малверис держал пальцы на месте, пока оно билось. Потом отпустил. Искажённый рухнул ему под ноги. Несколько мгновений он стоял неподвижно, слушая катакомбы. Больше никого. Малверис вытер кровь с щеки рукавом и открыл дверь. Его убежище было разрушено. Стол перевернут. Ящики вскрыты. Часть записей исчезла. Карты разложены по полу, будто их изучали не руками, а когтями. Один из тайников под каменной плитой был открыт. Второй — нет. Значит,

сюда пришли не за вещами. Сюда пришли проверить, вернётся ли он. В убежище пахло старой бумагой, сыростью и вином. Малверис ненавидел этот запах. Он знал, сколько ночей провёл здесь не за расчётами, не за картами, не за великими планами, а просто сидя у стены с бутылкой в руке, пока город наверху переставал быть городом, а он сам — человеком, которому ещё можно было что-то поручить. Он пил не ради забвения. Забвение было милосердием, а он давно не заслуживал милосердия. Он пил, чтобы каждый вечер подходить к краю и проверять, хватит ли в этот раз слабости сделать последний шаг. Однажды почти хватило. После той ночи он впервые ясно понял, что смерть была лёгким ответом. Слишком чистым, удобным для человека, который всю жизнь пачкал чужие судьбы и называл это необходимостью. Аларик был мёртв. Кассиан и его жена мертвы. Но Лира была жива. Та самая ученица, в которую часть его души правда когда-то верила. Малверис не хотел искупить вину. Искупление было словом для тех, кто всё ещё верил, что вес можно уравнивать красивым поступком. Малверис не верил. Он знал: если дочь Кассиана строит новый орден где-то за линиями войны, если она ещё пытается удержать мир от окончательного распада, то он не имеет права умереть раньше, чем отдаст ей всё, что знает. Даже если она проклянёт его, возненавидит ещё больше. На дальней стене кто-то оставил знак. Три тёмные линии, сходящиеся к узкому вертикальному разрыву. Шов. Малверис смотрел на этот знак долго. Потом тихо сказал:

— Значит, ты слышишь.

Ответа не было. Он подошёл к нетронутому тайнику, снял плиту и достал небольшой кожаный свёрток. Внутри были карты, несколько листов с записями, тонкий металлический инструмент для рунной резки и старый медальон без цепочки. Малверис задержал взгляд на медальоне. Внутри не было портрета. Только крошечный засохший фрагмент ткани. Элион когда-то держал его в руке во время приступов, когда кожа на пальцах уже начинала темнеть, а голос становился слишком слабым, чтобы звать брата по имени. Малверис закрыл свёрток. Не сейчас. Он разложил карту на краю уцелевшего стола. Веларион. Северные тракты. Разорванные переправы. Линии контроля. Места, где видели отряды Морват. Талирия. Он смотрел на это название, пока в памяти снова не всплыла площадь, чаша, мальчик, песня, вампиры у помоста и чёрные основания той постройки над городом. Кассиан когда-то сказал, что можно найти ответы и остаться человеком. Малверис тогда счёл это слабостью. Теперь Кассиан был мёртв. Его дочь строила новый орден где-то за линиями войны. А сам Малверис стоял в катакомбах города, который помог превратить в горло чужого бога, и собирал свои вещи, потому что даже тьма, которую он кормил, больше не считала его своим. Он почти рассмеялся. Не вышло. Вместо этого он свернул карту. Веларион больше не прятал его. Веларион больше не прятал никого. Город стал мёртвым в своей новой жизни. И всё же мёртвый город строил нечто ужасное. Малверис погасил серебристую линию на пальцах, поднял свёрток и бросил последний взгляд на убежище. Всё, что можно было сохранить, он взял. Всё остальное уже принадлежало тому, кто шёл по шву. Наверху, за камнем, за улицами, за площадью Светодара ребёнок, возможно, всё ещё напевал. Малверис закрыл глаза всего на мгновение. И увидел Кассиана. Молодого. Живого. С яблочной булочкой в руке. С этим невыносимым, почти глупым выражением лица человека, который ещё верил, что знание может быть добрым, если человек не отдаст ему всё человеческое.

— Ты был неправ, — сказал Малверис в пустоту.

Но даже сам не понял, к кому обращался. К Кассиану. К себе. К мёртвому городу. Ответа не последовало. Только вода капнула где-то в глубине катакомб. Малверис поднял капюшон и пошёл к нижнему ходу, который выводил за старые стены Велариона. Если Аронелла должна была прийти, её не станут ждать здесь. Сначала её проведут через следующий узел, чтобы проверить. Через город моря, яда и предательства.

ГЛАВА 1

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ОСАДЫ

23 день Дождя, 703 год СЧК. Талирион

Колокола прилива молчали третий день. Каэль заметил это не сразу. Сначала были дождь, мокрая кожа перчаток, тяжесть Кхорваэля за спиной и серый рассвет над стенами Талириона. Позже ведьмак заметил тишину. Три бронзовые башни у гавани должны были встречать утро глухим, протяжным звоном. Так город дышал. Так он когда-то предупреждал море, корабли, людей, нищих, торговцев, солдат и тех, кто прятался в Нижнем городе от чужих долгов. Теперь Талирион затаил дыхание в ожидании. Каэль стоял перед северной линией, пока Таэланы Лиры готовили первые сновиденные заряды. Их было всего пятнадцать. Не армия. Не новый огромный орден с алхимиками. Пятнадцать человек в серо-синих плащах, с тонкими серебряными нитями на рукавах, печатями, нанесёнными на запястья, и амулетами на шее. Рядом с ними работали добровольцы. Около сотни людей, которых никто не мог назвать воинами. Они таскали ящики, влажные полотнища, короткие древки для метательных рам, воду, перевязочный холст, алхимические соли. Северян было около двух с половиной тысяч. Мало для взятия города, но ровно столько и нужно, чтобы проверить, что именно Пустой Бог оставил внутри. Борн не привёл всю силу Севера. Он оставил большую часть армии дома, под защитой Рагнара, и Каэль понимал почему. Нельзя было раскрывать перед чужим богом все козыри в рукаве. Нельзя было показывать, где Север тонок, где устал, где ещё держится только на упрямстве, которое тоже держалось на тонкой нити. Союзных вампиров было триста шестьдесят восемь. Каэль знал число точно, потому что каждое имя Илар произносил как долг. Они стояли отдельным тёмным строем у левого крыла. Не прятались, но и не лезли вперёд. Северяне всё ещё смотрели на них искоса. Некоторые привыкли. Другие только делали вид. Страх не умирал от одного приказа короля. Илар стоял впереди своих. Тонкий, неподвижный, с лицом, на котором не было ни вызова, ни покорности. Только выдержка. У правого крыла Каэль увидел Роана Вальда. Первый Арамир стоял чуть в стороне от северян, будто тело само помнило, что оно теперь не до конца принадлежит бывшему мировосприятию. Плащ на нём промок насквозь. Рыжие волосы прилипли к вискам. На шее, под краем воротника, проступали бледные линии знаков — след цены перехода. Роан проверял пальцы, сжимая и разжимая их медленно, по одному. На костяшках вспыхивали короткие защитные руны. Сухо. Как угли под пеплом. Рядом с ним стоял Эоган, второй Арамир в этом отряде. Уже не человек в прежнем смысле, но ещё не научившийся носить это спокойно. Он смотрел на ворота Талириона так пристально, будто боялся моргнуть и упустить момент, когда придётся идти в нападение. Двое. Всего двое Арамиров при Каэле. И этого уже было много.

— По нашим оценкам, внутри больше, чем ожидали, — сказала Лира.

Она подошла тихо, но Каэль почувствовал её раньше, чем услышал. От Лиры теперь тянуло не силой Башни Алхимиков, утраты родителей, сомнениями, а чем-то более мощным. Словно она перестала давить на мир и стала читать его трещины.

— Насколько больше? — спросил Каэль.

Лира посмотрела на стены.

— Около пяти тысяч искажённых людей. Возможно, больше в Нижнем городе. И около тысячи искажённых вампиров.

Один из северян рядом выругался вполголоса.

Каэль не обернулся.

— Это явно не вся армия Пустого Бога, — сказала Лира.

— Утешение слабое.

— Говорю как есть.

Она подняла руку. На передней линии Таэланы одновременно опустились на одно колено. Добровольцы подали им сновиденные заряды — круглые, матово-белые сосуды размером с кулак, обвитые тонкой проволокой из сплава серебра и чёрного железа. Лира выдохнула первое слово. Таэланы повторили его. Воздух перед воротами Талириона дрогнул, словно кто-то провёл ладонью по поверхности сновиденного слоя.

— Сейчас, — сказала Лира.

Сновиденные заряды полетели. Они пересекли серое утро почти бесшумно. На миг Каэлю показалось, что город сам вдохнул их — стены, башни, мокрые крыши, закрытые окна. Потом заряды раскрылись. Светом. По воротам и прилегающим стенам прокатилась волна серебристо-синего свечения. На камне проступили линии, которых раньше не было видно: тёмные прожилки, кровавые узлы, чужие знаки, вплетённые в старые защитные швы Талириона. Северяне зашумели.

— Вот теперь, — сказал Борн.

Король Севера стоял рядом с Каэлем без шлема. Дождь стекал по его волосам и бороде, но он будто не замечал холода. В руке у него был топор. На поясе — нож Астрид.

— Проломить ворота, — приказал Борн.

Передние ряды двинулись. И тогда из города ответили криком. Он поднялся из-за стен низко, вязко, сразу из нескольких мест. Это было что-то между голодом и молитвой. Каэль вытащил Кхорваэль. Клинок вышел из ножен с тихим, чистым звуком.

— Держать строй! — крикнул он. — Не входить глубже ворот, пока Лира не даст знак!

Но ворота уже начали меняться. Тёмные линии на створках зашевелились. Дерево, железо и кровь, которой их смазывали последние недели, откликнулись на удар Таэланов. На миг Каэль увидел, что Талирион не просто укрепили. Его кормили изнутри.

АРОНЕЛЛА

Аронелла стояла позади первой линии, там, где грязь уже была перемешана с пеплом от ночных костров. Ордас был рядом. Он не касался её, но его присутствие удерживало пространство вокруг неё ровнее.

— Ты слышишь? — спросил он.

Аронелла кивнула. Она слышала город. Там, где искажение лежало над Талирионом тонким, липким куполом. Не таким плотным, как над Веларионом в её видениях. Оно касалось людей и вампиров одинаково. Меняло ритм крови, страха, голода. Оно помогало делать мир удобным для чужого бога. Аронелла закрыла глаза. И нынешний Талирион исчез. На его месте на миг возник другой город. Тот, в который она когда-то вошла одна. Без армии. Без имени, которое люди произносили с надеждой или ужасом. Тогда она ещё ничего не знала, как разговаривать на общем Континентальном людском языке, кто на самом деле такие ведьмаки, как переписали всю историю вампиров, какие короли правят Ноктирой и какие государства возвели к вершинам власти, не знала сколько стоят хлеб и комната. Она помнила «Сломанный Якорь». Тёплый свет. Запах тушёного мяса. Грубый голос Боруна Хельма. Быстрые шаги Миры. Каэля у стойки, чужого, ещё слишком опасного, не ставшего частью её жизни настолько глубоко, что теперь страх за него был осязаемым физическим недомоганием. Тогда Талирион был началом дороги. Теперь он стал воротами войны.

— Не пытайся закрыть всё, — тихо сказал Ордас. — Ты не стена.

— Я помню.

Аронелла открыла глаза. Внутри неё поднялась часть якорной сущности. Не как вспышка. Скорее как внутренний прилив. То, что дано ей Матерью Жизни и было старше всех имён, корон, любых человеческих границ между жизнью и смертью, развернулось из груди, из крови, из памяти. Она позволила этому расшириться в мир — откликом. Якорное поле Аронеллы коснулось земли перед воротами, мокрых щитов северян, серебряных нитей Таэланов, тёмного строя союзных вампиров, Роана с его горящими костяшками, Каэля с Кхорваэлем в руке. А потом — купола искажения. Талирион дёрнулся. Аронелла почувствовала, как чужая кровь внутри искажённых на мгновение теряет резонанс. Как твари, прятавшиеся в каналах, замедляются. Как вампиры, сломанные правлением Пустого Бога, вспоминают боль раньше голода.

КАЭЛЬ

Каэль увидел, как ворота просели. Сначала треснула левая створка. Потом верхний шарнир вырвало из камня, и мокрое железо с визгом сорвалось вниз. Северяне ударили тараном во второй раз. Третий удар уже был не нужен. Из пролома хлынуло тёмное движение. Люди. Каэль успел отметить это до первого удара. Не чудовища. Не полностью. Люди в порванной форме городской стражи, докеры, рабочие, кто-то в кухонном фартуке, кто-то босой. У всех одинаковые чёрные прожилки под кожей и одинаковый голодный блеск в глазах.

— Не распадаться! — крикнул Каэль.

Они ударили в строй, как вода в разбитую плотину. Роан оказался впереди быстрее, чем должен был. Он не бросился. Шагнул в нужное место, поднял ладонь, и знак на его пальцах вспыхнул. Первый искажённый, прыгнувший на Каэля сбоку, врезался в невидимую преграду и упал под ноги северянину. Эоган подхватил удар справа. Его знак был грубее, ярче, почти болезненный на глаз. Он стиснул зубы, удерживая троих сразу, пока копыта северян не вошли между телами. Каэль рубил быстро. Кхорваэль разрезал искажённую плоть, и каждый раз Каэль чувствовал сопротивление чужой воли. Пустой Бог не держал их всех лично. Он оставил в них приказ, как яд, медленно разлагавший тело. Слева вампиры Илара вошли в бой. Северяне напряглись. Каэль заметил это даже среди крови и дождя. Один молодой воин почти повернул копьё не туда, когда рядом с ним союзный вампир Таровен разорвал горло искажённому. Илар увидел. Ничего не сказал. Встал между своим и северянином, принимая на себя удар твари из канала. Из-за стен полетели стрелы. Каэль поднял взгляд. На внутренней галерее у ворот стояли люди в форме портовой стражи. Лица серые, испуганные, но не искажённые. Один из них, широкоплечий, с густой седой бородой и шрамом через левую бровь, опустил арбалет первым. Маркус Рейвен. Каэль знал его, но никогда не видел таким: не как капитана гордого порта, а как человека, которому оставили город, полный чужой крови.

— Не стрелять по живым! — рявкнул Маркус своим. — По тварям! По тварям, мать вашу!

Стрелы сменили направление. Борн заметил это тоже.

— Он держал людей, — сказал король.

— Пока мог, — ответил Каэль.

Из каналов ударил новый крик. Каменные люки в мостовой сорвались один за другим. Из тёмной воды полезли тела. Искажённые вампиры. Один прыгнул на Роана сверху. Роан не отступил. Он вскинул руку, но знак дрогнул. Каэль уже двинулся к нему, когда сзади по воздуху прошла широкая волна якорного света. Аронелла. Искажённый вампир на мгновение ослеп, потерял движение, будто его собственная кровь забыла, куда должна бежать. Каэль успел. Кхо-

рваэль вошёл под рёбра. Тварь рухнула. Роан тяжело выдохнул. На его лице не было благодарности. Только злость на собственную слабость и усталость, которую он не имел права показать.

— Жив? — спросил Каэль.

— Пока да.

— Держись рядом.

— Я не мальчик.

— Сейчас не время для поспешных действий.

Роан коротко усмехнулся и снова поднял руку.

АРОНЕЛЛА

Аронелла почувствовала, как поле дрогнуло. Город начал отвечать, сопротивляясь. Из каналов, доков, нижних улиц поднимался зов. Он шёл не к ней словами. Он искал её глубже, там, где имя не имело значения. Не Аронеллу. Не королеву. Не женщину, стоящую под дождём среди войны. Якорь. То, что можно было использовать. Она пошатнулась. Ордрас оказался рядом.

— Достаточно.

— Ещё нет.

— Аронелла, мы не должны тратить твои силы больше, чем нужно. Они ещё понадобятся.

Аронелла сжала пальцы. Внутри ладони проступила тёмная линия крови. Память раны. Она видела Каэля у ворот. Видела Борна, который шёл в бой так, будто каждая тварь могла оказаться лицом того, кто забрал у него дочь. Видела Лиру среди Таэланов. Пятнадцать человек против целого города, и всё равно Лира стояла так, будто мир ещё можно было научить другому языку. Аронелла медленно втянула поле обратно. Ровно настолько, чтобы не дать чужому зову ухватиться крепче. И в тот миг из глубины Талириона пришёл ответ. Улыбка без лица.

Ворота были взяты к полудню. И это уже стоило слишком дорого. Каэль стоял по щиколотку в воде и крови, пока северяне закрепляли пролом. Добровольцы вытаскивали раненых. Таэланы ставили новые печати на камне, чтобы искажение не закрыло проход снова. Эоган сидел у стены, запрокинув голову, и Лира лично проверяла знаки на его руках. Роан остался стоять. Упрямый. Бледный. На левом виске у него была кровь, но он не стирал её, будто боялся потратить на это лишнее движение. Маркус Рейвен спустился с галереи с поднятыми руками. За ним шли семеро портовых стражников. Обычные люди. Усталые. Грязные. Испуганные.

— Где Серафин Талирис? — спросил Борн.

Маркус посмотрел на него, потом на Каэля.

— Не знаю.

Борн сделал шаг ближе.

— Подумай лучше.

— Я не видел королеву с начала осады, — сказал Маркус. — Нас оставили у ворот. Сказали держать город от северных зверей и кровных. Потом из каналов полезло это.

— А Хельвар Вейраг? — голос Борна стал ниже.

Маркус нахмурился.

— Здесь его нет.

Тишина вокруг стала тоньше. Каэль увидел, как пальцы Борна сжались на рукояти топора. Не от гнева боя. От другого. Более старого. Более личного. Главного предателя Севера не было в Талирионе. Значит, Астрид всё ещё лежала между Борном и мстью. Где-то дальше. Борн медленно выдохнул.

— Тогда найдём того, кто есть.

Словно в ответ, с крыши дома над воротной площадью послышался смех. Не громкий. Уверенный. Каэль поднял голову. На мокрой черепице стоял человек в тёмной талирийской броне с северным знаком, грубо выцарапанным на нагруднике. Роальд Сьорвейн смотрел вниз на Борна так, будто ждал именно этого мгновения.

— Король Севера, — сказал он. — Всё-таки пришёл лично.

Борн посмотрел на него. И впервые за весь день убрал топор.

— Спускайся, Роальд, — сказал он. — Я не буду убивать тебя оружием.

Каэль повернул голову.

— Борн.

— Нет, — сказал король.

Роальд усмехнулся.

— Хочешь чести?

Борн поднял на него глаза.

— Нет. Я хочу, чтобы ты жил достаточно долго и понял, что смерть была бы милостью.

Из глубины города снова поднялся зов. Каналы за воротами забурлили. Таэлань закричали, удерживая печати. Аронелла где-то позади снова раскрыла свою силу, но слабее, осторожнее, зная, что Талирион слушает её внимательно. Каэль поднял Кхорваэль. Ворота были взяты, но город только начинал открываться.

ГЛАВА 2

СЛОМАННЫЙ ЯКОРЬ

23 день Дождя, 703 год СЧК

Талирион

Малверис сидел за стойкой «Сломанного якоря» и слушал, как умирает город.

Где-то далеко, за мокрыми крышами Нижнего города, тяжело били осадные орудия. От каждого удара дрожали стены, на полках позвякивали кружки, а с потолочных балок осыпалась пыль. Иногда по улице проносились люди. Иногда — что-то гораздо более быстрое.

Таверна почти опустела.

Столы стояли задвинутыми к стенам. Очаг горел едва-едва — больше по привычке, чем ради тепла. На полу остались следы грязных сапог, но людей, которые их оставили, уже не было.

Невария сидела рядом с Малверисом, чуть отвернувшись от окна. Тёмный плащ скрывал её фигуру, капюшон — светло-пепельные волосы. Она сохраняла неподвижность, которая давно перестала казаться Малверису неестественной, но по-прежнему могла насторожить любого человека.

Борун Хельм стоял по другую сторону стойки и протирал кружки.

Он делал это медленно и тщательно, хотя подавать их было некому. Сначала проводил тканью внутри, затем осматривал донышко, вытирал край и ставил кружку на полку рядом с остальными.

Когда стены снова дрогнули, одна из них тихо звякнула о соседнюю.

Борун поправил её.

— Ты не должен идти к ней сразу, — произнесла Невария.

Малверис не повернул головы.

— Я и не собирался.

— Собирался.

— Ты читаешь мысли?

— Твои читать необязательно.

Он посмотрел на неё из-под капюшона.

Невария продолжила, понизив голос:

— Когда войска войдут в город, начнётся суматоха. Раненые, пленные, жители, отступающие. Сначала нужно понять, где находится Лира и кто рядом с ней. Потом решим, как приблизиться.

— У нас может не быть времени.

— Если выйдешь к ней слишком рано, времени у тебя точно не останется.

Малверис сжал пальцы на краю стойки.

— Она должна узнать о Вратах.

— Узнает.

— От кого?

— От тебя. Когда ты перестанешь вести себя так, будто она ждёт твоего возвращения.

Он медленно повернулся к Неварии.

— Я не думаю, что она меня ждёт.

— Тогда помни об этом.

Она наклонилась немного ближе.

— Для тебя это встреча с последним человеком, которому ты можешь передать знание. Для неё — встреча с человеком, из-за которого погиб её отец.

Ткань в руках Боруна остановилась.

Совсем ненадолго.

Он поставил кружку на полку, взял следующую и принялся протирать её с тем же сосредоточенным выражением.

— За месяц вы спускались вниз реже, чем Мира ходила за водой, — сказал он. — А сегодня решили обсудить спасение мира прямо у моей стойки.

Невария повернула к нему голову.

— Вы слушали наш разговор?

— Вы разговаривали в моей таверне.

— Таверна закрыта, — заметил Малверис.

— А уши у меня пока работают.

Борун осмотрел кружку на свет и поставил её рядом с остальными.

— Из комнаты почти не выходите. Еду забираете наверх. К окнам не подходите. Днём спите, ночью шепчетесь. И каждый раз, когда на улице проходят солдаты, оба делаете вид, будто внезапно заинтересовались стеной.

Он посмотрел сначала на Малвериса, затем на Неварию.

— Так что да. Вы явно не отсюда.

— Наблюдательный человек, — сказал Малверис.

— Работа такая. В таверне полезно замечать, кто собирается заплатить, а кто — вытащить нож.

— И к какой категории вы отнесли нас?

— Пока не решил.

Борун взял со стойки ещё одну кружку, но протирать её не стал.

— Раньше я бы спросил, кто вы такие и зачем приехали. Теперь нет смысла. Всё равно правды никто не говорит.

— Кто именно? — спросила Невария.

Борун коротко усмехнулся.

— Кто угодно, у кого есть печать, форма или место во дворце.

Он вернулся к работе.

— Раньше хотя бы ввали по-разному. Можно было послушать несколько версий и понять, где между ними спряталась правда. Последние два года даже этого нет.

За стенами прогремел новый удар.

Борун дождался, пока перестанут звенеть кружки.

— Из дворца не говорят ничего. Городской совет повторяет приказы. Стража сама не понимает, кого охраняет. Одни говорят, идёт война с Севером. Другие — что Север теперь воюет вместе с вампирами. Третьи уверяют, что вампиры служат какому-то богу. А кто-то клянётся, что королева вампиров воюет против них.

— И чему верите вы? — спросил Малверис.

— Тому, что вижу.

Борун поставил кружку.

— Вампиры живы. Это точно.

Он произнёс это без благоговения и без удивления.

— Я видел вампиров дома Морват на улицах. Не тех, про которых моряки рассказывают после пятой кружки. Настоящих. Спокойных, чистых, будто война для них — обычное дело. Городская стража перед ними дорогу освобождает.

Невария едва заметно напряглась.

— Искажённых тоже видел, — продолжил Борун. — Некоторые ещё носят лица людей, которых я знал. Один раньше разгружал рыбу в порту. Теперь бегает на четвереньках и грызёт камни.

Он пожал плечами.

— Так что сказки закончились. Осталось понять, кто теперь чудовище, а кто просто носит неподходящее лицо.

Невария посмотрела на него внимательнее.

— А где, по-вашему, сейчас безопасно?

Борун впервые за разговор задумался по-настоящему.

— Нигде.

Ответ прозвучал спокойно.

— Людей вывозили в Веларион — говорили, там безопасно. Северяне утверждают, что безопасно у них. Королевские люди уверяли, что Талирион выдержит любую осаду. Теперь северяне уже у ворот.

Он поднял взгляд на Малвериса.

— Когда каждый обещает безопасность, обычно это значит, что её больше нигде нет.

Малверис ничего не ответил.

Борун провёл пальцем по краю очередной кружки.

— Про Каэля тоже говорят разное.

При этом имени Малверис чуть повернул голову.

— Что именно? — спросила Невария.

— Будто он жив. Будто собрал новый орден ведьмаков. Или не ведьмаков — кто их теперь разберёт. Одни называют их Рубежом, другие — новыми истребителями. Кто-то говорит, они пьют вампирскую кровь. Кто-то — что сами стали вампирами.

Борун поморщился.

— Людям дай два дня без новостей, и на третий они уже придумают новую религию.

— Вы знали Каэля? — спросил Малверис.

— Знал — громко сказано. Он останавливался здесь.

Борун взял новую кружку, но вместо того, чтобы протереть, несколько мгновений просто держал её в руках.

— Самый нормальный мужик из всех, кого я встречал.

Невария слегка подняла бровь.

— Ведьмак?

— Вот именно.

Борун посмотрел на неё.

— Приходил, платил, ел, спал. Не рассказывал, как нужно управлять королевством. Не спорил о богах. Не обещал спасти весь мир. Если говорил, что убьёт тварь, — уходил и убивал.

— Это ваше представление о нормальности? — спросила Невария.

— В Талирионе — да.

Уголок её губ едва заметно дрогнул.

— Он иногда неделями мог не произнести ничего длиннее заказа на ужин, — продолжил Борун. — Но когда нужно было помочь, помогал. Не потому что хотел выглядеть героем. Просто потому что рядом больше некому было.

Он поставил кружку на полку.

— Потом ушёл на Север вместе с одной девушкой.

Малверис уже знал, чьё имя сейчас прозвучит.

— Аронеллой, — сказал Борун.

Невария посмотрела на хозяина.

— Вы слышали о королеве вампиров с таким именем?

— Слышал.

— И никогда не думали, что это может быть она?

Борун фыркнул.

— Та Аронелла была человеком.

Уверенность в его голосе не оставляла места для сомнений.

— Станным человеком, — добавил он после паузы. — Иногда смотрела так, будто видела, чем закончится разговор, ещё до его начала. Не умела нормально отвечать на простые вопросы. Посетителей пугала одним взглядом. Но человеком.

Он взял ткань и снова принялся протирать кружку.

— Пробыла здесь всего пару недель.

— Но вы её помните, — заметил Малверис.

— Я многих помню.

— По всем скучаете?

Борун поднял на него тяжёлый взгляд.

— К словам не цепляйся.

Несколько мгновений он молчал.

— Хорошая была женщина, — добавил он тише. — Непонятная. Упрямая. Постоянно задавала вопросы, на которые нормальным людям ответы не нужны.

Его взгляд скользнул по пустому залу.

— Таверна после неё стала немного тише.

— Она ушла вместе с Каэлем, — сказала Невария.

— Да.

— И вы не знаете, что с ними произошло.

— В Талирии два года никто ничего не знает.

Борун произнёс это уже без прежней насмешки.

— Может, Каэль действительно возглавляет новый орден. Может, та королева вампиров просто носит такое же имя. Может, моя Аронелла давно умерла где-нибудь по дороге на Север.

Слова «моя Аронелла» вырвались у него естественно.

Он сам это понял и недовольно нахмурился.

— В смысле — та, которую я знал.

Невария не стала поправлять его.

Малверис тоже промолчал.

Он знал правду.

Знал, что женщина, которую Борун помнил в сером платье и с подносом в руках, сейчас находилась где-то за мокрыми улицами Талириона. Вела в бой людей, вампиров и новых воинов Каэля. Несла на себе вес мира, который этот человек видел только обрывками.

Но Малверис не стал разрушать воспоминание.

Для целых народов Аронелла была Первородной, королевой вампиров и живым якорем.

Для Боруна Хельма она оставалась женщиной, которой он когда-то дал комнату, еду и работу.

Малверис положил на стойку две серебряные монеты.

— Дайте что-нибудь выпить.

Борун посмотрел на серебро.

Два вальмара блеснули в свете очага. Когда-то за такую сумму можно было получить комнату, еду и несколько дней спокойствия. Теперь они выглядели нелепо среди пустых столов и далёкого грохота.

Борун подтолкнул монеты обратно.

— За счёт заведения.

Малверис поднял глаза.

— Простите?

— Сказал: убери.

— Это серебро.

— Я вижу. Не ослеп ещё.

— Вы отказываетесь от денег?

— В нынешнее время они слишком много о себе думают.

Борун взял чистую кружку и наполнил её элем из небольшой бочки под стойкой.

— Деньги нужны, когда знаешь, что завтра откроется рынок. Когда купцы снова выставят товар, стража потребует пошлину, а пекарь начнёт ругаться из-за цены на муку.

Он поставил кружку перед Малверисом.

Очередной удар прокатился по городу. Где-то неподалёку разбилось стекло.

— А сейчас к вечеру у ворот может висеть другой герб. Или никакого. Так что твои вальмары пока просто два блестящих куса металла.

— Вы всегда так плохо ведёте дела?

— Таверна всё ещё стоит.

Малверис некоторое время смотрел на него.

Потом убрал серебро.

Он снял капюшон.

Движение вышло медленнее, чем он хотел. Словно ткань защищала его не только от чужих взглядов, но и от необходимости признавать собственное лицо.

Седые волосы прилипли к вискам. Кожа за последние месяцы стала серее, под глазами залегли тёмные круги. В прежние годы он не позволил бы себе появиться в таком виде даже перед младшими служителями Башни.

Теперь на него смотрели только вампирша и хозяин почти пустой таверны.

Борун задержал на нём взгляд.

Всего на несколько ударов сердца дольше, чем прежде.

Но ничего не сказал.

Малверис поднял кружку.

— Не пей, — сказала Невария.

Он остановился, не донеся её до губ.

— Мне не требуется разрешение.

— Тебе требуется концентрация. Они ищут нас. В любой момент придётся уходить или сражаться.

Малверис посмотрел на неё.

И выпил.

Эль был слабым, тёплым и слишком горьким.

Борун одобрительно кивнул.

— Правильно.

Невария перевела взгляд на него.

— Что именно?

— Иногда мужчине нужно выпить.

— Для чего?

Борун задумался.

— Чтобы ненадолго решить, что он всё ещё понимает, что делает.

Малверис сделал ещё один глоток.

— Наконец-то разумная теория.

— Я за стойкой больше тридцати лет. Теорий слышал много. Эта хотя бы работает.

— Работает плохо, — заметила Невария.

— Большинство мужских решений тоже.

Она едва заметно усмехнулась.

Борун увидел это, но ничего не сказал.

Малверис посмотрел на стену за его спиной.

Там висела старая деревянная вывеска. Не та большая, которую ветер раскачивал над входом, а её уменьшенная копия. На тёмном дереве был нарисован якорь, расколотый по центру.

Краска выцвела, но линии сохранились.

— Почему сломанный? — спросил Малверис.

Борун проследил за его взглядом.

— Что?

— Якорь.

— Название таверны.

— Я понял. Почему он сломан?

Борун некоторое время молчал.

— Жена нарисовала.

— Ваша?

— Чужих жён я обычно не просил рисовать мне вывески.

Он взял ещё одну кружку и провёл тканью по краю.

— Я хотел обычный якорь. Целый. Она сказала, что целые якоря люди не замечают.

— А сломанные замечают?

— Люди вообще любят сломанные вещи. Сразу хочется узнать, кто их сломал.

Малверис посмотрел на трещину, нарисованную на дереве.

— Она открывала таверну вместе с вами?

— Скорее я открывал вместе с ней. Это была её идея.

Борун говорил ровно. Не как человек, которому хотелось поделиться воспоминаниями. Скорее как тот, кто давно привык прятать их за короткими фразами.

— Она уже тогда болела. Лекари говорили разное. Один называл болезнь разрастанием внутри тела. Другой — гнилью крови. Третий просто брал деньги и обещал новый отвар.

— Они не смогли помочь?

— Боль иногда снимали.

Борун пожал плечами.

— Больше ничего.

За окном послышался бег. Кто-то выкрикнул приказ. Ответа не последовало.

— Она боялась тишины, — продолжил Борун. — Говорила, что хочет умереть там, где люди смеются, ругаются и стучат кружками. Чтобы не слышать, как останавливается собственное дыхание.

Он положил ткань на стойку.

— Поэтому открыли таверну.

Малверис посмотрел на пустой зал.

— И теперь вы остались здесь один.

— Не совсем.

— Мира в Веларионе.

Лицо Боруна стало тяжелее.

— Да.

— Вы сами её отправили?

— Я.

— Почему?

— Потому что здесь шла осада.

Он ответил резко, будто защищался не от вопроса Малвериса, а от собственного воспоминания.

— Людей вывозили туда. Говорили, столица принимает жителей из опасных городов. Еда, жильё, работа. Люди Серафин уверяли, что Веларион защищён лучше любого места на материке.

Малверис опустил взгляд в кружку.

Борун этого не заметил.

Невария — заметила.

— Мира не хотела уезжать, — продолжил Борун. — Решила, что я без неё пропаду. Я сказал, что уже больше двадцати лет пропадаю и пока получается не очень хорошо.

Уголок его рта дёрнулся.

— Посадил её на повозку. Велел не возвращаться, пока всё не закончится.

— Вы уверены, что в Веларионе ей безопаснее? — спросила Невария.

Борун посмотрел на неё.

— Нет.

Одно короткое слово.

— Но когда выбираешь между плохим и неизвестным, иногда приходится отправлять человека в неизвестное.

Малверис снова поднял кружку.

Перед глазами возникла площадь Велариона.

Чаши с кровью. Детские голоса. Монументальные Врата. Люди, согнувшиеся под тяжестью камня и чужой веры.

Мира могла быть среди них.

Он мог сказать Боруну правду.

Хотя бы часть.

Но правда не вернула бы её. Она лишь заставила бы этого человека бросить таверну и отправиться в город, из которого Малверис и Невария едва сумели выбраться.

— Веларион велик, — произнёс он. — Один человек может затеряться там надолго.

Борун посмотрел на него внимательнее.

— Ты там был.

Это не было вопросом.

Малверис отпил ещё немного эля.

— Я бывал во многих местах.

— А отвечаешь всегда так, будто потом жалеешь.

Борун снова всмотрелся в его лицо.

Потом перевёл взгляд на опущенный капюшон, лежавший на плечах Малвериса, на седые волосы и глубокие тени под глазами.

Малверис заметил момент узнавания.

Оно не было резким. Не вызвало испуга. Просто несколько разрозненных деталей наконец соединились.

— Вот почему вы месяц почти не выходили из комнаты, — произнёс Борун.

Невария слегка изменила положение тела.

— О чём вы?

— Ваши лица висят по всему городу.

Борун посмотрел на Малвериса.

— На рынке. У порта. На воротах. Даже возле Храма Прилива один лист прибили. В его голосе не было угрозы.

— Малверис Девон.

Тишина между ними стала тяжелее.

Борун перевёл взгляд на Неварию.

— А ты, значит, Невария Морват.

Она не ответила.

— Почему вы молчали? — спросил Малверис.

— Потому что вы платили за комнату вовремя и пока никого здесь не убили.

Борун посмотрел на почти пустую кружку.

— Для постояльцев нынешнего времени этого уже достаточно.

— Вы не собираетесь звать стражу?

— Какую именно?

— Талирийскую.

— Ту, что пропускает вампиров дома Морват? Или ту, что убегает от искажённых?

Он покачал головой.

— Я уже говорил. Никто не объяснил, кто с кем воюет и за что вас ищут. Может, вы убийцы. Может, единственные люди, которые ещё знают, что происходит.

Борун взял со стойки ткань.

— В любом случае, стража сюда сейчас не дойдёт.

Невария повернула голову к окну.

— Нам пора готовиться.

Она поднялась и поправила плащ.

Малверис поставил кружку.

Снаружи стало тише.

Не обычной тишиной между двумя ударами. Исчезли голоса. Шаги. Даже далёкий грохот словно отодвинулся.

Невария замерла.

Борун посмотрел на неё.

— Что?

— Они здесь.

Только тогда хозяин таверны бросил ткань на стойку.

Наклонился и открыл скрытую створку под полками.

Из креплений под стойкой он достал усиленный арбалет.

Оружие выглядело тяжёлым даже в его крупных руках. Стальная дуга была короче военной, но заметно толще. Ложу Борун вырезал из тёмного корабельного дерева, укрепив её железными полосами и заклёпками. Некоторые детали не подходили друг к другу по цвету и возрасту: часть он снял со старого подъёмного механизма, часть выменял у портового кузнеца, часть изготовил сам.

Возле приклада в дерево была врезана узкая металлическая пластина с выгравированным женским именем.

Борун провёл по буквам большим пальцем.

Поставил ногу в железное стремя, закрепил на тетиве съёмный рычаг взвода и потянул его на себя.

Стальная дуга медленно выгнулась.

Тетива встала в паз с тяжёлым сухим щелчком.

Борун снял рычаг и вложил в направляющую короткий тяжёлый болт с широким накопником.

— Вы верите в судьбу? — спросил он, не поднимая головы.

Малверис посмотрел на него.

— Сейчас?

— Потом времени может не быть.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Борун кивнул, будто ожидал именно его.

— Я тоже раньше не верил.

— А теперь?

Борун поднял арбалет и проверил линию до двери.

— Теперь не уверен. Слишком часто человек оказывается именно там, куда всю жизнь старался не попасть.

Малверис усмехнулся.

Когда-то он верил только в разум, силу, знание и собственную волю. Верил, что любой путь можно просчитать. Что судьбой называют последствия решений, которых человек не сумел понять.

А потом оказался в пустой таверне Талириона.

Рядом с вампиршей.

Среди войны, которую помог приблизить.

И собирался искать дочь человека, чью смерть допустил.

— Даже если судьба существует, — произнёс Малверис, — у неё отвратительное чувство юмора.

Борун коротко усмехнулся.

— Значит, всё-таки веришь.

— Я сказал: если.

— Все верующие так говорят.

По наружной стороне двери медленно провели когтями.

Дерево протяжно заскрипело.

Один раз.

Потом второй.

Невария втянула воздух.

— Шестеро.

— Люди? — спросил Борун.

— Когда-то.

Хозяин упёр приклад в плечо.

Первый удар пришёлся в дверь.

Верхняя петля дёрнулась. С потолка посыпалась пыль.

Малверис поднялся со стула.

— Я говорила не пить, — тихо произнесла Невария.

Он вытащил из-под плаща узкий стеклянный флакон.

— А я не говорил, что собираюсь тебя слушать.

Второй удар расколол доску возле засова.

Борун навёл арбалет на образовавшуюся щель.

— Спорить будете потом.

Третий удар выбил дверь внутрь.

Первое искажённое существо прыгнуло через порог почти одновременно с обломками дерева.

Оно ещё сохраняло человеческую форму. На нём висели остатки солдатской куртки, но руки стали слишком длинными, а пальцы выгнулись в тонкие костяные крючья. Под серой кожей шеи двигались чёрные нити.

Белые глаза сразу нашли Малвериса.

Борун нажал на спуск.

Тетива ударила с металлическим звоном.

Тяжёлый болт вошёл существу под ключицу и пробил тело насквозь. Прыжок оборвался. Искажённый рухнул обратно в дверной проём и сбил второго, шедшего за ним.

Борун опустил разряженный арбалет.

— Попал, — сказал он.

— Пока только в одного, — ответила Невария.

Второе существо сбросило с себя тело первого и шагнуло в зал.

За ним появилось третье.

Одновременно разбилось окно.

Четвёртый искажённый влетел внутрь вместе с осколками стекла и рухнул на ближайший стол. Дерево под ним треснуло, но существо мгновенно поднялось.

Третий искажённый не посмотрел на Малвериса.

Его белые глаза сразу нашли Боруна.

Хозяин успел развернуть арбалет и встретил существо тяжёлым прикладом. Металлическая накладка ударила в висок. Раздался хруст, однако тварь лишь качнулась и схватила Боруна за фартук.

Невария оказалась рядом раньше, чем он успел достать тесак.

Она перехватила руку искажённого, вывернула её за спину и ударила его лицом о край стойки.

Первый удар раздробил нос.

Второй — челюсть.

После третьего существо обмякло и сползло на пол.

Из кухни донёсся треск дерева.

Невария подняла голову.

— Ещё один у заднего входа.

Она исчезла за дверью кухни.

Второй искажённый прыгнул через стойку.

Борун попытался отступить, но за спиной стояли полки с бутылками.

Малверис выдернул пробку из флакона и рассыпал серый порошок по стойке.

— Ложись.

Борун пригнулся.

Малверис провёл большим пальцем по острому краю стеклянного горлышка.

Кожа раскрылась.

Первая капля крови упала на серый порошок.

Малверис произнёс короткую формулу.

Порошок вспыхнул белым.

Не огнём.

Само дерево под руками искажённого резко изменило напряжение. Доски выгнулись навстречу друг другу, зажав его пальцы и предплечья. Существо дёрнулось, пытаясь освободиться.

Малверис схватил пустую бутылку и ударил его по виску.

Стекло разлетелось.

Искажённый повернул к нему разбитое лицо.

— Нашли, — прохрипел он.

Малверис вогнал оставшийся в руке осколок ему в глаз.

Тело обмякло на стойке.

Четвёртое существо уже поднималось с разрушенного стола. Оно двигалось ниже остальных, почти на четырёх конечностях. Спина выгибалась неправильной дугой, а челюсть раскрылась гораздо шире человеческой.

Малверис отступил.

Тварь прыгнула.

Он едва успел выставить предплечье. Когти прошли через рукав и разорвали кожу. Удар отбросил его к полкам. Затылок встретился с деревом, и на мгновение зал поплыл перед глазами.

Слишком медленно.

Невария была права насчёт выпивки.

Искажённый снова бросился вперёд.

Малверис выставил ладонь.

Он не пытался остановить тело.

Он искал шов внутри него.

Точку, в которой чужой приказ удерживал сломанную плоть в единой форме.

Сознание коснулось структуры существа.

Там не было мыслей.

Не было личности.

Только натянутая связь, уходящая куда-то далеко за пределы таверны.

Малверис сжал пальцы.

И разорвал её.

Искажённый рухнул в шаг от него.

Но не умер.

Тело начало судорожно дёргаться, пытаясь восстановить связь. Руки били по полу.

Челюсть открывалась и закрывалась.

Малверис поднял обломок стула и вогнал заострённую ножку ему в грудь.

Тварь затихла.

За стойкой Борун тяжело поднялся на ноги.

Из кухни появился пятый искажённый.

Вернее, сначала показалась его рука.

Затем — Невария, державшая существо за шею одной рукой.

Оно билось, царапало её предплечье, пыталось вывернуться. Невария резко повернула кисть.

Позвонки хрустнули.

Тело упало на пол.

— У заднего входа был один? — спросил Малверис.

— Один.

Невария посмотрела на разбитое окно.

— Последний остался снаружи.

Шестой искажённый стоял в переулке и наблюдал.

Его лицо почти не изменилось. Молодой мужчина, возможно, бывший стражник. Только глаза стали полностью белыми, а вокруг губ проступили чёрные прожилки.

Он смотрел не на Неварию.

На Малвериса.

— Малверис Девон, — произнёс он.

Борун медленно повернул голову.

Малверис застыл.

Искажённый улыбнулся.

— Невария Морват.

В ту секунду, когда прозвучали их имена, Малверис почувствовал знакомое натяжение внутри существа.

Связь дёрнулась.

По ней прошёл короткий импульс — быстрый, почти незаметный, направленный куда-то далеко за пределы Нижнего города.

Малверис потянулся следом, сам не зная зачем, и на мгновение коснулся не самого разума, а лишь его далёкого следа.

Тьмы.

Голода.

Внимания.

А затем — ощущения улыбки.

Без лица. Без звука. Только уверенности в том, что всё происходящее идёт именно так, как должно.

Ирворен знал, где они.

Малверис разорвал контакт.

Искажённый не просто назвал их.

Он передал подтверждение тому, кто ждал его далеко за пределами этой улицы, этого города и этой войны.

Невария сорвалась с места.

Но существо уже отступало от окна.

Оно не пришло сражаться.

Оно пришло убедиться, что беглецы действительно находятся здесь.

Малверис схватил запасной болт, лежавший возле стойки, и провёл двумя пальцами по металлическому наконечнику.

Воздух вокруг древка на мгновение сжался.

Короткий алхимический импульс сорвал болт с его ладони.

Тот пролетел через разбитое окно и вошёл искажённому в шею.

Существо пошатнулось.

Невария перескочила через подоконник и закончила удар прежде, чем оно успело упасть.

Несколько мгновений за окном было тихо.

Затем она вернулась.

На щеке темнела чужая кровь.

— Поздно, — сказала Невария.

— Я почувствовал.

Голос Малвериса прозвучал глуше обычного.

Невария посмотрела на него.

— Что именно?

— Его.

Она не стала переспрашивать.

Малверис обвёл взглядом мёртвых в таверне.

Шестеро.

Слишком мало для захвата.

Достаточно для проверки.

Они хотели узнать, действительно ли беглецы находятся в Талирионе. Насколько ослаб Малверис. Какими способностями располагает Невария. Кто помогает им. Как быстро они покинут укрытие после обнаружения.

Искажённые не должны были победить.

Они должны были заставить их раскрыться.

— Это была не попытка убить нас, — сказал Малверис.

— Нет.

— Они собирали сведения.

Невария вытерла кровь с лица.

— Как и во всём этом городе.

За стенами снова прогремел удар.

Теперь Малверис слышал в нём не только штурм.

Вопрос.

На что способны северяне?

Что умеют новые воины Каэля?

Насколько сильна Лира?

Сколько союзников привела Аронелла?

Как они держат строй?

Кого потеряют первыми?

Талирион не пытались спасти.

Им измеряли врага.

Борун поднял арбалет.

Приклад треснул возле металлической накладки, одна из заклёпок вылетела. Но пластина с именем жены осталась цела.

Он провёл по гравировке большим пальцем.

Затем посмотрел на Малвериса.

— Девон.

Малверис поднял капюшон.

— Не советую запоминать.

— Поздно.

Борун оглядел разрушенный зал.

— Вы всегда так платите за выпивку?

— Обычно ущерб был значительно дороже.

— Верю.

Малверис подошёл к выбитой двери и провёл окровавленными пальцами по уцелевшей части косяка.

Три короткие линии легли на дерево.

Он достал из кармана узкую металлическую пластину, вдавил её в трещину и произнёс несколько слов.

Знак вспыхнул тусклым белым светом.

Погас.

— Следующие придут не шестеро, — сказал Малверис. — Эта печать собьёт слабых и задержит сильных. Ненадолго.

— Я догадался.

— Спуститесь в погреб.

Борун помрачнел.

— Я не оставляю таверну.

— Я не прошу вас её оставлять.

Малверис повернулся к нему.

— Я прошу вас прожить достаточно долго, чтобы отстроить дверь.

Борун посмотрел на выбитые доски.

— Дверь была хорошая.

— Значит, у вас появилась причина выжить.

Хозяин уже собирался возразить, но Малверис добавил:

— И Мира.

Этого оказалось достаточно.

Борун медленно кивнул.

Поднял повреждённый арбалет, подобрал один из уцелевших болтов и направился к люку за стойкой.

Перед тем как спуститься, он остановился.

— За дверь ещё заплатите.

— Вы только что отказались от денег, — напомнил Малверис.

— За выпивку. Дверь — другое дело.

Малверис едва заметно усмехнулся.

— Разумеется.

Борун опустил на первую ступень.

— И если сломаете что-нибудь ещё, счёт будет больше.

— Следующие посетители могут оказаться менее платёжеспособными.

— Поэтому я и запомнил тебя.

Люк закрылся.

Невария уже стояла у заднего выхода.

Малверис посмотрел на недопитый эль.

Кружка чудом осталась на стойке.

Он поднял её и сделал последний глоток.

Невария закрыла глаза.

— Серьёзно?

Малверис поставил пустую кружку.

— Теперь концентрация мне уже не понадобится для спокойного вечера.

Из-под люка донёсся приглушённый голос Боруна:

— Нормальный человек.

Невария посмотрела на Малвериса.

— Не преувеличивайте.

Они вышли через кухню, оставив позади разбитую таверну, шестерых мёртвых и человека, который всё ещё держался за свой сломанный якорь.

За задней дверью Талирион больше не был городом.

Он стал движением.

Люди бежали к воротам и от ворот одновременно. По переулку протащили раненого северянина. Из окна напротив выпрыгнуло искажённое существо, но где-то за домами вспыхнула серебристо-голубая линия, и тварь рухнула, словно её ударили изнутри.

Над крышами поднимался бело-золотой свет.

Три вложенные печати на мгновение проявились в дождевом воздухе и исчезли.

Орден Лиры уже вошёл в город.

Самой Лиры Малверис не увидел.

Только её след.

Он сделал шаг в сторону света.

Невария схватила его за рукав.

— Не сейчас.

— Я знаю.

Но он продолжал смотреть.

Серебристая линия вспыхнула снова, уже дальше. За ней последовал глухой удар, чей-то крик и тяжёлый звон металла.

Лира была где-то там.

В нескольких улицах от него.

Ближе, чем за все последние месяцы.

И всё равно недостижимо далеко.

— Тогда иди, — сказала Невария.

Малверис заставил себя отвернуться.

Они смешались с людьми, выходившими из домов. Сгорбились, спрятали лица, замедлили шаг. Малверис позволил чужой толпе принять его в себя.

Бывший Архимагистр Башни исчез среди тех, чьи имена когда-то не считал нужным запоминать.

Позади них «Сломанный якорь» остался стоять.

Дверь была выбита. Окно разбито. На полу остывала кровь.

Но в погребе всё ещё дышал человек, который не позволил таверне умереть вместе с городом.

ГЛАВА 3

ДВОРЕЦ БЕЗ КОРОНЫ

23 день Дождя, 703 год Счёта Четырёх Корон.Талирион.

Дворец возвышался над открытым кварталом так, словно город вокруг него ещё не пал.

Высокие серые стены уходили вверх сквозь дождь. Верхушки башен исчезали в низких облаках. Над центральным входом висели тёмно-зелёные знамёна Талирии. Золотые морские змеи изгибались на промокнувшей ткани под порывами ветра, будто всё ещё пытались удержать власть над городом.

Между ними тяжело колыхались чёрно-красные полотнища дома Морват.

Улица перед дворцом постепенно расширялась.

Последние жилые здания остались позади. По обе стороны теперь стояли судебные палаты, дома чиновников, финансовые конторы и закрытые здания торговых советов. Между ними темнели арки, ведущие к внутренним каналам.

Впереди не было ни узких переулков, ни нависающих крыш, ни стен, за которыми можно скрыть отряд.

Только мокрый камень.

Каналы под ним.

И дворец.

Аронелла остановилась у края открытого квартала.

Слева стоял Каэль. Кхорваэль был опущен вдоль ноги, но пальцы ведьмака не разжимались на рукояти. По его плащу стекала вода, смывая тонкие следы чужой крови.

Справа находился Борн. За королём Севера выстроились командиры передних отрядов и два ряда воинов с тяжёлыми щитами.

Чуть позади держались Лира и пятнадцать Таэланов.

Некоторые уже едва стояли после боёв у ворот. Свет их амулетов стал слабее. Пальцы дрожали от перенапряжения. Но никто не попросил отвести его назад.

Ближе остальных к Лире находился Эрвен Астеван.

Дождь пропитал его тёмно-русые волосы и дорожную одежду. На первый взгляд он казался слишком молодым для того, что происходило вокруг. Девятнадцатилетний сын богатого солмирского дома должен был изучать старые рукописи в безопасной библиотеке, спорить с наставниками и считать, что самым сложным устройством мира является водяной механизм.

Вместо этого он стоял перед дворцом Талириона среди крови и мёртвых.

Тонкое серебряное кольцо на его пальце почти не отличалось от обычного украшения.

Только Лира и ещё несколько человек знали, чем оно было на самом деле.

Впереди строя ожидали Роан Вальд и Эоган Рейд.

Двое Арамиров.

Живые руны на их руках проступали неровными линиями, чувствуя искажение под камнем.

Ордрас стоял немного в стороне.

Он смотрел не на дворец.

На землю.

Илар и союзные вампиры удерживали фланги. Корвен Таровен не позволял им отдаляться от северян, раздавая короткие приказы обеим частям строя. Тервис Марро со своей небольшой группой уже проверял боковые улицы и крыши административных зданий.

За передним отрядом продолжали прибывать люди.

Северяне.

Талирийцы, перешедшие на их сторону.

Вампиры Илара.

Носильщики с ранеными.

Они дошли до дворца.

Но никто не почувствовал облегчения.

Слишком тихо.

Даже дождь здесь казался тише.

Аронелла закрыла глаза.

Поле вокруг неё не имело видимой границы.

Оно существовало как множество тончайших связей, удерживаемых её вниманием.

Чужое дыхание.

Страх людей.

Голод вампиров, окружённых кровью раненых.

Усталость Таэланов.

Живые руны Арамиров.

Боль тех, кто продолжал идти только потому, что остановиться означало остаться среди тел.

Она чувствовала всё это одновременно.

Не читала мысли.

Не управляла желаниями.

Только не позволяла отдельным чувствам слиться в одну разрушительную волну.

Стоило страху пройти через весь строй — люди начнут видеть врагов даже среди союзников.

Стоило голоду вампиров стать общим — кровь на улицах превратится в приказ.

Стоило искажению проникнуть в сознание нескольких Таэланов — их печати могли сомкнуться неправильно.

Аронелла удерживала границы.

Свою.

Их.

И ту невидимую границу, через которую Ирворен продолжал касаться мира.

— Они ждут внутри, — сказал Борн.

Каэль осмотрел пустые окна верхних этажей.

— Или хотят, чтобы мы так решили.

— Перед дворцом почти никого.

— Поэтому он и выглядит хуже крепости с тысячей защитников.

Лира подняла руку.

Над её пальцами возникли три тонкие линии. Они вложились одна в другую, образовали печать — и сразу дрогнули.

Свет погас.

— Сновиденный слой натянут, — произнесла она.

Борн посмотрел на неё.

— Что это означает?

— Что под нами что-то удерживают.

Эрвен опустил взгляд на мокрый камень.

Он не видел того, что видела Лира.

Но чувствовал связи.

Тонкие напряжённые линии, идущие под землёй, пересекающиеся под площадью и уходящие к дворцовым стенам.

Слишком ровные для обычных каналов.

Слишком живые для камня.

— Не одна связка, — сказал он. — Их несколько. Они держат друг друга.

Лира повернулась к нему.

— Сколько?

Эрвен закрыл глаза.

Серебряное кольцо отозвалось холодом.

— Семь основных. Но центральная уже распадается.

Ордас медленно поднял голову.

— Она не распадается.

Камень дрогнул.

— Её отпустили.

Первый толчок был настолько слабым, что его можно было принять за движение тяжёлой повозки.

Второй прошёл под всей площадью.

Вода в лужах покрылась рябью.

Каэль поднял Кхорваэль.

— Щиты!

Северяне сомкнули передние ряды.

Третьего толчка не последовало.

Камень разорвался сразу.

Плиты перед дворцом взлетели вверх. Из-под них вырвался столб чёрной воды, грязи, обломков и человеческих тел. Несколько щитов отбросило назад. Один северянин упал, придавленный краем мостовой.

Из пролома поднялось нечто огромное.

Оно не выползло.

Оно собирало себя уже над землёй.

Чёрная вода вытягивалась вверх, обрастая плотью. Из общей массы выступали человеческие руки, плечи, лица и позвоночники. Некоторые тела оставались почти целыми. Другие успели разложиться настолько, что от них сохранились лишь кости, зубы и провалы глазниц.

Между ними проходили тёмные корни.

Они пульсировали, как сосуды.

В центре чудовища раскрылась вертикальная пасть.

Внутри неё находилось несколько человеческих лиц, вдавленных друг в друга. Их губы двигались несогласованно, словно каждое пыталось произнести отдельное слово.

Существо выпрямилось.

Оно было выше дворцовых ворот.

Руки появлялись на его теле там, где требовались для движения. Одни упирались в землю. Другие тянулись к солдатам. Третьи хватали воздух, будто продолжали искать тех, кого уже невозможно было вернуть.

Чёрная вода стекала с чудовища и ползла обратно в пролом.

Оно оставалось связано с каналами.

— Разомкнуть строй! — приказал Каэль.

Передние ряды разошлись.

Создание ударило.

Одна из тяжёлых конечностей обрушилась на площадь. Камень раскололся. Двоих северян отбросило в сторону.

Роан выбросил руку.

Живая руна вспыхнула над его предплечьем и легла на конечность чудовища.

Та остановилась.

Не полностью.

Роана потащило по мокрому камню.

— Эоган!

Второй Арамир замкнул знак с другой стороны.

Две руны соединились, образуя натянутую линию.

Конечность дёрнулась.

Мёртвые руки, составлявшие её, одновременно раскрыли пальцы.

Лира уже шла вперёд.

Таэланы разошлись за ней полукругом. Над площадью начали раскрываться печати — белые, золотистые, бледно-голубые. Каждая удерживала отдельный участок пространства.

Чудовище повернулось к ним.

Все лица на его теле одновременно открыли глаза.

Аронелла почувствовала удар прежде, чем возник голос.

Не спасёшь.

Мысль вошла в неё через поле.

Не словом.

Уверенностью.

Чужой и слишком тяжёлой для сознания живого существа.

Аронелла пошатнулась.

Связи вокруг неё дрогнули.

Северянин в заднем ряду вскрикнул и схватился за голову. Вампир рядом резко повернулся к раненому человеку. Клыки показались раньше, чем он понял собственное движение.

Аронелла сжала пальцы.

Поле сомкнулось снова.

Вампир отступил.

Человек перестал кричать.

— Не слушайте! — приказала Аронелла.

Существо двинулось.

Не спасёшь свой народ.

Мысль прошла через вампиров.

Некоторые замерли.

В каждом голос нашёл отдельную рану.

Потерянный дом.

Убитых родных.

Столетия лжи.

Страх оказаться последними.

Аронелла почувствовала эти раны внутри поля и удержала их раздельно.

— Корвен! — крикнул Илар.

Корвен Таровен повёл вампиров в сторону, не позволяя им сбиться в тесную группу.

— На фланг! Держать расстояние! Смотреть на строй, а не на тварь!

Короткие приказы возвращали каждому отдельную задачу.

Не думать о конце мира.

Только следующий шаг.

Только сосед рядом.

Только оружие в руках.
Чудовище выдернуло конечность из рун.
Роана и Эогана отбросило.
Роан упал на колено.
Эоган перекатился через плечо и поднялся прежде, чем создание успело ударить снова.
Из общей массы вытянулись три новые руки.
Одна направилась к Лире.
Ордас оказался перед ней.
Он не нападал.
Только поднял ладонь.
Лиловый свет вспыхнул между ним и чудовищем тонкой плоскостью. Рука врезалась в защиту, продавila её почти до лица Прародителя — и остановилась.
Тёмная плоть начала расползаться по свету, пытаюсь найти край.
— Лира, — сказал Ордас.
Она не отводила взгляда от чудовища.
— Я вижу.
— Ты смотришь на его форму.
Лира поняла.
Закрыла глаза.
Сновиденный слой открылся на мгновение.
Площадь изменилась.
Камень стал почти прозрачным. Дворец превратился в далёкое отражение самого себя.
Люди и вампиры вспыхнули отдельными живыми огнями.
Чудовище стало клубком нитей.
Сотни тел.
Сотни остатков сознаний.
Сотни оборванных кровных импульсов.
Но управляющая воля была одна.
Она уходила вниз.
В каналы.
Затем дальше.
За пределы Талириона.
Туда, где сновиденный слой темнел и переставал принадлежать этому городу.
— Оно закреплено под площадью! — крикнула Лира. — Тело только проводник!
Таэланы начали перестраивать печати.
Пятнадцать отдельных знаков потянулись к пролому.
Световые линии пересеклись.
И сразу пошли неправильно.
Одна печать опередила остальные. Вторая начала замыкаться внутрь. Третья коснулась чужого следа и вспыхнула чёрным по краям.
Эрвен почувствовал разрыв раньше, чем кто-либо успел крикнуть.
Это было похоже на музыкальный строй, в котором пятнадцать голосов пытались удерживать одну ноту, но каждый слышал её немного иначе.
Ещё мгновение — и общий контур ударит по самим Таэланам.
Он поднял руку.
Серебряное кольцо вспыхнуло изнутри.
— Лира, не усиливай центральную печать!
Она резко повернула голову.
— Почему?

— Она тянет остальные за собой!
Эрвен шагнул ближе.
Он не создавал новую силу.
Искал места, где существующие потоки перестали слышать друг друга.
Тонкие серебристые нити потянулись от его кольца к печатям Таэланов. Сначала к ближайшей. Затем ещё к двум.
Потом ко всем.
— Эрвен, — предупредила Лира.
— Я удержу.
— Не принимай весь контур на себя.
Он не ответил.
Пятнадцать отдельных печатей дрогнули.
И впервые начали двигаться как одна.
Чудовище ударило по общему контуру.
Свет прогнулся.
Эрвен вздрогнул.
Из носа выступила кровь.
Пальцы задрожали, но серебристые нити не оборвались.
Лира почувствовала, как часть удара ушла не в её печать, а к нему.
— Ослабь связь!
— Если ослаблю, разрыв дойдёт до тебя.
— Это приказ, Эрвен.
Он посмотрел на неё.
Не как на главу Ордена.
Как на человека, которому не хотел позволить упасть.
И всё же подчинился.
Часть серебряных нитей отделилась от его кольца и вернулась к остальным Таэланам.
Лира усилила собственную печать.
Контур выровнялся.
— Вместе, — сказала она.
Эрвен кивнул.
Не спасёшь людей.
Удар Ирворена пришёл точнее.
Аронелла увидела Веларион.
Не настоящий.
Образ, вложенный в её сознание.
Пустые улицы.
Людей, согнанных к площади.
Высокие створки Врат между башнями.
Каэля, стоящего перед ними.
Тьма сомкнулась вокруг него.
Аронелла судорожно вдохнула.
Поле снова дрогнуло.
Один из Таэланов потерял печать. Чёрная вода обвилась вокруг его ног и потащила к пролому.
Лира резко повернулась.
— Удержать его!
Двое Таэланов перехватили товарища. Эрвен направил к ним одну серебряную нить, не позволяя их участку контура разрушиться.

Каэль посмотрел на Аронеллу.
Он видел, что с ней происходило.
Но не мог приблизиться.
Чудовище обрушило на него сразу две конечности.
Кхорваэль рассёк первую.
Из разреза посыпались человеческие руки. Они упали на камень и продолжили ползти.
Вторую Каэль отвёл в сторону, позволив удару пройти рядом. Чёрная масса врезалась в фасад здания и выбила часть стены.
— Аронелла!
Она слышала его.
Не только голос.
Собственное имя в его устах.
Терен.
Корабль.
Три месяца тьмы.
Его рука, удерживавшая её тогда, когда Ирворен пытался превратить имя в пустоту.
Аронелла расправила плечи.
— Я здесь.
Ты уже опоздала.
— Нет.
Она ответила вслух.
Все лица на чудовище повернулись к ней.
Всему пришёл конец.
Давление вошло глубже.
Туда, где после ритуала оставалась трещина.
В ту часть её сущности, где первородная кровь соприкасалась с якорным резонансом.
Аронелла почувствовала его.
Не целиком.
Не сознание бога.
Только чужое присутствие, нашедшее тончайшую щель.
Я всё ещё внутри тебя.
В груди вспыхнула боль.
На мгновение Аронелла перестала чувствовать собственные руки.
По коже от запястий к локтям проступили тёмные вены.
Её чувства обострились сразу.
Она слышала каждый удар сердца на площади.
Каждое движение крови.
Каждую рану.
Каждый разорванный сосуд в телах, составлявших чудовище.
Мир окрасился кровью.
Клыки удлинились.
Ногти на пальцах стали темнее и острее.
Глаза изменились, впуская ту глубину, которую Аронелла почти два года не позволяла себе раскрывать даже частично.
Каэль увидел.
Ордас тоже.
— Не глубже, — произнёс Прародитель.
Аронелла слышала его как издалека.
Внутри чудовища было слишком много крови.

Мёртвой.
Искажённой.
Разорванной на обрывки.
Но кровь помнила.
Даже после смерти.
Даже после того, как Ирворен заставил плоть забыть собственную форму.
Аронелла протянула руку.
Она не пыталась подчинить чудовище.
Вместо этого коснулась того, что находилось под чужой волей.
Памяти.
Первый импульс прошёл через тело существа.
Одно из лиц резко открыло рот.
Женщина.
Она вспомнила воду, заполнившую лёгкие.
Второй импульс.
Молодой мужчина внутри чудовища увидел собственные руки до того, как они стали частью чужой конечности.
Третий.
Вампир вспомнил имя дома, которому принадлежал.
Ещё один человек вспомнил ребёнка.
Кто-то — улицу.
Кто-то — боль ножа.
Кто-то — то, как его тащили к каналам ещё живым.
Чудовище содрогнулось.
Его движение перестало быть единым.
Руки потянулись в разные стороны.
Лица начали кричать разными голосами.
Не словами.
Памятью о боли.
Аронелла почувствовала их всех.
Слишком много.
Чужая смерть прошла через неё, как поток ледяной воды.
В груди стало тесно.
На мгновение ей показалось, что кровь внутри тела движется не по её воле.
К Велариону.
К Вратам.
Аронелла едва не отпустила поле.
— Смотри на меня! — крикнула Лира.
Она подняла ладони.
Над ними раскрылась небольшая печать — не атакующая и не защитная.
Фиксирующая.
Три светлые линии сомкнулись вокруг резонанса Аронеллы, напоминая её крови, кому она принадлежит.
Собственное имя вернулось.
Собственное тело.
Собственная боль.
— Я здесь, — повторила Аронелла.
На этот раз не Каэлю.
Себе.

Она удержала частичное проявление на границе.
Не раскрылась глубже.
— Сейчас! — приказала Лира.
Таэлань одновременно опустили ладони к земле.
Пятнадцать печатей легли на площадь.
Каждая вошла в следующую. Бело-золотые линии прошли по трещинам, обогнули обломки и сомкнулись вокруг пролома.
Эрвен удержал их в одном ритме.
Чёрная вода взметнулась.
Чудовище задёргалось.
Роан и Эоган ударили живыми рунами.
На этот раз они не пытались сдержать конечности.
Их знаки вошли прямо в управляющую связку.
Роан вскрикнул.
Вместе с руной в него вошли последние ощущения мёртвых.
Женщина, тонущая в канале.
Юноша, которого увели ночью.
Вампир, терявший разум раньше тела.
Ребёнок, продолжавший звать мать после того, как рот уже не принадлежал ему.
Роан едва не разжал пальцы.
Эоган схватил его за запястье.
— Не слушай!
— Я слышу их!
— Тогда помоги им закончить!
Роан поднял взгляд.
Живые руны вспыхнули ярче.
Вместе Арамиры потянули связку вверх.
Камень под чудовищем раскололся ещё раз.
Из глубины показался узел.
Не сердце.
Чёрный сгусток, обвитый корнями, металлическими пластинами и остатками человеческих позвончиков.
Лира увидела его.
— Внешнее кольцо! Разорвать!
Таэлань изменили знаки.
Печати сжались.
Металлические пластины начали трескаться.
Эрвен ощутил, как внешний поток сопротивляется.
Он не принадлежал самому чудовищу.
Шёл дальше.
В сновиденный слой.
К чужой воле.
— Там ещё одна связь, — выдохнул он.
— Сможешь закрыть? — спросила Лира.
— Нет.
Кровь уже стекала по его губе.
— Но могу надорвать.
— Только на мгновение.
Эрвен коснулся кольца большим пальцем.

Серебристая нить ушла в чёрную связку.
На один удар сердца он перестал различать, где заканчивается его собственное сознание.
Увидел глазами чудовища.
Сотни тел.
Площадь сверху.
Лиру как яркий свет.
Аронеллу как открытую рану в мире.
И нечто далёкое, смотревшее через них.
Эрвен рванул связь.
Тёмный поток надломился.
Чудовище потеряло согласованность.
Часть конечностей обмякла.
Другие начали бить по собственному телу.
— Теперь! — крикнул Эрвен.
Создание всей массой бросилось к Лире.
Аронелла почувствовала движение.
Ей пришлось выбирать.
Удерживать поле.
Или остановить удар.
Она не отпустила ни того, ни другого.
Из старой раны на ладони выступила кровь.
Аронелла подняла руку.
Красные нити вытянулись из капель и впились в разорванную плоть чудовища.
Её глаза стали ещё темнее.
На мгновение чужой голод прошёл через неё.
Не голод вампира.
Голод Ирворена.
Желание не пить кровь, а забрать саму возможность жизни.
Красные нити натянулись.
Их было недостаточно, чтобы остановить огромную массу.
Но достаточно, чтобы замедлить.
— Роан!
Арамир сорвался с места.
Он пробежал по разрушенным плитам, ступил на одну из застывших конечностей и под-
нялся по телу чудовища.
Руны шли по его коже, одежде и воздуху вокруг рук.
Создание попыталось сбросить его.
Эоган удержал нижнюю связку.
Лира раскрыла последнюю печать.
Узел обнажился полностью.
Роан прыгнул.
Живая руна вспыхнула в его ладони и вошла в чёрный ступок.
Не как клинок.
Как приказ разомкнуться.
Все лица на теле чудовища одновременно повернулись к Аронелле.
Теперь я знаю, как вы держите друг друга.
Узел лопнул.
Создание потеряло форму.
Тела, руки, головы и чёрная вода обрушились на площадь.

Роан упал вместе с ними.

Эоган успел схватить его и вытащить из потока прежде, чем остатки чудовища ушли обратно в канал.

Таэлань удерживали печати, пока последняя тёмная нить не погасла.

Затем на площади остались только дождь.

И мёртвые.

Роан лежал на спине и смотрел в серое небо.

— Жив? — спросил Эоган.

— Пока не решил.

— Решай быстрее.

Эоган протянул ему руку.

Роан поднялся.

Ли́ра подошла к Эрвену.

Он стоял на одном колене, прижав пальцы к виску. Кровь продолжала идти из носа. Взгляд несколько мгновений не мог остановиться на ней.

— Эрвен.

Он поднял голову.

— Я здесь.

— Ты уверен?

Эрвен посмотрел на свои руки, будто проверял, действительно ли они принадлежали ему.

— Почти.

Ли́ра опустила́сь рядом и коснулась его серебряного кольца.

Короткая печать замкнулась вокруг пальца, отделяя остаточное чужое воздействие.

— Ты принял слишком много потоков.

— Иначе контур бы распался.

— Это не означает, что ты должен распасться вместо него.

Эрвен слабо улыбнулся.

— Постараюсь учесть.

Ли́ра протянула ему руку.

Он задержал взгляд на её лице всего на мгновение дольше, чем требовалось.

Потом поднялся.

Аронелла медленно опустила ладонь.

Красные нити исчезли.

Тёмные вены под кожей ещё не погасли полностью. Клыки стали короче, но изменения уходили тяжелее, чем прежде.

В груди продолжала пульсировать боль.

Каэль подошёл ближе.

В его взгляде не было страха перед её изменившимися глазами.

Он смотрел на задержку между её дыханием и ответом.

На то, как Аронелла на мгновение перевела взгляд сквозь него, словно продолжала видеть другое место.

— Ты слышишь меня? — спросил он.

Она моргнула.

— Да.

Ответ пришёл немного позже обычного.

Ордрас подошёл с другой стороны.

— Больше не раскрывайся сегодня.

Аронелла посмотрела на него.

— Это было частичное проявление.

— Для тебя.

Ордрас перевёл взгляд на чёрные прожилки у пролома.

— Для него — приоткрытая дверь.

За спиной Аронеллы раздался тяжёлый скрежет.

Все повернулись к дворцу.

Центральные врата начали открываться.

Не медленно, как перед почётной процессией.

Сразу обе створки пошли внутрь, исчезая в глубине прохода.

Одновременно поднялись решётки двух боковых проездов.

Открылись служебные арки.

Опустились мосты над внутренними каналами.

Несколько мгновений за ними была только темнота.

Потом из глубины донёсся топот.

Не шаги отряда.

Гул множества тел.

Первый искажённый выбежал из центрального прохода на четырёх конечностях. На нём ещё сохранялись остатки талирийского доспеха. Шея была выгнута вбок, а вместо правой руки из плеча росли три длинных костяных отростка.

За ним появился второй.

Третий.

Десятый.

Потом темнота внутри ворот пришла в движение целиком.

Дворец открылся не как здание.

Как пасть.

Из его глубины хлынули тела.

Сотни искажённых.

Люди.

Вампиры.

Существа, в которых уже невозможно было определить первоначальную природу.

Одни бежали прямо по камню. Другие цеплялись за стены и двигались над воротами.

Третьи прыгали с верхних галерей, ломая конечности при падении и тут же поднимаясь.

У некоторых руки заканчивались костяными лезвиями.

У других грудные клетки были раскрыты и стянуты металлическими пластинами.

Несколько крупных существ двигались на шести конечностях, неся на спинах сросшиеся человеческие тела.

За первой волной шла вторая.

За ней ещё одна.

Не все четыре или пять тысяч защитников города находились здесь. Часть удерживала каналы, стены, западные кварталы и порт.

Но дворец хранил главный резерв.

И теперь выпустил его целиком.

— Щиты вперёд! — проревел Борн. — Копья во второй ряд!

Северяне сомкнулись.

— Вампиры на фланги! — приказал Илар.

Корвен повторил команду своим.

Тервис и его группа уже двигались к правой арке, перехватывая тех, кто пытался обойти строй по стенам.

Каэль поднял Кхорваэль.

— Они хотят смять нас на открытом месте. Не отдавать площадь!

Первая волна ударила.

Щиты содрогнулись.

Несколько северян отлетели назад вместе с оружием. Искажённые бросались на них без страха и без попытки защититься. Позволяли копьям входить в тела, лишь бы добраться руками до человеческих лиц.

Союзные вампиры встретили тех, кто был слишком быстр для людей.

Столкновение прошло через площадь как ударная волна.

Илар врезался в искажённого Морвата и рассёк ему шею. Корвен сбил второго с ног и удерживал строй даже тогда, когда на него одновременно бросились трое.

Тервис исчез с земли.

Через мгновение оказался на стене здания, перехватил существо, ползшее над северянами, и вместе с ним рухнул вниз. Вампир поднялся первым.

Лира раскрыла печать.

Белый свет лёг перед щитами широкой линией.

Те искажённые, которые пересекли её, потеряли связь с общим движением. Одни замерли. Другие столкнулись с теми, кто бежал сзади.

Но толпа была слишком велика.

Следующие тела просто затоптали остановившихся.

— Нам нужен путь к воротам! — крикнул Каэль. — Если останемся здесь, они будут выходить, пока нас не раздавят!

Борн отбросил искажённого ударом щита.

— Тогда пробиваемся!

— Лира!

Она поняла раньше, чем он продолжил.

— Таэлань, клин!

Печати начали перестраиваться.

Теперь им требовалась не неподвижная защита.

Движущийся коридор.

Эрвен вытер кровь с лица рукавом.

— Я соединю передние знаки.

Лира резко посмотрела на него.

— Ты едва вернулся в себя.

— Без общей настройки они будут расходиться при каждом шаге.

— Не бери весь контур.

— Не буду.

Она видела, что он лжёт не ей.

Себе.

Но времени спорить не было.

— При первом надрыве отпускаешь.

Эрвен кивнул.

Пять Таэланов вышли вперёд.

Ещё шесть встали за ними.

Остальные распределились по бокам, защищая движущийся строй.

Эрвен поднял руку.

Серебряные нити связали их печати.

Лира замкнула центральный знак.

Перед союзниками появился клин из бело-золотого света.

— Вперёд! — приказал Каэль.

Северяне двинулись следом за печатями.

Искажённые ударялись о свет. Их отбрасывало в стороны, но контур дрожал при каждом столкновении.

Эрвен чувствовал все удары одновременно.

Каждую ошибку.

Каждую печать, которая начинала запаздывать.

Он не усиливал их.

Перенастраивал.

Сдвигал одну линию.

Ослаблял другую.

Возвращал третий поток туда, где он должен был находиться.

Толпа сомкнулась вокруг клина.

Союзники продвигались шаг за шагом.

Щиты.

Копья.

Мечи вампиров.

Живые руны.

Печати.

Всё двигалось как единый организм.

Ирворен пытался превратить своих созданий в одну волю.

Аронелла удерживала союзников отдельными личностями, которые всё равно выбирали двигаться вместе.

В этом была разница.

Первый крупный искажённый ударил в левую сторону клина.

Печать лопнула.

Двух Таэланов отбросило назад.

Эрвен вскрикнул и перехватил поток прежде, чем разрыв прошёл дальше.

— Левую линию заменить! — крикнула Лира.

Двое других заняли место.

Но искажённые уже проникли внутрь.

Один бросился на Эрвена.

Лира повернула ладонь.

Пространство перед существом дрогнуло. Оно промахнулось, ударило в пустоту и на мгновение оказалось сбоку.

Эрвен надорвал управляющую нить у него в груди.

Искажённый замер.

Роан закончил движение живой руной.

— Не отвлекайся! — крикнул он.

— Постараюсь!

Они продолжили прорыв.

В нескольких десятках шагов впереди дворцовые врата оставались открытыми.

Но расстояние почти не сокращалось.

На место каждого убитого выходили новые.

Аронелла чувствовала их общую связь.

Не одну.

Несколько толстых потоков, идущих из глубины дворца.

Эрвен тоже почувствовал.

Его взгляд резко ушёл вправо.

— Лира!

— Что?

— Они связаны группами! Не каждый отдельно. Там пять крупных потоков!
Лира отбила костяной отросток печатью.
— Найдёшь ближайший?
Эрвен закрыл глаза прямо посреди боя.
Мир стал связями.
Северяне — плотной сетью коротких импульсов.
Таэлань — световыми контурами.
Арамиры — живыми рунами, в которых кровь и сновиденный слой уже не разделялись полностью.
Искажённые — чёрными нитями, стянутыми в несколько толстых жил.
Эрвен нашёл одну.
Она управляла существами у правого фланга.
Около сотни тел.
— Нашёл.
— Не входи глубоко, — предупредила Лира.
— Мне не нужно входить.
Он вытянул пальцы.
Серебряная нить коснулась чёрной жилы.
Эрвен почувствовал сопротивление.
Чужая воля попыталась пройти обратно.
Его собственные воспоминания на мгновение смешались с чужими.
Дом Астеванов.
Солмирское солнце.
Лира, стоящая у стола над первой общей печатью Ордена.
Чёрная вода.
Чужие рты.
Голод.
Он стиснул зубы.
И надорвал поток.
Сотня искажённых потеряла общий ритм.
Передние продолжили бежать.
Задние остановились.
Те, кто двигался по стенам, сорвались вниз.
Несколько существ повернулись друг на друга, принимая соседние движения за угрозу.
Правый фланг открылся.
— Тервис! — крикнула Лира.
Вампир понял.
Его группа ударила в разрыв.
Северяне расширили проход.
— К воротам! — приказал Борн.
Союзники двинулись быстрее.
Аронелла удерживала поле и одновременно сражалась.
Один из искажённых вампиров прыгнул на неё сверху.
Она ушла в сторону, перехватила его руку и развернула тело в воздухе. Существо ударилось о камень. Аронелла наступила ему на грудь и коротким импульсом крови заставила мышцы замереть.
Следующий появился сразу.
Она отбросила его ударом в горло.
Третий двигался медленнее.

Почти по земле.
Он скрывался под телами убитых, используя общую массу как укрытие.
Аронелла почувствовала его кровь.
Но слишком поздно поняла намерение.
Искажённый вырвался из-под тел сбоку.
Когда-то он был вампиром. Теперь правая рука от локтя превратилась в длинное белое лезвие, состоявшее из сросшихся костей.
Он целился не в неё.
В Лиру.
Аронелла шагнула между ними.
Успела повернуться.
Не успела полностью уйти.
Костяное лезвие прорезало наплечник, вошло под левую ключицу и прошло через плечо горячей белой болью.
Аронелла резко вдохнула.
Искажённый дёрнул рукой, пытаясь расширить рану.
Кровь хлынула под доспех.
На мгновение поле ослабло.
По строю прошёл общий страх.
Несколько вампиров одновременно повернулись к запаху её крови.
Не по собственной воле.
Через чужой импульс.
Аронелла схватила костяное лезвие правой рукой.
Оно рассекло ладонь.
Её глаза снова изменились.
Клыки показались.
Она почувствовала кровь существа под искажением.
Далёкую.
Почти исчезнувшую.
— Вспомни, — произнесла Аронелла.
Вампир замер.
На мгновение в его глазах исчезла чёрная глубина.
Он увидел её.
Не королеву.
Первую кровь.
Что-то в нём узнало её раньше, чем искажение снова сомкнулось.
Этого мгновения хватило.
Аронелла сломала костяное лезвие у основания.
Ордрас появился рядом и ударом ладони отбросил существо в толпу.
Роан закончил его живой руной.
Каэль увидел кровь на плече Аронеллы.
— Ты ранена!
— Продолжай движение!
— Насколько глубоко?
— Каэль!
Искажённый бросился на него.
Кхорваэль рассёк ему грудь.
— После, — сказала Аронелла.
Рана должна была начать закрываться.

Она чувствовала, как бессмертное тело пытается восстановить повреждённую плоть.
Но процесс шёл тяжело.

Медленно.

Края раны дрожали, словно кровь не могла решить, какому приказу подчиняться.
Её собственному.

Или далёкому импульсу, пришедшему через раскрытую связь.

Аронелла прижала раненую руку к телу.

Поле удерживала другой.

Ли́ра увидела её состояние.

— Аронелла

— Не отпускай клин.

— Рана не закрывается.

— Я знаю.

Они дошли до первых ступеней.

Дворцовые ворота возвышались над ними.

Но искажённые продолжали выходить.

— Мы не проведём внутрь всю армию! — крикнул Борн.

Каэль оглянулся.

За ними площадь превратилась в сплошной бой. Северяне и вампиры удерживали коридор, но толпа уже обходила его с двух сторон.

— Основные силы остаются здесь! — приказал он. — Корвен удерживает проход! Тервис — правый фланг! Внутри идёт ударная группа!

Корвен услышал.

— Идите! Мы закроем ворота за вами, когда войдёт последний отряд!

— Не закрывать полностью! — ответил Каэль. — Нам понадобится выход!

— Сначала доберитесь до него!

Борн выделил два десятка северян.

Илар взял ближайших Таровен.

Ли́ра выбрала восемь Таэланов, которые ещё могли двигаться. Эрвен остался рядом с ней.

— Ты остаёшься с внешним контуром, — сказала Ли́ра.

Он покачал головой.

— Потоки идут из дворца. Внутри я смогу найти их источник.

— Ты уже дважды перегрузил Отклик.

— Поэтому теперь знаю, где предел.

Ли́ра посмотрела на кровь под его носом.

— Ты понятия не имеешь, где предел.

— Тогда не отходи далеко.

В другое время она бы остановила его.

Сейчас лишь коротко коснулась его плеча.

— Не геройствуй.

— Я постараюсь быть полезным.

— Это часто одно и то же.

Эрвен почти улыбнулся.

Основная группа вошла в центральные ворота.

За ними северяне сомкнули щиты, удерживая искажённых снаружи.

Дворец встретил их не тишиной.

Криком.

Внутренний вестибюль был заполнен телами.

Искажённые ждали на лестницах, галереях, балконах и в боковых проходах. Некоторые висели под потолком, цепляясь пальцами за резные каменные балки.

Как только союзники вошли, существа сорвались одновременно.

— Наверх! — крикнул Каэль.

Северяне подняли щиты над головами.

Искажённые упали на них сверху.

Один пробил щит рукой и схватил воина за лицо. Илар разрубил ему локоть прежде, чем когти сомкнулись.

Ордрас прошёл через передний ряд.

Его присутствие ударило по искажённым вампирам иначе, чем печати.

Кровь внутри них пыталась вспомнить древнюю иерархию.

Некоторые замедлялись.

Другие впадали в ещё большую ярость, словно чужая воля понимала опасность Прародителя.

Аронелла держалась рядом с Лирой.

Левое плечо почти не слушалось. Кровь стекала по руке под наруч и падала с пальцев.

Каждая капля отзывалась в искажённых.

Они чувствовали её.

Поворачивались.

Пытались пробиться к ней.

— Они идут на кровь Аронеллы! — сказал Эрвен.

— Не на кровь, — ответил Ордрас. — На связь.

Лира подняла печать перед раненым плечом Аронеллы.

Она не могла закрыть рану.

Только приглушить исходящий от неё резонанс.

— Долго не удержу.

— Достаточно, чтобы дойти до зала, — сказала Аронелла.

— Мы ещё не знаем, где он.

Эрвен посмотрел на чёрные потоки.

— Знаем.

Они уходили вверх по центральной лестнице, пересекали галерею и тянулись к восточной части дворца.

— Там общий узел. Не самый большой, но через него они получают направление.

Каэль поднялся на первую ступень.

— Значит, туда нас и ведут.

Борн ударил мечом искажённого, бросившегося сбоку.

— Прекрасно. Я уже начал скучать по ловушкам.

Они пробивались наверх.

Каждый пролёт приходилось брать отдельно.

На первой площадке северяне построили короткую стену из щитов, пока Таэлань очищали лестницу.

На второй Илар и Таровен столкнулись с искажёнными вампирами, сохранившими оружие и часть боевой подготовки.

На третьей одно из существ разрушило опору балкона.

Камень рухнул между Аронеллой и Каэлем.

Он развернулся, но она уже перепрыгнула обломки коротким всплеском скорости.

Частичное проявление ударило болью в груди.

Рана на плече раскрылась сильнее.

Каэль поймал её за здоровую руку.

— Хватит.
— Чего?
— Делать вид, что твоё тело не разваливается.
— Оно не разваливается.
— Очень убедительно.
Она вырвала руку не грубо, но резко.
— Мы почти дошли.
— Именно поэтому ты сейчас не упадёшь.
Он встал чуть левее, закрывая её раненую сторону от следующей атаки.
Аронелла заметила.
Не стала спорить.
Эрвен остановился у арки.
Чёрные потоки расходились за ней в разные стороны.
— Здесь.
Лира подошла ближе.
На внутренней стороне камня были вырезаны алхимические формулы, поверх которых
прошли тёмные линии сновиденного слоя.
— Управляющий узел?
— Распределительный.
Эрвен коснулся стены.
Его кольцо вспыхнуло.
В сознание ударили сотни движений.
Искажённые на площади.
В переходах.
Под землёй.
Во внутренних дворах.
Он едва удержался на ногах.
Лира подхватила его за локоть.
— Отпусти!
— Если разорвать здесь, часть существ потеряет направление!
— А часть потока войдёт в тебя.
— Ненадолго.
Эрвен закрыл глаза.
Не разрушал узел грубой силой.
Нашёл место, где формула Морватов была соединена с чужой волей.
Слабый шов.
Тонкая ошибка.
Он провёл серебряной нитью вдоль неё.
И надорвал.
По дворцу прошёл звук, похожий на общий вдох.
Искажённые в коридоре остановились.
Некоторые упали.
Другие повернули головы в разные стороны, будто впервые увидели стены вокруг себя.
Снаружи донёсся изменившийся гул битвы.
— Получилось, — выдохнул Эрвен.
Затем его ноги подогнулись.
Лира удержала его.
— Эрвен!
Он открыл глаза.

На мгновение не узнал её.
Потом взгляд вернулся.
— Лира.
— Больше ни одного потока.
— Но
— Ни одного.
Он хотел возразить.
Увидел её лицо и промолчал.
Борн указал северянам на боковую комнату.
— Двоих с ним.
— Я могу идти, — сказал Эрвен.
— Можешь, — ответила Лира. — Но сейчас останешься здесь и стабилизируешь тех, кто будет проходить следом. Это не просьба.
Эрвен тяжело вдохнул.
— Хорошо.
Лира отпустила его только после того, как убедилась, что он стоит самостоятельно.
Основная группа двинулась дальше.
За следующей галереей их встретили вампиры Морват.
Не искажённые.
Настоящие.
Около двух десятков.
Они стояли ровным строем, прикрывая высокие двустворчатые двери.
На тёмных доспехах виднелись знаки дома Рейвиса.
Ордрас вышел вперёд.
Несколько вампиров узнали его сразу.
Кровь узнала раньше глаз.
Один опустил оружие.
Другой отступил.
Командир Морватов обнажил клыки.
— Он самозванец!
Ордрас посмотрел на него.
— Тогда прикажи своей крови не помнить меня.
Командир поднял меч.
Но его рука дрогнула.
Этого хватило Илару.
— Сложите оружие! — приказал он. — Рейвиса здесь нет. Дамерион использует вас как последнюю дверь между собой и смертью!
Часть Морватов продолжила стоять.
Часть посмотрела на двери за спиной.
Командир бросился первым.
Остальные последовали за ним.
Столкновение было коротким и жестоким.
Не все Морваты сражались до смерти.
Четверо опустили оружие после того, как командир упал.
Ордрас прошёл мимо них.
— Останетесь здесь.
Ни один не попытался послушаться.
Высокие двери были закрыты.
На их поверхности сохранялся герб Талирии.

Золотой морской змей извивался на тёмно-зелёном поле. Его длинное тело проходило через обе створки, окружая стилизованные волны.

Герб был рассечён посередине.

Не мечом.

Тяжёлым лезвием.

Каэль коснулся следа.

— Топор.

Из-за дверей раздался металлический удар.

Затем ещё один.

Будто кто-то медленно опускал тяжёлое оружие на каменный пол.

Каэль поднял Кхорваэль.

— Дамерион.

Двери распахнулись.

Центральный зал был построен для королевских приёмов.

Светлые колонны поднимались до высокого свода. Между ними висели тёмно-зелёные знамёна с золотыми морскими змеями. Часть была сорвана. Другие закрывали чёрно-красные полотнища Морватов.

Высокие окна выходили на город, но теперь их закрывали тяжёлые ставни.

В дальней части зала стоял трон.

На нём никто не сидел.

Роальд находился рядом.

Он носил северный доспех без гербов, словно всё ещё хотел называться человеком Севера, не признавая ни одного северного дома. На поясе висел меч.

Перед возвышением выстроились вампиры Морват.

Около трёх десятков.

За колоннами находились северные предатели и остатки талирийской дворцовой стражи.

Между ними двигались искажённые.

Не огромная толпа, оставшаяся снаружи.

Отборные создания, сохранившие способность понимать команды, использовать оружие и выбирать цели.

В центре зала стоял Дамерион.

Тяжёлый.

Массивный.

Покрытый старыми рубцами.

В руках он держал двуручный топор. По тёмному металлу проходили красные прожилки.

При каждом движении они словно наполнялись свежей кровью.

Дамерион увидел Каэля.

И улыбнулся.

— Всё-таки дошёл.

Каэль вошёл в зал.

— Ты выглядишь разочарованным.

— Нет.

Дамерион поднял топор на плечо.

— Я вспоминал нашу арену.

— А я старался не тратить на неё память.

Улыбка вампира стала шире.

— Ты любил делать вид, что твоя жалость выше нашей силы.

— Это был не вид.

— Ты унизил меня перед Драэмором.

— Я победил тебя перед Драэмором. Унижение ты придумал сам.

Дамерион провёл пальцами по древку топора.

— Надо было убить тебя ещё в камере Ваэль-Терона.

Каэль крепче сжал Кхорваэль.

— Ты пытался.

— Нет.

В голосе Дамериона прозвучало удовольствие.

— Я хотел увидеть, сколько боли потребуется, чтобы ведьмак перестал считать себя человеком.

Каэль смотрел на него спокойно.

— И сколько потребовалось?

Улыбка Дамериона исчезла.

Роальд поднял руку.

— Закончим это.

Вампиры и искажённые пришли в движение.

Борн выхватил меч.

— Роальда взять живым!

Зал взорвался боем.

Морваты бросились вперёд.

Северяне встретили их щитами.

Первый удар вампиров отбросил передний ряд на несколько шагов, но люди не рассыпались. Следом в столкновение вошли Илар и Таровен.

Кровь встретила с кровью.

Дом с домом.

Лира раскрыла первую печать.

Белый свет прошёл по полу, отделяя вампиров от существ, связанных с Ирвореном.

Искажённые дёрнулись.

На мгновение общая воля перестала направлять их движения.

Таэланы ударили следующими знаками.

Роан и Эоган вошли в образовавшийся разрыв.

Роан сорвал живой руной оружие из четырёх рук одного создания. Эоган рассёк управляющую нить, выступившую на его шее.

Аронелла продолжала удерживать поле.

Шёпот снова поднялся.

Не так сильно, как на площади, но теперь шёл от каждого искажённого.

Страх.

Голод.

Пустота.

Она не позволяла им соединиться.

Одновременно двигалась сквозь бой.

Одного Морвата отбросила в колонну. Второму перехватила клинок, сломала запястье и ударила рукоятью в висок.

Она могла убить его.

Не стала.

Вампир упал без сознания.

Раненое плечо горело.

Каждое движение левой рукой разрывало плоть заново. Кровь пропитала одежду под доспехом и стекала по пальцам.

Лира оставалась рядом, не позволяя резонансу раны стать маяком для искажённых.

Борн пробивался к возвышению.

Роальд отступал к трону, прикрываясь северными предателями. Трое носили старые знаки Варкуна, сорванные с формы, но не до конца удалённые.

Борн увидел их.

Его лицо стало тяжёлым.

— В сторону!

Один из бывших северян поднял меч.

— Ты больше не мой король.

— Тогда не прикрывайся оружием, которое получил от моего дома.

Они столкнулись.

Каэль больше не видел Роальда.

Дамерион оказался перед ним.

Топор прошёл по широкой дуге.

Каэль ушёл назад.

Лезвие рассекло воздух в нескольких пальцах от груди.

Второй удар пришёл снизу.

Каэль отбил его Кхорваэлем.

Сила прошла по рукам до плеч.

Дамерион помнил арену.

Не продолжил прежнюю последовательность. Вместо удара древком резко отпустил одну руку, схватил Каэля за край плаща и рванул к себе.

Каэль успел повернуть голову.

Лоб Дамериона ударил его в висок.

Мир вспыхнул белым.

Вампир толкнул его в колонну.

— Тогда ты вошёл под дугу, — сказал он. — Думал, я забуду?

Каэль уклонился.

Топор ударил в камень рядом с его головой.

— Я надеялся, что ты вообще не умеешь думать.

Кхорваэль рассёк Дамериону предплечье.

Рана начала затягиваться почти сразу.

Дамерион развернул топор обратной стороной.

Каэль принял удар на меч, но вампир продолжил движение и плечом сбил его с ног.

Кхорваэль едва не выскользнул из руки.

Дамерион наступил на край плаща.

Поднял топор.

Каэль перекатился.

Лезвие вошло в пол.

Каменная плита раскололась.

Каэль вскочил и ударил по древку.

Кхорваэль высек искры из тёмного металла.

Дамерион отступил.

Они замерли друг напротив друга.

Вокруг продолжалась битва.

Но между ними снова возникла арена.

Только теперь Рейвис не мог поднять руку и остановить поединок.

— Где твой новый Орден? — спросил Дамерион.

Живая руна Роана вспыхнула за спиной Каэля.

— Перед тобой.

Дамерион посмотрел на Арамира.
Его выражение изменилось.
Он узнал не лицо.
Ненависть.
— А это, значит, тот самый.
Роан замер.
Каэль не обернулся.
— Не слушай его.
Дамерион улыбнулся.
— Я видел этот взгляд раньше.
Роан сжал руки.
Руны на коже стали ярче.
— Как её звали? — продолжил Дамерион. — Астрид?
— Замолчи, — сказал Каэль.
— Она тоже смотрела так, когда поняла, что никто не успеет.
Роан сорвался с места.
— Роан! — крикнул Каэль.
Арамир не услышал.
Живая руна ударила в Дамериона сбоку.
Вампир ожидал.
Он развернул топор, позволив руне пройти вдоль лезвия, и направил удар обратно.
Каэль вынужден был встать между ними.
Кхорваэль встретил топор.
Удар отбросил его на несколько шагов.
Дамерион тут же изменил движение и направил второе лезвие к горлу Роана.
Каэль успел перехватить древко мечом.
Металл заскрежетал.
— Назад! — приказал он.
— Он убил её!
Роан снова поднял руку.
— Ты сейчас убьёшь себя!
— Мне всё равно!
Эти слова ударили сильнее крика.
Дамерион улыбнулся.
И надавил на топор.
Каэль удерживал оружие обеими руками.
— Именно этого он и хочет!
Роан ничего не слышал.
В его сознании не было зала.
Только Астрид.
Снег.
Кровь.
Последний миг, повторённый столько раз, что всё остальное в ней начало исчезать.
Аронелла почувствовала это через поле.
Она отбросила искажённого и шагнула к Роану.
Раненое плечо отозвалось резкой болью.
— Роан.
Он не повернулся.
— Отпусти меня.

— Нет.

— Он убил её!

— Да.

Ответ остановил его сильнее отрицания.

Аронелла коснулась живой руны на его предплечье.

Не подчинила кровь.

Не заглушила ненависть.

Заставила её вспомнить больше.

Роан увидел не смерть.

Астрид сидела у огня и смеялась над чем-то, чего он уже почти не помнил.

Поправляла ремень на его доспехе.

Произносила его имя без страха.

Стояла рядом до того, как стала телом на снегу.

Роан судорожно вдохнул.

— Она была больше того, как умерла, — сказала Аронелла. — Не отдавай ему всё, что от неё осталось.

— Я должен

— Ты должен жить так, чтобы её смерть не стала единственным, что тобой управляет.

Роан посмотрел на Дамериона.

Потом на Каэля, удерживавшего топор.

Ненависть никуда не исчезла.

Но снова стала его собственной.

Он отступил.

Каэль резко отвёл древко в сторону.

— В строй!

Роан подчинился.

Дамерион рассмеялся.

— Вот твой новый Орден? Королева держит их за руку, чтобы они не бросились умирать?

Каэль сменил хват.

— Именно поэтому они отличаются от тебя.

— Чем?

— У них ещё есть кому напомнить, кто они.

Он ударил первым.

Дамерион закрылся топором.

Кхорваэль скользнул по древку и рассёк пальцы вампира.

Тот рванул оружие обратно.

Каэль позволил ему.

Сила Дамериона потянула меч в сторону, но ведьмак уже развернулся и ударил ногой по повреждённому колену.

Дамерион качнулся.

Не упал.

Врезал плечом.

Каэль отлетел к ступеням.

— Всё ещё повторяешь старый бой, — сказал вампир.

— Нет.

Каэль поднялся.

— Проверяю, помнишь ли ты его так же хорошо, как говоришь.

Дамерион снова атаковал.

Каэль больше не входил под широкую дугу.

Не пытался использовать прежний приём.

Он позволил вампиру давить.

Шаг назад.

Блок.

Поворот.

Ещё шаг.

Отступление к возвышению.

Дамерион решил, что получил контроль.

Его удары стали тяжелее.

Он загонял Каэля к основанию трона, где пространство сужалось между колонной и ступенями.

— На арене ты говорил о выборе, — произнёс вампир между ударами. — Посмотри вокруг. Вот он.

Топор врезался в ступень.

Каэль ушёл в сторону.

— Мёртвые люди. Мёртвые вампиры. Разорванный мир.

Ещё один удар.

Кхорваэль принял лезвие.

— Ты всё ещё веришь, что кто-то из вас отличается от нас?

Каэль толкнул оружие в сторону.

— Да.

— Чем?

— Мы хотя бы пытаемся остановиться.

Он ударил.

Дамерион закрылся древком.

Кхорваэль скользнул вниз, рассёк пальцы вампира и вошёл в плечо.

Дамерион рванулся назад.

Рана была глубокой.

Но не смертельной.

Вампир посмотрел на собственную кровь.

Рассмеялся.

— Всё ещё стараешься не убить меня?

— Нет.

Каэль атаковал первым.

Он ударил по соединению древка и тяжёлого лезвия.

Один раз.

Дамерион отвлёк топор.

Второй удар пришёл в то же место.

Третий — раньше, чем вампир успел изменить хват.

Металлический крепёж треснул.

Одно из лезвий топора качнулось.

Дамерион попытался отступить.

Каэль ударил снова.

Кхорваэль рассёк крепление.

Тяжёлое лезвие упало на пол.

Дамерион остался с обломком оружия.

Он отбросил его.

И бросился на Каэля голыми руками.

Когти прошли по плечу ведьмака, разрывая ткань и кожу.

Каэль ударил рукоятью в челюсть.
Дамерион не отступил.
Схватил его за горло.
Поднял.
Каэль ударил Кхорваэлем сбоку.
Клинок вошёл в бедро вампира.
Дамерион зарычал и швырнул его через ступени.
Каэль перекатился.
Не выпустил меч.
Дамерион выдернул Кхорваэль из собственного бедра, позволив клинку рассечь плоть сильнее, и бросился следом.
Он хромал.
Но боль только усиливала ярость.
Каэль поднялся на одно колено.
Вампир прыгнул.
Кхорваэль вспыхнул тёмным светом.
Каэль не встретил Дамериона прямым ударом.
Сместился.
Провёл мечом по внутренней стороне ноги.
Перерезал сухожилие.
Дамерион рухнул.
Ударился плечом о ступени.
Попытался подняться.
Каэль ударил по руке.
Не отрубил её, но рассёк мышцы настолько глубоко, что пальцы перестали слушаться.
Дамерион остался на коленях.
Кровь стекала по ступеням.
Каэль встал перед ним.
Вокруг продолжалась битва, но строй Морватов уже ломался.
Ордас шёл через центр зала.
Ему почти не приходилось сражаться.
Вампиры узнавали его.
Одни отходили.
Другие опускали оружие.
Третьи нападали из страха и погибали от рук Таровен прежде, чем успевали приблизиться к Прародителю.
Лири и Таэланы разрушали последние связки искажённых.
Роан снова сражался рядом с Эоганом.
Не смотрел на Дамериона.
Борн поднялся почти к самому Роальду.
Дамерион посмотрел на падающие знамёна.
На Морватов, складывающих оружие.
На людей и вампиров в одном строю.
На Каэля.
— Ну вот, — сказал он.
Голос был хриплым, но спокойным.
— Снова.
Каэль держал Кхорваэль у его груди.
— На этот раз Рейвис не остановит бой.

— Его здесь нет.
Дамерион усмехнулся.
— Как всегда, когда приходится платить самому.
Он поднял голову.
— Заканчивай.
Каэль не опустил меч.
— Тогда ты говорил то же самое.
— А ты решил показать всем, какой ты благородный.
— Я оставил тебе выбор.
— Нет.
Дамерион посмотрел ему в глаза.
— Ты оставил мне жизнь после поражения.
Он слабо усмехнулся.
— Для тех, кого растили ради победы, это хуже смерти.
— Ты мог сделать из этой жизни что-то другое.
— Нет.
— Мог.
В лице Дамериона впервые появилась усталость.
Не телесная.
Старая.
— Вы всё ещё думаете, что в этой войне будут победители и проигравшие.
Он посмотрел на Аронеллу.
Она стояла среди сражающихся, удерживая поле. Её левую руку покрывала кровь.
— Не будет, — продолжил Дамерион. — Мир прогнил задолго до того, как ваш Пустой Бог решил войти в него. Люди лгали. Вампиры лгали. Короли продавали собственных детей за союзы. Дома резали друг друга и называли это памятью крови.
— Поэтому ты решил помочь закончить всё?
— Я решил не притворяться, что это можно спасти.
— Это не честность.
Каэль поднял Кхорваэль.
— Это трусость.
В глазах Дамериона вспыхнула ярость.
На мгновение прежний чемпион вернулся.
Он резко поднялся.
Каэль сделал движение навстречу.
Кхорваэль вошёл под рёбра.
Дамерион мог отступить.
Не отступил.
Сам шагнул вперёд.
Клинок прошёл глубже.
Каэль почувствовал, как остриё вошло в сердце.
Дамерион схватил его за предплечье здоровой рукой и притянул ближе.
— Ты защищаешь труп, ведьмак, — прошептал он. — Просто мир ещё не понял, что умер.
Каэль смотрел на него.
— Пока есть те, кто его защищает, он жив.
Дамерион слабо усмехнулся.
Кровь выступила на губах.
— Тогда посмотрим сколько вас останется.

Его пальцы разжались.
Тело тяжело осело на Кхорваэль.
Каэль выдернул меч.
Дамерион упал на ступени.
На этот раз никто не остановил бой.
Смерть Дамериона увидели все.
Морваты потеряли последний центр сопротивления.
Первым оружие опустил молодой вампир у правой колонны.
Затем второй.
Союзные вампиры окружили их, но не убили.
Ордрас поднял руку.
— Достаточно.
Одно слово прошло по крови зала.
Часть Морватов замерла.
Даже те, кто никогда не видел Ордраса, почувствовали древность приказа.
Искажённые не подчинились.
Лира сомкнула последнюю печать.
Белый свет прошёл по их телам.
Общие нити лопнули.
Те, в ком ещё оставалось сознание, упали. Остальные бросились вперёд бессвязно и были уничтожены Арамирами и Таэланами.
У трона продолжалась последняя схватка.
Борн выбил меч из руки северного предателя и ударил его щитом в лицо.
Тот рухнул.
Роальд стоял на возвышении один.
В руке оставался короткий клинок.
— Брось оружие, — сказал Борн.
Роальд посмотрел на зал.
На тело Дамериона.
На Морватов, окружённых людьми Илара.
На сорванные знамёна.
— Твоя дочь думала, что Север способен устоять, — произнёс он.
Борн медленно поднялся на последнюю ступень.
— Не произноси её имя.
— Я не произносил.
— Но хотел, чтобы я услышал.
Роальд улыбнулся.
— Всё ещё легко управлять тобой через мёртвых.
Борн ударил его.
Кулаком.
Роальд отлетел к подлокотнику трона. Клинок выпал из его руки.
Король Севера подошёл.
Схватил его за ворот.
На мгновение все увидели, что Борн может сломать ему шею.
Роальд тоже это понял.
— Давай, — прошептал он. — Покажи им, какой порядок принёс Север.
Борн тяжело дышал.
В его взгляде были Астрид.
Огонь.

Два года войны.
Люди, которые пошли за Роальдом и подняли оружие против собственного народа.
Затем Борн посмотрел на зал.
На северян.
На Аронеллу.
На пленных Морватов.
И разжал руку.
Роальд упал на ступени.
— В цепи его, — приказал Борн.
Двое северян подошли.
Роальд не сопротивлялся.
— Отдельная камера. Постоянная охрана. Проверить еду, воду и стены. Никого не допускать без моего приказа.
— Ты оставляешь меня жить? — спросил Роальд.
Борн посмотрел на него сверху вниз.
— Нет.
Он передал выпавший клинок солдату.
— Я оставляю тебя отвечать.
Цепи сомкнулись на руках Роальда.
Его вывели из зала.
Борн долго смотрел вслед.
Затем повернулся к пустому трону Талирии.
Не сел.
Из внешней галереи донёсся протяжный звук северного рога.
Один раз.
Затем второй.
Через несколько мгновений в зал вошёл капитан, весь в крови и чёрной грязи.
— Центральные ворота удержаны, — доложил он. — Корвен занял дворцовую площадь. Искажённые отступают к каналам. Западное крыло взято. Во внутреннем дворе Морваты складывают оружие.
Борн посмотрел на разрушенный зал.
На кровь.
На тела.
На тёмно-зелёные знамёна с золотыми морскими змеями, проступившие из-под сорванных полотнищ Морватов.
— Дворец наш, — сказал капитан.
Борн медленно выдохнул.
— Нет.
Он устало провёл ладонью по лицу.
— Дворец больше не принадлежит им. Пока это всё, что мы знаем.
К вечеру сопротивление в дворцовом квартале прекратилось.
Отдельные бои продолжались у западных каналов и в верхнем торговом районе, но организованного командования у защитников больше не было.
Северяне заняли ворота.
Таэланы проверяли подземные помещения, внутренние дворы и камеры на следы искажения.
Вампиры Илара собирали пленных Морватов. Ордрас находился среди них, отделяя тех, чья кровь ещё принадлежала им самим, от тех, в ком чужая воля укоренилась слишком глубоко.

Корвен продолжал удерживать площадь.

Тервис прочёсывал крыши и боковые арки.

Эрвена отправили в одну из освобождённых комнат вместе с ранеными Таэланами. Перед уходом он ещё пытался объяснить Лире расположение оставшихся потоков, пока она не отобрала у него карту и не приказала лечь.

В центральном зале установили длинные столы.

На них легли карты, списки раненых, донесения о пленных и схемы подземных ходов.

С тела Дамериона сняли оружие.

Самого его накрыли тёмной тканью и оставили у ступеней до тех пор, пока Ордас не решит, что делать с телами Морватов.

Каэль стоял у карты дворца.

Ему перевязали плечо, рассечённое когтями, но Кхорваэль всё ещё находился рядом.

Борн принимал донесения от командиров и почти не поднимал головы.

Лира проверяла сведения Таэланов, отмечая на схеме места, где ещё сохранялось давление сновиденного слоя.

Роан держался у дальней колонны.

Он не смотрел ни на Каэля, ни на накрытое тело Дамериона.

Эоган оставался рядом, не пытаясь начать разговор.

Аронелла вошла в зал после того, как лекарь перевязал её плечо.

Повязка почти сразу пропиталась кровью.

Регенерация работала.

Но медленно.

Слишком медленно для неё.

Каэль поднял голову.

Сразу увидел тёмное пятно на ткани.

— Рана снова открылась.

— Я знаю.

— Лекарь сказал отдыхать?

— Он сказал много всего.

— Значит, ты не слушала.

Аронелла подошла к столу.

— Дворцовый квартал?

Борн ответил, не отрываясь от списка:

— Наш. Западные каналы пока нет. Портовые склады переходят под контроль. Несколько отрядов Роальда пытаются уйти из города.

— Не преследовать далеко, — сказал Каэль. — Они могут вести к новой засаде.

Лира отметила ещё одну точку на карте.

— В восточном крыле остались два слабых узла. Их закроют до полуночи.

Аронелла посмотрела на пустой трон.

Никто не занял его.

Не Борн.

Не Каэль.

Не она.

Правильно.

Они пришли не для того, чтобы заменить одну корону другой.

Шум в зале продолжался.

Раненых выносили.

Пленных уводили.

Командиры приносили новые списки.

Война не закончилась вместе с последним ударом.
Она просто превратилась в работу.
Каэль подошёл к Аронелле.
— Иди отдыхать.
— Я ещё могу помочь.
— Нет.
Она посмотрела на него.
— Это приказ?
— Это наблюдение.
— Не лучшее.
— Ты держишь левую руку так, будто она тебе больше не принадлежит.
Аронелла попыталась опустить плечо.
Боль сразу прошла под ключицу и в грудь.
Каэль заметил.
— Здесь мы справимся.
— Ты уверен?
— Нет.
Он посмотрел на Борна и Лиру.
— Но всё равно справимся.
Борн поднял голову.
— Впервые за день ведьмак сказал что-то разумное.
— Не привыкай, — ответил Каэль.
Лира подошла ближе.
Усталость делала её лицо старше.
— Поле больше не нужно удерживать целиком. Вокруг дворца стоят мои печати. Илар контролирует вампиров. Мы разбудим тебя, если что-то изменится.
Аронелла посмотрела на неё.
— Эрвен?
— Жив. Зол. Пытается убедить лекаря, что дрожь в руках не мешает ему работать.
— Значит, действительно жив.
На губах Леры появилась короткая улыбка.
— Да.
Аронелла снова посмотрела на зал.
Борн вернулся к спискам.
Лира — к карте.
Каэль остался рядом с пустым тронном, но даже не взглянул на него.
Роальд находился в цепях.
Дамерион был мёртв.
Знамёна Морватов сняты.
Через открытые двери виднелось тёмно-зелёное полотно Талирии с золотым морским змеем. Оно было порвано, пропитано дымом и кровью, но всё ещё оставалось на стене.
Город ещё не был свободен полностью.
Но страх впервые за два года перестал быть его единственным правителем.
— Я буду в восточном крыле, — сказала Аронелла.
Каэль кивнул.
— Я приду позже.
— Закончи здесь.
— Закончу.
Она развернулась и пошла к выходу.

За её спиной продолжали говорить.
О числе пленных.
О закрытых каналах.
О раненых.
О продовольствии.
О людях, которые прятались в нижних кварталах и ещё не знали, можно ли выходить на улицы.
Дворец был взят.
Но никто не праздновал.
Аронелла вышла в коридор.
Только когда двери центрального зала закрылись за её спиной, она позволила себе остановиться.
Раненое плечо задрожало от боли.
Она прижала здоровую ладонь к пропитанной кровью повязке.
Затем медленно выпрямилась и пошла к покоям.
За спиной оставались Каэль, Борн и Лира.
Впереди ждала первая ночь в освобождённом Талирионе.

ГЛАВА 4

ЦЕНА МИЛОСЕРДИЯ

Ночь с 23 на 24 Дождея, 703 год Счёта Четырёх Корон.Талирион.

Покои в восточном крыле оказались обычными. Не королевскими. Не теми, где Серафина Талирис принимала приближённых и решала, какой союз следующим изменит судьбу города. Здесь не было трона, высоких окон во всю стену, дорогих карт и знаков власти. Только широкая кровать под тёмным покрывалом. Стол. Два кресла. Низкий очаг. Шкаф из тёмного дерева и старая ширма, за которой находилась небольшая ванная комната. На стене висело выцветшее полотно с золотой морской змеей. Кто-то успел убрать пыль. Кто-то зажёл три свечи. Кто-то поставил на стол кувшин с водой и чистую ткань. Всё это сделали люди, которые ещё несколько часов назад не знали, переживут ли ночь.

Аронелла закрыла дверь.

Шум дворца остался снаружи.

Приказы.

Шаги.

Скрежет носилок по камню.

Крики раненых, которые старались кричать тише, потому что вокруг и без них было слишком много боли.

Дверь не смогла остановить запах крови.

Он всё равно проникал внутрь.

Из коридоров.

Из комнат.

Из дворцового двора.

Из самой повязки на её плече.

Аронелла медленно сняла плащ и положила его на кресло.

Ткань была тяжёлой от дождя, грязи и чужой крови. На краю остались следы чёрной воды из каналов. Один из них слабо двигался, будто ещё не понял, что управляющая связь разорвана. Аронелла коснулась пятна двумя пальцами. Остаточное искажение дрогнуло и погасло. Даже после смерти оно пыталось удержаться за форму. *Velmkhor*, — мелькнуло в сознании. Жизнь, сорванная со своей естественной формы. Древнее слово подошло точнее, чем любое человеческое название.

Она посмотрела на свою руку.

Пальцы были обычными.

Бледными.

Почти человеческими.

Так выглядела большая часть её жизни теперь.

Почти человеческая на вид.

Почти прежняя Аронелла.

Почти целая.

Она опустилась на край кровати.

Боль в плече сразу прошла под ключицу и ниже, к груди. Повязка натянулась. Тёмное пятно на ткани стало шире.

Лекарь сделал всё, что мог.
Промыл рану.
Убрал остатки чужой плоти.
Стянул края.
Перевязал.
Для человека этого было бы достаточно.
Для Аронеллы — нет.
Её тело должно было закрыть такую рану задолго до того, как она дошла до покоев.
Когда-то она могла чувствовать, как плоть собирается почти сразу после удара. Как кровь возвращает форму мышцам, коже и костям. Это не требовало мысли. Не требовало приказа.
Жизнь просто помнила, какой она должна быть.
Теперь память запаздывала.
Аронелла закрыла глаза.
За века она научилась узнавать Каэля по шагам.
Не только по весу.
По ритму.
Он никогда не ставил ногу туда, где не проверил пространство взглядом. Даже в знакомом коридоре. Даже в доме союзника. Даже рядом с ней.
Сейчас его шагов за дверью не было.
Он остался в центральном зале.
Закончи здесь, сказала она.
Закончу, ответил он.
Когда-то они говорили иначе.
Не сразу.
Их первое знакомство вообще едва ли можно было назвать знакомством.
Талирион.
«Сломанный якорь».
Запах дешёвого пива, жареного лука, мокрой шерсти и моря.
Она ещё не знала, кем стала для этого мира. Не знала, сколько прошло времени. Не знала, сохранился ли хоть кто-то из её народа.
Она училась держать поднос.
Училась отвечать человеческими словами.
Училась не смотреть на каждого ведьмака как на живое продолжение той ночи, когда падал Чёрный Шпиль.
Каэль тогда казался ей оружием.
Живым.
Собранным.
Слишком хорошо умеющим смотреть на людей так, будто каждый из них мог оказаться угрозой.
Она думала, что он будет первым, кто увидит в ней вампира.
Он увидел в ней что-то другое.
Не сразу женщину.
Не сразу союзника.
Но живое существо, которое имело право выбирать, кем быть дальше.
Иногда Аронелла думала, что именно это и привело их друг к другу.
Не древние пророчества.
Не Матерь Жизни.
Не кровь Сератиэля, прошедшая через алхимические преобразования ведьмаков.
Не совпадение двух дорог.

Они просто много раз выбирали не уходить.
Когда было проще уйти.
Когда было разумнее.
Когда каждый новый шаг рядом с другим делал жизнь опаснее.
Аронелла открыла глаза.
Свечи горели неподвижно.
Ей вспомнился ВорКалдир.
Ночь над землёй Таровен.
Холодный камень стены.
Звёзды.
И Каэль, который говорил о доме так, будто уже давно запретил себе даже мысль о нём.
Тогда она сказала, что он мог бы быть хорошим отцом.
Что у него могла бы быть обычная жизнь.
Дом.
Семья.
Дети.
Простые вечера, где не нужно каждую ночь проверять оружие и думать, какой мир разрушится следующим.
Он ответил, что выбрал бы такую жизнь только с ней.
Аронелла помнила каждое слово.
И тепло его руки.
И то, как на короткое мгновение позволила себе поверить, что обычная жизнь не обязана быть обычной для всех остальных.
Она могла быть обычной для них.
Несколько комнат.
Огонь.
Лира, спорящая с Люцианом за дверью.
Каэль без меча в руке.
Детский смех, который когда-то пришёл к ней во сне и не решился показать лица.
Тогда казалось, что война обязательно закончится.
Не потому, что у них был план.
Потому что иначе сама мечта становилась слишком жестокой.
Аронелла медленно провела пальцами по краю повязки.
Почти год.
Около года прошло с тех пор, как Каэль начал отдаляться.
Не уходить.
Не любить меньше.
Именно это делало всё сложнее.
Если бы любовь исчезла, у боли была бы простая причина.
Но любовь осталась.
Они всё ещё замечали друг друга первыми в любом зале.
Каэль всё ещё вставал ближе, когда вокруг становилось опасно.
Она всё ещё слышала его дыхание среди сотен других.
Он всё ещё называл её по имени так, будто этим одним словом мог вернуть ей границы.
Но после создания первых Арамиров в их жизни почти не осталось времени, которое принадлежало только им.
Сначала Каэль обучал нескольких.
Потом десятки.

Потом появились новые отряды, правила, изменения крови, живые руны, первые смерти и первые ошибки.

Каждый созданный Арамир становился для него не солдатом.

Ответственностью.

Каэль боялся повторить Орден ведьмаков.

Боялся снова создать оружие, которому объяснят, что его жизнь принадлежит чужой цели.

Поэтому проверял каждого.

Сам.

Следил за изменениями крови.

Разговаривал с теми, кто не мог уснуть после первых проявлений рун.

Учил их не бояться вампирского следа внутри себя.

Возвращался поздно.

Пах железом, травами, кровью и холодным воздухом тренировочных дворов.

Иногда садился рядом с ней, не снимая ремней оружия.

Иногда засыпал прежде, чем они успевали закончить разговор.

Иногда их разговор состоял из нескольких фраз:

Кто погиб.

Куда направить следующий отряд.

Что сказал Борн.

Что обнаружила Лира.

Насколько близко подошли Морваты.

Когда они снова увидятся.

Последний вопрос почти всегда оставался без ответа.

Аронелла не винила его.

В этом была ещё одна сложность.

Она понимала Каэля слишком хорошо.

Понимала, что он не мог оставить Арамиров.

Что каждый из них был частью новой дороги, которую он сам открыл.

Что рядом с молодыми бойцами он пытался исправить всё, что когда-то сделали с ним.

Понимала, насколько тяжело ему видеть людей, чья кровь менялась из-за её крови.

Понимала его страх.

Его вину.

Его постоянную готовность поставить себя между другими и ошибкой.

Но понимание не делало одиночество меньше.

Они продолжали любить друг друга.

Просто война давно научилась занимать всё пространство между ними.

Аронелла опустила голову.

Она скучала по нему.

Не по Каэлю, стоящему рядом на поле боя.

Не по командиру Арамиров.

Не по ведьмаку, который первым замечал засаду.

По Терену.

По человеку, который однажды позволил ей произнести старое имя без страха, что оно вернёт его в прошлое.

По тому, рядом с кем её сила не должна была всё время оставаться оружием.

Vaelren.

Пространство, где жизнь перестаёт быть одинокой.

Она сама объяснила ему значение этого слова.

Теперь ей всё чаще казалось, что они оба продолжают нести дом внутри себя, но слишком редко успевают в него войти.

Боль в плече усилилась.

Аронелла поднялась.

Сидеть оказалось тяжелее, чем двигаться.

За ширмой находилась ванная комната. Небольшая. Каменная. В дальней стене было встроено глубокое корыто для воды. Рядом стоял медный таз, несколько сосудов и высокое зеркало в тёмной раме.

Зеркало было старым.

Поверхность слегка потемнела по краям.

В центре оставалась чистой.

Аронелла остановилась перед ним.

Отражение смотрело на неё спокойно.

Тёмные волосы спутались после дождя и боя.

На щеке засохла тонкая полоса крови. Не её.

Губы были бледными.

Под глазами легли тени.

Повязка закрывала левое плечо и верхнюю часть груди. Кровь уже прошла через несколько слоёв ткани.

Королева вампиров.

Первая кровь.

Живой якорь мира.

Так её называли другие.

В зеркале стояла уставшая женщина, которой было больно поднять руку.

Аронелла наполнила таз водой.

Холодной.

Она умыла лицо.

Вода сразу потемнела от грязи и крови.

Потом сняла верхнюю часть одежды, стараясь не задеть повязку. Ткань прилипла у края раны. Пришлось отрывать медленно.

Аронелла не издала звука.

Она привыкла к боли.

Но раньше боль всегда была чем-то внешним.

Клинком.

Огнём.

Камнем.

Цепью.

Теперь она находилась глубже.

После ритуала Ордрас объяснил ей, что произошло.

Из неё не забрали обычную силу.

Не вырвали заклинание.

Не отняли бессмертие.

Они извлекли часть якорного резонанса.

Часть того, чем мир через неё помнил себя живым.

Аронелла долго не понимала, как можно потерять то, чего никогда не видела.

Потом начала чувствовать.

Внутри неё раньше всегда существовал тихий глубокий тон.

Не звук.

Уверенность.

Как кровь знает путь по телу.
Как дерево знает, куда растут корни.
Как море узнаёт луну, даже когда небо закрыто облаками.
После ритуала на месте этого тона появилась трещина.
Иногда через неё приходил свет Матери.
Иногда голос Ирворена.
Иногда ничего.
Последнее пугало сильнее.
Аронелла подняла взгляд на отражение.
Она осталась вампиром.
Полноценным.
Это знала Лира.
Это говорил Ордас.
Это доказывала её кровь.
Сила не исчезла.
Чувства не исчезли.
Регенерация работала, пусть и медленнее.
Она могла воздействовать на кровь, ощущать вампирские линии, двигаться быстрее людей и принимать истинную первородную ипостась.
Но знание не всегда побеждало ощущение.
Аронелла чувствовала себя неполной.
Не слабой.
Не сломанной.
Неполной.
Будто внутри неё была комната, из которой вынесли часть стены и закрыли разлом тёмной тканью.
За тканью кто-то дышал.
Первые века своей жизни Аронелла училась понимать природу.
Потом — принимать её.
Она никогда не ненавидела себя за то, что была вампиром.
Не боялась клыков.
Не стыдилась голода.
Даже когда человеческие летописцы превратили её народ в чудовищ, она знала: голод не являлся приговором.
Она не нуждалась в крови, чтобы жить.
Матерь Жизни дала ей свободу от необходимости.
Но оставила желание.
Напоминание.
Граница, которую нужно выбирать самой.
После ритуала всё изменилось.
Теперь Аронелле приходилось сдерживать не только голод.
Силу.
Чувства.
Кровный резонанс.
Глубину взгляда.
Вторую ипостась.
Саму себя.
Каждый раз, когда она позволяла древней природе раскрыться хотя бы частично, внутри трещины становилось теснее.

Ирворен приближался.
Через раскрытый резонанс он мог проталкивать образы в её восприятие.
Мог нащупывать кровь тех, кто находился рядом.
Мог вмешиваться в регенерацию через боль и старую ритуальную рану.
Полная ипостась, которая когда-то была самым честным выражением её природы, теперь стала дверью.
Аронелла усмехнулась отражению без радости.
Когда-то она боролась за право не скрывать, кто она.
Теперь выживала благодаря способности скрывать себя от самой себя.
Она коснулась зеркала кончиками пальцев.
Холодное стекло.
Собственное лицо.
Слишком спокойное.
Слишком человеческое.
На мгновение ей захотелось увидеть себя прежней.
Не ту, что была до пробуждения.
Не королеву Чёрного Шпиля.
Просто ту Аронеллу, чья кровь принадлежала только ей.
Она позволила контролю ослабнуть.
Совсем немного.
Зрачки стали глубже.
Цвет глаз потемнел, впуская древний багровый оттенок.
Под кожей у висков проступили тонкие тёмные линии.
Клыки удлинились.
Ногти заострились.
Черты лица стали резче.
Боль в плече не исчезла, но отступила дальше, словно сила на мгновение заглушила её.
Сила прошла по телу быстрым холодным потоком.
И вместе с силой пришло опасное облегчение.
Вот она.
Настоящая.
Не сдержанная внешняя форма.
Не ослабленная женщина.
Первая кровь.
Аронелла смотрела на себя.
И тогда отражение перестало повторять её движения.
Она замерла.
Женщина в зеркале продолжала стоять прямо.
Её глаза стали почти чёрными.
За спиной отражения исчезла ванная комната.
Камень потемнел.
Свечи погасли.
Вместо них появился багровый свет.
Мир за стеклом раздвинулся.
Аронелла увидела огромный зал.
Не дворец Талириона.
Другой.
Камень там был чёрным, будто его вырезали не из земли, а из застывшей тени. По стенам поднимались широкие линии багрового свечения. Высоко под потолком двигался туман.

В центре возвышался трон.

Не старый.

Не принадлежавший человеческой короне.

Его будто строили вокруг существа, уже сидевшего на нём. Тёмные пласты камня поднимались за широкой спиной, уходили вверх острыми рёбрами. В основании проходили кристаллические жилы, наполненные медленным красным светом.

На троне сидел Ирворен.

Огромный.

Тело под тяжёлым плащом стало плотнее, чем в её прежних видениях. Плечи шире. Руки уже имели почти человеческую форму. Только пальцы оставались слишком длинными.

Лица Аронелла не видела полностью.

Тьма скрывала верхнюю часть.

Под ней на мгновение сверкнули клыки.

Ирворен смотрел не на неё.

Перед ним находилось сооружение.

Две монументальные створки поднимались так высоко, что их вершины терялись в темноте. По поверхности шли руны, металлические связки, каналы для крови и кристаллические линии.

По обе стороны стояли две огромные фигуры.

Каменные.

Выше дворцовых башен.

Одна держала руки сложенными у груди, будто охраняла нечто внутри себя.

По обе стороны стояли две огромные фигуры.

Каменные.

Они поднимались почти до свода.

Но поняла другое.

Это не был символ.

Сооружение существовало.

Его строили.

И почти закончили.

Ирворен медленно повернул голову.

Прямо к зеркалу.

Прямо к ней.

— Ты всё ещё ищешь себя в отражении.

Голос возник внутри груди.

Не в ушах.

Боль вспыхнула под повязкой.

Аронелла резко сомкнула контроль.

Клыки исчезли.

Тёмные линии под кожей погасли.

Глаза вернули привычный цвет.

Она отступила от зеркала.

Видение оборвалось.

Перед ней снова была маленькая ванная комната.

Свечи горели.

Вода в тазу дрожала.

Аронелла вцепилась пальцами в край каменной чаши.

Повязка окончательно пропиталась кровью.

Тонкая алая струя прошла по груди.

Она дышала медленно.
Не потому, что нуждалась в воздухе.
Потому что ритм дыхания помогал вернуть телу границы.
Здесь.
Талирион.
Восточное крыло.
Обычные покои.
Она сама.
Аронелла подняла взгляд.
Теперь отражение двигалось вместе с ней.
Но за его глубиной всё ещё мерцал багровый след.
Створки.
Две фигуры.
Трон.
Ирворен.
Что он строил?
Для чего?
Почему показывал ей?
Она вспомнила чудовище у дворца.
Мгновение, когда чужая воля ударила через его тела.
Тогда Аронелла тоже увидела Веларион.
Пустые улицы.
Каэля перед огромными створками.
Тьму, сомкнувшуюся вокруг него.
Она решила, что Ирворен использовал страх.
Теперь поняла: часть образа была настоящей.
Аронелла взяла чистую ткань и осторожно перевязала плечо заново.
Одна.
Затянула сильнее, чем следовало.
Боль помогала не провалиться в видение снова.
Naer harn lig. Имя удерживает душу. Старая формула всплыла в сознании сама.
Веларион.
Само имя стало тяжёлым.
Они не знали, что происходит в городе.
Никто не знал.
Группа вошла на территорию Аурелии несколько недель назад.
Люциан.
Джек Морн.
Сабрина.
Вейра.
Старые ведьмаки и несколько разведчиков.
Сначала приходили короткие сообщения.
О разрушенных дорогах.
О деревнях, где люди исчезали целыми семьями.
О знаках культа на домах.
О существах, которые двигались ночью вдоль старых трактов, но не нападали, словно следили.
Потом сообщения стали реже.

Последнее пришло, когда отряд приблизился к границе энергетического воздействия вокруг столицы.

После этого — ничего.

Не задержка.

Не повреждённый вестовой знак.

Не обрывок сновиденного следа.

Полная тишина.

Ли́ра пыталась найти Вейру.

Не смогла.

Ордас входил в сновиденный слой глубже, чем позволял другим.

Возвращался без ответа.

Купол над Веларионом не выглядел защитой в обычном смысле.

Он не отталкивал.

Не отражал.

Он поглощал попытки увидеть, услышать или пройти.

Сновиденный импульс входил в него и исчезал.

Как свет в глубокой воде.

Как имя в пустоте.

Аронелла думала о Люциане.

Он пережил восемьсот лет.

Войну.

Падение дома.

Семь веков скрытой жизни.

Ваэль-Терон.

Морват.

Он умел выживать там, где другие уже начинали писать прощальные письма.

Но Веларион теперь принадлежал существу, которое знало, как входить в кровь.

Думала о Сабрине.

О Джеке Морне.

О Вейре, которая должна была стать якорем Лиры, если им понадобится открыть путь.

О ведьмаках, которых Каэль снова собрал не для того, чтобы вернуть старый Орден, а чтобы наконец дать им право самим выбрать, кем быть.

Они могли быть живы.

Могли находиться внутри города.

Могли продолжать ждать помощь, которая не знала, как к ним попасть.

Или уже стали частью того, что строил Ирворен.

Аронелла закрыла глаза.

Завтра ей придётся снова собрать себя.

Выйти перед людьми Талириона.

Перед северянами.

Перед вампирами.

Перед теми, кто потерял дом.

Перед теми, кто потерял детей.

Перед теми, кто увидел в ней спасение только потому, что больше смотреть было не на кого.

Она должна будет выглядеть сильной.

Не лгать.

Но и не показывать каждую трещину.

Люди и вампиры впервые за многие века учились стоять рядом.

Не доверять полностью.
Не забывать старую кровь.
Просто не убивать друг друга, пока перед ними находился общий враг.
Цена этого союза была страшной.
Погибшие города.
Утонувшая Солмира.
Сожжённые северные земли.
Вампирские дома, почти уничтожившие друг друга.
Люди, превращённые в искажённых.
Дети, выросшие рядом с войной быстрее, чем рядом с родителями.
Мир должен был подойти к краю вымирания, чтобы люди и вампиры наконец посмотрели в одну сторону.

Аронелла не знала, считать это надеждой или очередным доказательством того, насколько медленно живые учатся.

Она вернулась в комнату.
Легла поверх покрывала, не раздеваясь полностью.
Меча рядом не было.
Ей он не требовался.
Но привычка всё равно заставила посмотреть на дверь, окно и расстояние до стены.
Свечи догорели почти до середины.
Аронелла сложила ладони на груди.
Слова пришли на Высоком Ваэлькарине.
Не как молитвенная формула.
Не как просьба.
Это были две простые фразы, которым человеческий язык давал слишком прямой перевод.

Я верю тебе.
Я люблю тебя.
Она произнесла их Матери Жизни тихо.
Так, как дочь говорит с той, чьё присутствие не всегда понимает, но всё равно узнаёт.
Ответа не было.
Ни света.
Ни голоса.
Ни тепла.
Только слабое, почти неуловимое движение глубоко внутри трещины.
Не Ирворен.
Аронелла узнала разницу.
Этого хватило.
Она закрыла глаза.
Сон не пришёл.

Иногда сознание проваливалось на несколько мгновений, но каждый раз возвращалось от чужого крика в коридоре, движения крови за стенами или ощущения, будто кто-то очень далеко провёл пальцами по внутренней стороне её имени.

Под утро дождь прекратился.
Небо за окном стало серым.
Аронелла всё ещё лежала с открытыми глазами.
УТРО
К внутреннему совету она пришла первой только в собственном представлении.
Каэль уже стоял у длинного стола.

Борн сидел у дальней стороны с чашей горячего отвара и выглядел так, будто ночью успел поспать ровно столько, сколько заняло моргание.

Ли́ра склонилась над картой Талириона.

Рядом лежали донесения, списки пленных и несколько тонких металлических пластин с рунами.

Ордраса не было.

Аронелла вошла.

Каэль поднял голову.

Сразу посмотрел на её плечо.

Повязка была чистой.

Пока.

— Ты спала? — спросил он.

— Достаточно.

Он несколько мгновений смотрел на неё.

— Значит, нет.

— Я пришла обсуждать город, а не сон.

— Одно иногда влияет на другое.

Борн отпил из чаши.

— Ведьмак, если собираешься спорить с ней с самого утра, сначала поешь. Голодные люди спорят хуже.

Каэль не отвёл взгляда от Аронеллы.

— Я не голоден.

— Тогда у тебя просто характер отвратительный.

Ли́ра подняла глаза от карты.

— Ордрас не вернулся?

Аронелла посмотрела на пустое место у стены.

— Откуда?

— Из сновиденного слоя.

Ли́ра провела пальцем по линии на металлической пластине.

— Он вошёл туда ещё до рассвета. Пытается найти слабую часть купола над Веларионом.

Борн поставил чашу.

— Один?

— В данном случае количество людей не помогает.

— На Севере это редко считают разумным ответом.

— В сновиденном слое пять человек могут помешать сильнее, чем помочь, — сказала Ли́ра. — Особенно рядом с таким искажением эфирной ткани.

Борн нахмурился, но промолчал. Он уже привык, что от Ли́ры иногда приходится ждать перевода.

Каэль посмотрел на карту.

Она была собрана из нескольких листов.

Талирион занимал центральную часть.

Западные каналы отмечены красным.

Порт — синим.

Дворцовый район — белой линией печатей.

За краями городской карты лежала карта континента.

Дороги к Велариону были перечёркнуты.

Аронелла подошла к столу.

— Сначала Талирион.

Борн кивнул.

— За ночь нашли ещё три группы жителей. Прятались в складских подвалах, старой лечебнице и под храмом Приливов. Около четырёх сотен человек.

— Остальные?

— Продолжают сидеть по домам или ушли в нижние каналы.

Лира сказала:

— В восточных районах уже снимают печати Морватов. Но люди не выходят. Не верят, что бой закончился.

— Для них он не закончился, — сказала Аронелла. — Они не знают, кто занял дворец. Каэль провёл пальцем по линии центральной улицы.

— И что будет, когда узнают?

— Это зависит от того, что мы им скажем.

Борн усмехнулся.

— Людям обычно важнее другое. Кто теперь приказывает.

В комнате стало тише.

За высокой дверью прошёл отряд. Послышался звон оружия.

Аронелла посмотрела на схему дворца.

— Трон останется пустым.

— Пустой трон не управляет городом, — сказал Борн.

— И чужой король не должен садиться на него только потому, что первым вошёл во дворец.

— Я и не собирался.

— Знаю.

Борн опёрся ладонями о стол.

— Но город должен услышать одно имя. Не пять. Иначе к вечеру появятся десять советов, три законных наследника и человек, который объявит себя пророком морской змеи.

Лира почти улыбнулась.

— Такое уже происходило?

— На юге постоянно происходит что-то подобное.

Каэль сказал:

— Нужен временный порядок.

Аронелла посмотрела на них.

На Каэля.

На Борна.

На Лиру.

Тех, кто уже не раз принимал решения, за которые потом приходилось платить чужой и собственной кровью.

— Сегодня соберём открытый совет, — сказала она. — Жители должны услышать, что дворец взят, какие районы безопасны, где получить пищу и помощь и кто отвечает за порядок.

— И кто именно будет говорить от имени города? — спросил Борн.

Аронелла ответила спокойно:

— Я возьму на себя чрезвычайную ответственность за его безопасность.

Он не отвёл взгляда.

— Как королева Талирии?

— Нет.

Она положила ладонь на край стола.

— Я не присвою чужую корону. Серафина отсутствует, но её трон не становится моей добычей. Пока законная власть Талирии не сможет действовать, я буду гарантом временного порядка и последним голосом в вопросах обороны.

Каэль слегка поднял голову.

Ли́ра смотре́ла на Аро́неллу внима́тельно.

— Борн отвечает за армию, порт и внешние дороги. Каэ́ль — за внутреннюю оборону, Арами́ров и поиск оставшихся отрядов Морвата. Ли́ра — за печати, искажения и восстановление безопасных районов. Ила́р — за союзных вампиров и пленных своей крови.

— А городская власть? — спросила Ли́ра.

— На́йдём уцелевших чиновников наместника и проверим, кому они служили во время оккупации.

Борн хмыкнул.

— А торговые гильдии?

— Без них порт не оживёт. Их представители войдут во временный совет вместе с людьми освобождённых кварталов.

— А если город не захочет принимать власть вампирской королевы? — спросил Борн.

— Тогда они скажут это мне в лицо.

— И уйдёшь?

Аро́нелла посмотре́ла на него.

— Нет.

Борн коротко усмехнулся.

— Хорошо.

Ли́ра чуть нахмурилась.

— Люди всё равно могут решить, что власть Морвата просто сменилась другой вампирской властью.

Каэ́ль добавил:

— И никаких самовольных казней пленных.

Борн посмотре́л на него.

— Ты говоришь это мне?

— Всем.

— Я умею держать людей под стражей.

— Я видел твою дочь с топором.

— Мои дочери здесь ни при чём.

— Это была общая оценка семейного подхода.

Борн хотел ответить, но Аро́нелла сказала:

— Роальд останется жив до суда.

Ли́цо се́верного коро́ля изменилось.

Не сильно.

Но те́пла в нём не осталось.

— Он предал Север.

— Именно поэтому его должны судить перед Севером.

Борн молчал.

— Его смерть в этом зале станет мстью, — продолжила Аро́нелла. — Суд в Варкуне станет ответом закона.

— На Севере закон иногда держится на топоре.

— Но топор опускают после того, как названа вина.

Борн посмотре́л на неё долго.

Потом кивнул.

— Хорошо. Роальд увидит Варкун ещё раз.

Каэ́ль пере́вёл взгляд на карту Велариона.

— Тепе́рь о сле́дующем.

Борн тоже посмотре́л туда.

— Вейраг находится в столице.

Аронелла знала это имя.

Главный предатель Севера.

Человек, который передавал Ирворену пути через северные перевалы, расположение крепостей и имена тех, кого можно было купить или запугать.

— Если он ещё жив, — сказала Лира.

— Такие живут дольше честных, — ответил Борн. — Я сам отрублю ему голову.

— Сначала доберёмся до города, — сказал Каэль.

Борн посмотрел на перечёркнутые линии.

— Вот именно. Для нас Веларион всё ещё мёртвая зона.

Он произнёс это без красивой тяжести.

Как военный факт.

— Мы не знаем, сколько там войск. Не знаем, что стало с жителями. Не знаем, какие существа находятся внутри. Даже вашего Пустого Бога никто из нас не видел полностью.

Лира посмотрела на Аронеллу.

— Только ты.

Аронелла не ответила сразу.

Каэль заметил.

— Ты что-то видела ночью.

Не вопрос.

Она посмотрела на него.

Вот так они всегда понимали друг друга.

Иногда слишком быстро.

— Да.

Борн выпрямился.

— Что?

Аронелла медленно провела пальцем по точке, обозначавшей Веларион.

— Ирворена.

— В городе?

— Я думаю, да.

Лира подошла ближе.

— Это было видение или прямое касание?

— И то и другое.

Она рассказала.

О зеркале.

О частичном проявлении, не объясняя, почему решила проверить себя именно ночью.

О троне.

О багровых кристаллических линиях.

О двух монументальных створках.

О фигурах по обе стороны.

О том, что подобный образ уже приходил во время боя с существом из каналов.

Каэль слушал молча.

Только пальцы на краю стола сжались сильнее, когда она упомянула его фигуру перед створками в предыдущем видении.

Лира развернула чистый лист.

— Можешь описать знаки?

— Не полностью. Некоторые напоминали Arath-Sael. Другие были алхимическими. Часть знаков я не знала.

— Ты?

В голосе Лир прозвучало настоящее беспокойство.

Аронелла кивнула.

— Они не принадлежали этому миру.

Борн тяжело выдохнул.

— И что находится за створками?

— Не знаю.

— Это оружие?

— Не знаю.

— Проход?

— Возможно. Но я не знаю, были ли это врата, оружие или часть иного сооружения.

Каэль сказал:

— Но строят его не ради украшения.

Аронелла посмотрела на него.

— Нет.

Она вспомнила взгляд Ирворена.

Ты всё ещё ищешь себя в отражении.

— Сооружение почти завершено, — сказала она. — Я чувствовала это.

Лира опустила перо.

— Тогда времени на долгое накопление сил нет.

— Именно.

Борн ударил пальцем по карте.

— У нас после Талириона меньше половины первоначальной армии в состоянии двигаться. Корабли повреждены. Часть людей останется удерживать город. Даже если собрать всё, нам понадобится несколько недель.

— За несколько недель Ирворен может закончить то, что строит, — сказала Аронелла.

— А если мы пойдём сейчас, — ответил Борн, — подойдём к Велариону с армией, которая развалится раньше первого штурма.

— Поэтому армия не пойдёт первой, — сказал Каэль.

Борн посмотрел на него.

Каэль продолжил:

— Нужна малая группа.

Лира медленно покачала головой.

— Обычной дорогой до столицы долго. Через сновиденный слой быстрее, но даже приближение к куполу будет заметно.

— Нас и так заметят, — сказала Аронелла.

— Не только заметят. Могут оставить внутри перехода.

Лира положила ладонь на карту.

— Перемещение через сновиденный слой не является обычной дорогой. Там тело нужно постоянно удерживать связью с физическим миром. Даже без купола я не смогла бы провести десять человек. Тем более армию.

— Сколько? — спросил Борн.

— Одна — возможно. Двоих — с подготовкой. Больше сейчас опасно.

Аронелла смотрела на Веларион.

Одна.

Мысль пришла спокойно.

Она могла войти туда сама.

Ирворен хотел её.

Значит, не станет уничтожать сразу.

Это даст остальным время.

Каэль сказал:

— Даже не начинай.
Аронелла подняла взгляд.
— Я ничего не сказала.
— Именно.
Борн посмотрел между ними.
— Вы часто разговариваете так, что остальные должны угадывать половину?
— К сожалению, — сказала Лира, — да.
Аронелла выпрямилась.
— Если Ирворену нужна я, одиночное проникновение может
— Нет, — перебил Каэль.
Она посмотрела на него холоднее.
— Дай закончить.
— Я уже знаю конец.
— Тогда должен понимать логику.
— Понимаю. Она плохая.
— Каэль.
— Ты не пойдёшь одна.
Слова прозвучали спокойно.
Не приказом.
Выбором.
Аронелла почувствовала старую боль от этой уверенности.
И одновременно тепло.
Каэль посмотрел на карту.
— Но идти всё равно придётся.
Борн нахмурился.
— Ты сейчас ей противоречишь или поддерживаешь?
— Оба варианта.
— Ненавижу южные разговоры.
— Я не южанин.
— Тогда разговаривай проще.
Каэль указал на восточную дорогу.
— Мы должны найти Люциана, Джека Морна, Сабрину, Вейру и остальных. Они могут быть внутри. Могут находиться у границы купола. Если живы, у них есть сведения, которых нет у нас.
Лира сказала:
— Вейра могла бы стать якорем с той стороны.
— Если найдём её.
— Да.
Каэль перевёл взгляд на Аронеллу.
— Малая группа проходит первой. Находит отряд. Ищет путь внутрь или слабое место.
Борн за это время собирает людей и корабли.
Борн медленно прошёл вдоль стола.
— Я не люблю планы, в которых другие идут к моей цели раньше меня.
— Вейраг никуда не денется, — сказал Каэль.
— Откуда ты знаешь?
— Предатели любят находиться рядом с новой властью.
Борн усмехнулся без радости.
— Это правда.
Он остановился у карты порта.

— В Талирионе есть корабли. Некоторые повреждены, некоторые спрятаны владельцами. Если открыть склады и вернуть людей на верфи, за две недели можно собрать флот.

— У нас может не быть двух недель, — сказала Аронелла.

— Тогда за одну.

— Армия не должна идти неподготовленной.

— Я не сказал, что она будет подготовлена. Я сказал, что она пойдёт.

Дверь открылась.

Ордас вошёл без объявления.

Лира сразу повернулась.

Он выглядел хуже, чем несколько часов назад.

Серо-меловая кожа стала ещё светлее. Лиловое свечение глаз было слабым, словно часть его сознания всё ещё оставалась далеко. Длинные пальцы едва заметно дрожали.

Ордас остановился у порога.

На мгновение не узнал комнату.

Потом взгляд собрался.

— Купол не поддался, — сказал он.

Лира подошла ближе.

— Ты нашёл слабое место?

— Не внутри него.

Борн нахмурился.

— Это что-нибудь меняет?

Ордас посмотрел на него.

— Я провёл в глубине несколько часов. Внутри сновиденного слоя это ощущалось как несколько дней.

Он подошёл к столу, но не сел.

— Купол не является стеной. Стену можно обойти, сломать или истончить. Здесь само пространство заставляет забывать, что за ним существует продолжение.

Лира побледнела.

— Поэтому импульсы исчезают.

— Да.

— А отряд?

Ордас молчал несколько мгновений.

— Я не нашёл их следов. Ни Morsael, ни живого отклика.

Аронелла почувствовала, как внутри стало холоднее.

— Morsael? — переспросил Борн.

— Отклик смерти, — тихо перевела Лира. — Память погибшего, сохранившаяся в крови или слое.

Ордас посмотрел на Аронеллу.

— Я не нашёл ни того, ни другого. Веларион больше не позволяет внешнему слою различать живых, мёртвых и тех, кто находится между.

Каэль спросил:

— Но приблизиться можно?

— Возможно.

— Как?

Ордас положил длинные пальцы на край карты.

— К юго-западу от столицы купол соприкасается со старым сновиденным разломом. Я не могу открыть там настоящие ворота и не могу провести вас внутрь города.

Лира посмотрела на отмеченные земли.

— Но этот разлом можно использовать.

— Один раз. Как уже существующую трещину, а не как созданный нами переход.
— Без Вейры на другой стороне не будет якоря назначения, — сказала Лира.
— Поэтому выход окажется только у внешнего края и не будет точным.

Борн спросил:

— Сколько людей?

Ордас поднял взгляд.

— Четверых.

В комнате стало тихо.

— Вместе с тобой? — спросила Лира.

— Нет.

Ордас покачал головой.

— Я останусь здесь.

Борн посмотрел на него с недоверием.

— И всё равно утверждаешь, что сможешь провести их?

— Не один. Лира должна будет открыть связку, Тириан — удержать физический контур вместе со мной. Я лишь найду разлом и не дам вашим следам смешаться.

Он говорил без раздражения.

Как человек, объясняющий устройство механизма.

— Это не тот переход, которым можно перебрасывать войска. Не устойчивая дорога и не способ вернуться по собственному желанию.

Каэль спросил:

— Если купол ударит по связке?

— Нам придётся оборвать её.

— Раньше, чем мы выйдем?

Ордас не стал лгать.

— Возможно.

Борн выругался вполголоса.

— Замечательная возможность.

— Именно возможность, — сказал Ордас. — План предполагает управляемый исход.

Борн посмотрел на Аронеллу.

— И этого древнего существа вы называете хранителем надежды?

— Знаний, — поправила Лира.

— Теперь понятно.

Аронелла спросила:

— Почему ты остаёшься, кроме удержания разлома?

Ордас перевёл взгляд к окну, за которым начинал просыпаться Талирион.

— В городе сотни вампиров. В крови некоторых остался след Ирворена. Другие веками жили под властью Морвата и не знают, что делать без приказа. Илар удержит строй. Но он не видит глубину крови так, как вижу её я.

— Им нужна помощь, — сказала Аронелла.

— Да.

— И знания.

Ордас слегка склонил голову.

— Я слишком долго оставлял знания там, где они никому не помогали.

Аронелла поняла.

Он не собирался становиться воином её передовой группы.

Его место находилось там, где понимание крови, сна и истории могло спасти больше жизней, чем когти.

Ордас не был всесильным.

И именно поэтому знал цену тому, что мог сделать.

— Когда? — спросил Каэль.

— Не раньше завтрашней ночи. Мне потребуется восстановление. Лире и Тириану — подготовить связку.

Борн развернул карту порта.

— Тогда у меня есть время начать собирать корабли.

Аронелла кивнула.

— Состав группы определим после совета и допросов.

Борн развернул карту порта.

— Тогда у меня есть время начать собирать корабли.

Аронелла кивнула.

— Состав группы определим после совета и допросов.

Каэль посмотрел на неё.

— Трое уже понятны.

— Не решай за меня.

— Я назвал не имена.

— Но подумал.

— Думать пока не запрещали.

На мгновение Аронелла вспомнила закрытые ворота ЭльРаниса.

Ту же фразу.

Другую жизнь.

Она почти улыбнулась.

Почти.

— Через час открываем двери дворца, — сказала она. — Пусть жители собираются на площади.

Борн взял чашу.

— И что ты им скажешь?

Аронелла посмотрела на пустой трон за дальней аркой.

— Правду, которую они способны услышать сегодня.

ОТКРЫТЫЙ СОВЕТ

К полудню площадь перед дворцом была заполнена.

Не вся.

На дальних улицах ещё стояли завалы. Части мостов над каналами были разрушены. Некоторые районы оставались закрыты печатями Лиры.

Но люди шли.

Сначала осторожно.

Небольшими группами.

Из подвалов.

Из складов.

Из домов с заколоченными окнами.

Некоторые несли детей.

Другие держали ножи под одеждой.

Несколько человек пришли с белыми кусками ткани, привязанными к палкам, потому что не знали, считается ли выход на улицу сдачей.

У дворца их не разоружали насильно.

Только просили оставить длинные клинки у внешней линии стражи.

Северяне стояли по обе стороны площади.

Не в боевом строю.

Но достаточно близко друг к другу, чтобы при необходимости сомкнуть щиты.

Союзные вампиры находились у правой стены.
Между ними и людьми оставили широкое пространство.
Пока.

Илар стоял впереди своих.

Корвен — чуть позади.

Тервис находился у арок. Время от времени он бросал короткое «Vagae» — следы — и его группа вампиров сканировала крыши.

Ордас не вышел на площадь. После возвращения из сновиденного слоя он ушёл к пленным вампирам и просил не тревожить его без причины.

Ли́ра установила вдоль ступеней несколько небольших печатей.

Они не усиливали голос громкостью.

Передавали его дальше, от одного края площади к другому, сохраняя естественное звучание.

Каэль стоял слева от Аронеллы.

Борн — справа.

За ними не было трона.

Аронелла специально выбрала внешние ступени.

Она не хотела говорить с людьми из глубины дворца.

Не хотела, чтобы между ними стоял зал, где вчера умирали защитники и нападавшие.

Люди смотрели на неё.

Некоторые уже знали, кто она.

Слухи прошли быстрее приказов.

Королева вампиров.

Первая кровь.

Та, что остановила чудовище в каналах.

Та, что вела вампиров рядом с людьми.

Та, из-за которой всё это, возможно, началось.

Страх и надежда часто смотрят одинаково, пока не заговорят.

Аронелла подняла руку.

Площадь стихла не сразу.

Последние голоса затихали постепенно.

Она начала без титулов.

— Дворец взят.

Слова прошли через печати Лиры.

Люди у дальних арок подняли головы.

— Организованное сопротивление в центральных районах прекращено. Западные каналы ещё проверяются. Порт и восточные кварталы находятся под защитой союзных отрядов.

Из толпы раздался голос:

— Под чьей защитой?

Другой:

— Северян?

— Вампиров?

— Где королева?

— Где Серафина?

Имя законной, но отсутствующей правительницы прошло по площади неровным гулом.

Аронелла не пыталась перекрыть.

Она ждала.

Когда шум ослаб, сказала:

— Серафины Талирис здесь нет.

— Она жива?

— Мы не знаем.

Честный ответ вызвал больше тревоги, чем удобная ложь.

Но Аронелла продолжила:

— Ни я, ни Борн Варкар не претендуем на корону Талирии.

Кто-то в толпе засмеялся нервно.

— Тогда кто нами правит?

Аронелла посмотрела на людей.

— До выяснения судьбы Серафины и восстановления законной городской власти я принимаю ответственность за оборону Талириона и возглавляю временный совет.

Шёпот усилился.

— Вампириша?

— Она сама сказала!

— Морваты ушли — пришла другая вампирская власть!

Илар не двигался.

Союзные вампиры тоже.

Каэль смотрел на толпу, отмечая тех, кто говорил не от страха, а пытался направлять остальных.

Аронелла сказала:

— Я королева вампиров. Не королева Талирии.

Шум немного ослаб.

— Я не стану красть чужую корону. Трон останется нетронутым. Временный совет будет заниматься городом, а не выбирать нового правителя королевства.

Мужчина в старом плаще поднял руку.

— Кто войдёт в этот совет?

Аронелла указала на Борна.

— Борн Варкар отвечает за армию, порт и защиту внешних дорог.

На Каэля.

— Каэль Варион — за внутреннюю оборону города, Арамиров и поиск оставшихся сил Морвата.

На Лиру.

— Лира Эверен и Орден Трёх Печатей — за очищение районов, сновиденные искажения и безопасность подземных каналов.

Потом на Илара.

— Илар Таровен отвечает за союзных вампиров и за тех пленных, чья кровь требует проверки.

Илар склонил голову.

Не перед толпой.

Перед принятой ответственностью.

— До вечера освобождённые кварталы выберут представителей. К ним присоединятся уцелевшие городские чиновники и главы торговых гильдий, не служившие оккупационной власти.

Женщина с ребёнком спросила:

— А если мы не хотим жить рядом с вампирами?

Аронелла посмотрела на неё.

— Вы имеете право бояться.

— Это не ответ.

— Ответ такой: ни один вампир не имеет права взять вашу кровь без добровольного согласия.

По толпе прошёл новый гул.

Союзные вампиры напряглись.

Аронелла не обернулась к ним.

— Ara na daeg, — произнесла она. — Кровь не даёт права. Нарушивший этот закон будет судим. Независимо от дома, возраста и заслуг в бою.

Один молодой вампир у стены чуть поднял голову.

Илар посмотрел на него.

Тот снова замер.

— А люди? — крикнул кто-то. — Нам разрешено убивать их, если они рядом?

— Нет.

— Даже Морватов?

— Даже Морватов, если они сдались и находятся в цепях.

Возмущение стало громче.

Мужчина с перевязанной головой шагнул вперёд.

— Они забирали наших детей!

— Те, чья вина доказана, ответят.

— Когда?

— После свидетельств.

— Нам опять предлагают ждать суда!

Аронелла посмотрела прямо на него.

— Я предлагаю отличать суд от мести.

Мужчина сжал кулаки.

— А если это мой сын?

— Тогда твоя боль будет услышана.

— И всё?

— Нет.

Голос Аронеллы стал ниже.

— Но если сегодня каждый начнёт убивать того, кого считает виновным, к ночи город снова будет принадлежать страху.

Толпа затихла.

Не согласилась.

Но услышала.

Борн шагнул вперёд.

Двое северян вывели Роальда.

Он был в тяжёлых цепях.

Без доспеха.

Лицо разбито.

Но держался прямо.

Когда северяне в толпе увидели его, кто-то выругался.

Кто-то потянулся к оружию.

Борн поднял руку.

— Роальд предал Север, — сказал он. — Передал врагу пути, имена и людей. Он будет доставлен в Варкун и предстанет перед теми, чьи дома погибли из-за его решений.

Роальд усмехнулся разбитыми губами.

— Думаешь, доживёшь до Варкуна?

Борн посмотрел на него.

— Я — да.

Северяне в толпе засмеялись.
Коротко.
Жёстко.
— Почему не казнить его сейчас? — спросил человек у ступеней.
Борн перевёл взгляд на Аронеллу.
Она увидела: он действительно проверял её.
Не доверие.
Последовательность.
— Потому что пленник не становится невиновным оттого, что его убили без суда, — сказала Аронелла. — И король не становится справедливым только потому, что его месть понятна.
Борн не улыбнулся.
Но склонил голову.
Признал.
Роальда увели.
Следом вывели нескольких вампиров Морвата.
Не всех.
Только тех, чья роль уже была подтверждена несколькими свидетелями.
Один участвовал в похищении жителей для каналов.
Другой командовал охраной подземных камер.
Третий сдался у дворца и утверждал, что выполнял приказы под угрозой уничтожения своей линии.
Аронелла не выносила окончательных приговоров.
Она объявила порядок.
Организаторы и добровольные участники искажений предстанут перед открытым судом Талириона.
Те, кто действовал под принуждением, будут проверены отдельно.
Сдавшиеся сохраняют жизнь до рассмотрения их дел.
Ни один дом не будет признан виновным только по имени.
Некоторым людям это не понравилось.
Некоторым вампирам — тоже.
Это означало, что решение, вероятно, было правильным.
Совет продолжался.
Открыли зерновые склады.
Назначили раздачу воды.
Определили дома, куда перенесут детей, оставшихся без родителей.
Лира объявила, какие улицы нельзя пересекать из-за остаточных сновиденных узлов.
Борн приказал всем корабельным мастерам явиться в порт до вечера.
Каэль сообщил, что оружие можно сдать добровольно и получить обратно после проверки районов.
Постепенно страх начал превращаться в работу.
Так всегда происходило с живыми.
Пока у них не было дела, они думали о конце.
Когда появлялось дело, начинали думать о следующем часе.
К концу совета на площади уже спорили не только о вампирах.
О хлебе.
О том, кто должен чинить мост.
О праве портовых рабочих выбрать двух представителей вместо одного.
О том, почему северяне заняли лучшие склады.
Борн выслушал это и тихо сказал Каэлю:

— Кажется, город оживает.
— Почему?
— Уже жалуется на распределение помещений.
Каэль почти улыбнулся.
Именно в этот момент у дальнего края площади возникло движение.
Стражи расступились.
К ступеням вели двоих пленных.
Зачарованные цепи были обёрнуты вокруг запястий, локтей и груди. По звеньям шли светлые печати Таэланов. Каждое движение заставляло руны вспыхивать.
Первой шла Невария.
Одежда порвана у плеча.
На щеке засохла кровь.
Светлые волосы спутались.
Она держалась прямо и смотрела на дворец так, будто оценивала архитектурную ошибку.
Малверис шёл рядом.
Аронелла не сразу узнала в нём человека, который когда-то стоял у ритуальных колонн с пластинами Arath-Sael в руках.
Он сильно похудел.
Щёки впали.
Под глазами лежали глубокие тени.
На лице появилась неровная тёмная щетина.
Волосы давно не видели расчёски.
Одежда была грязной, местами прожжённой и покрытой следами крови и чёрной пыли.
Он выглядел не как Великий алхимик.
Как человек, который слишком долго шёл без сна и уже перестал понимать, куда именно хотел прийти.
Невария скосила на него глаза.
— И это был твой план?
Малверис не повернул головы.
— Он ещё не закончился.
— Ты дурак, Малверис.
— Это уже говорили.
— Значит, впервые все оказались правы.
Один из стражников толкнул их вперёд.
Невария посмотрела на него.
Стражник сразу убрал руку.
— Осторожнее, — сказала она. — Цепи не делают тебя интереснее.
Малверис тихо выдохнул.
Почти смех.
Почти.
Лира увидела его.
Её лицо изменилось.
Не страх.
Не удивление.
Всё тепло исчезло сразу.
Эрвен, стоявший чуть позади Таэланов с перевязанными руками, заметил это и сделал шаг ближе.
Лира не посмотрела на него.
Каэль положил ладонь на Кхорваэль.

Борн медленно повернулся к Аронелле.
Вот теперь решение действительно касалось её лично.
Старший стражник остановился перед ступенями.
— Их нашли у западного канала, — сказал он. — Сражались с искажёнными. Убили шестерых. Потом попытались уйти через старый водный проход.
Невария поправила:
— Не попытались. Почти ушли.
— Вас поймали.
— На последнем шаге. Это важная разница.
Малверис молчал.
Аронелла спустилась на одну ступень.
Люди на площади начали перешёптываться.
Имя уже проходило среди них.
Малверис Девон.
Предатель Башни.
Создатель чудовищ.
Человек, которого обвиняли в разрушении Велариона, смерти королей и приходе Пустого Бога.
— Поднимите головы, — сказала Аронелла.
Невария посмотрела на неё сразу.
Малверис медленнее.
Их взгляды встретились.
В последний раз Аронелла видела его среди рушащегося Сердцевинного Канала.
Он помог показать главный знак на цепи.
Не ради неё.
Ради мира.
И всё же помог.
До этого он участвовал в ритуале.
Удерживал схему.
Открыл Ирворену путь к её сущности.
Был причастен к смерти Кассиана.
К падению Башни.
К тому, что Веларион стал местом, откуда теперь не приходили вести.
Одно позднее решение не стирало дорогу, которая к нему привела.
Аронелла спросила:
— Почему вы находились в Талирионе?
Невария посмотрела на Малвериса.
Он ответил:
— Потому что из Велариона больше нельзя просто уйти.
По площади прошёл гул.
Аронелла не изменилась в лице.
— Вы ушли.
— Нам позволили считать, что ушли.
— Кто?
Малверис посмотрел на неё.
— Не здесь.
Борн шагнул вперёд.
— Ты находишься в цепях перед городом, который едва пережил союз с твоими хозяевами. Не тебе выбирать место разговора.

Малверис перевёл взгляд на северного короля.

— Я не выбираю. Я предупреждаю.

— О чём?

— О том, что некоторые сведения не стоит произносить перед тысячей людей, если среди них могут находиться Голоса Завесы.

Люди рядом начали озира́ться.

Аронелла подняла руку.

— Достаточно.

Она посмотрела на стражника.

— Огласите обвинения.

Мужчина развернул лист.

— Малверис Девон обвиняется в измене Башне алхимиков, убийстве Кассиана Эверена, проведении запрещённых опытов над живыми существами, создании и распространении искажённых, сотрудничестве с Рейвисом Морватом и Элдрианом Солвеем, а также в участии в ритуале над Аронеллой Велкарис.

Он сделал паузу.

— Кроме того, ему вменяются действия, содействовавшие смерти короля Аларика Четвёртого Аурелиана и приходу Ирворена в человеческие земли.

По площади прошёл тяжёлый гул.

Малверис не отвёл глаз.

Невария посмотрела на него.

Впервые без насмешки.

Стражник продолжил:

— Невария Морват обвиняется в содействии дому Морват, участии в похищении Аронеллы Велкарис и сокрытии сведений о готовящемся ритуале.

Невария не стала спорить.

Аронелла спросила:

— Вы признаёте обвинения?

Малверис ответил:

— Я признаю, что моя история не поместится в одно слово.

— Я не спрашивала об истории.

— Тогда ответ будет использован не для истины, а для удобства.

Борн тихо сказал:

— Умные слова. Алхимики всегда любили прятать трусость за длинными предложениями.

Малверис посмотрел на него устало.

Не обиделся.

Видимо, для обиды уже не осталось сил.

Аронелла поднялась на ступень выше.

Она могла вынести приговор сейчас.

Площадь хотела этого.

Люди хотели увидеть, как королева вампиров уничтожит человека, помогавшего вскрыть её сущность.

Вампиры хотели понять, будет ли её закон отличаться от закона Морвата.

Борн хотел увидеть, способна ли она не превратить личную боль в государственное решение.

Лира смотрела на него так, будто часть её уже вынесла собственный приговор.

Но Аронелла не собиралась превращать чужую боль в немедленную казнь.

Она видела её.

Не мысли.

Боль.

— Суд состоится, — сказала она. — Но не сегодня.

По толпе прошёл возмущённый шум.

Аронелла продолжила:

— Малверис Девон и Невария Морват расскажут, что происходило в Веларионе, как они покинули город и почему оказались в Талирионе. Их слова будут проверены.

Малверис смотрел на неё.

— До суда оба останутся под стражей, — сказала Аронелла. — В зачарованных цепях. Без доступа к рунам, крови и сновиденному слою.

Невария чуть подняла бровь.

— Гостеприимно.

— Вы пришли не как гости.

— Справедливо.

Аронелла посмотрела на стражу.

— Увести.

Малверис не двинулся сразу.

— Королева.

Каэль сильнее сжал рукоять меча.

Аронелла остановила его одним взглядом.

— Что?

— Когда начнётся допрос, не откладывайте вопрос о Веларионе.

— Почему?

Малверис посмотрел на небо над Талирионом.

Серое.

Обычное.

— Потому что всё, что происходит там, уже влияет на то, что случится здесь.

Аронелла ничего не ответила.

Стража повела их к боковому входу.

Невария снова посмотрела на Малвериса.

— Всё ещё часть плана?

Он шёл молча.

— Так и думала, — сказала она.

Они исчезли за аркой.

Борн подошёл к Аронелле.

— Ты могла вынести приговор.

— Могла.

— Почему не вынесла?

— Потому что могу.

Он некоторое время смотрел на неё.

Потом кивнул.

— Теперь понимаю, почему Каэль идёт рядом с тобой.

Аронелла повернула голову.

— Из-за суда?

— Потому что ты умеешь остановиться там, где сила уже дала тебе право ударить.

Он посмотрел на площадь.

— На Севере это ценят.

Совет завершился ближе к вечеру.

Не торжественно.

Люди просто начали расходиться, унося с собой распоряжения, споры и новую неопределённость.

Представители кварталов остались у нижних столов.

Северные командиры ушли к порту.

Лира отправила Таэланов проверять западный канал.

Каэль разговаривал с Роаном и Эоганом о ночных дозорах.

Аронелла спустилась с последней ступени.

И увидела Боруна Хельма.

Он стоял у края площади.

Постаревший.

Не только на два года.

На целую войну.

Волос стало меньше. Борода поседела. Левая рука была перевязана у кисти. На старом плаще виднелось несколько аккуратно зашитых разрезов.

Но смотрел он так же.

Прямо.

Без придворной осторожности.

Будто перед ним всё ещё стояла странная женщина, которой он однажды дал комнату, еду и работу в таверне.

Аронелла остановилась.

Борун тоже.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга.

Потом он сказал:

— Жива?

Аронелла почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Та же первая фраза.

В другое утро.

В другом Талирионе.

— Да, — ответила она. — Пока.

— Ну и хорошо.

Борун подошёл.

Оглядел её одежду.

Повязку.

Людей, уступавших ей дорогу.

Вампиров, склонявших головы.

— А я всё думал, куда пропала женщина, которая сначала не умела нормально держать поднос.

— Я научилась.

— Видел.

Он усмехнулся.

— Теперь целый город держишь. Поднос был безопаснее.

Аронелла впервые за день улыбнулась по-настоящему.

Коротко.

Борун посмотрел на неё внимательнее.

Глаза стали влажными, но он сразу нахмурился, словно это могло исправить положение.

— Иди сюда.

Он обнял её.

Обычно.

По-человечески.

Без поклона.
Без вопроса, дозволено ли касаться королевы вампиров.
Аронелла замерла на мгновение.
Потом обняла его в ответ здоровой рукой.
От Боруна пахло дымом, старым элем, мокрой тканью и тем самым человеческим теплом, которое когда-то наполняло «Сломанный якорь».
Не троном.
Не кровью.
Домом, где тебя спрашивали, жива ли ты, прежде чем интересоваться именем.
Борун отстранился первым.
— Не ожидал увидеть тебя такой.
— Какой?
Он посмотрел на дворец.
На людей.
На знамёна.
— Совсем не такой, какой я тебя запомнил.
Аронелла чуть нахмурилась.
— Когда мы познакомились, я тоже была королевой.
— Для меня ты была женщиной, которая слишком тихо ходила по лестнице и пугала пьяных моряков одним взглядом.
— Это тоже полезная власть.
— Не спорю.
Борун стал серьёзнее.
— Сегодня люди тебя слушали.
Он поискал слова.
Это было непривычно.
— Не потому, что ты говорила громче всех. Потому что не обещала им чудес.
Аронелла не ответила.
— Я тебе верю, — сказал Борун. — Не потому, что ты королева. Потому что видел тебя раньше.
Он кивнул на площадь.
— Такие речи может выучить любой. А вот работать весь вечер, не сломав поднос о голову пьяного идиота, — тут уже виден характер.
— У меня была мысль сломать.
— Я знаю. Поэтому и доверяю.
За их спинами подошёл Каэль.
Борун заметил его.
— Ведьмак.
— Борун.
— Ты тоже жив.
— Почти.
— Вечно вы оба отвечаете одинаково.
Каэль посмотрел на Аронеллу.
Убедился, что она стоит ровно.
Потом на Боруна.
— Ты можешь приходить во дворец в любое время.
Борун поднял брови.
— Во дворец?
— Здесь тебе будут рады.

— Даже если приду без поклона?
— Особенно.
Борун хмыкнул.
Каэль добавил:
— Старые лица сейчас редкость.
На мгновение между ними возникло то, чего не было на советах.
Простая память о времени, когда мир ещё не требовал от каждого быть символом.
Борун опустил взгляд.
— Есть кое-что.
Аронелла сразу почувствовала изменение.
— Что?
Он провёл ладонью по бороде.
— Мира уехала в Веларион.
Шум площади будто отдалился.
— Когда?
— До того, как дороги окончательно закрылись. Тогда ещё говорили, что столица безопаснее Талириона. Что там есть Башня, стража, лекарства.
Борун усмехнулся без радости.
— Умные люди всегда умеют убедительно посоветовать дорогу в проклятое место.
— Почему она поехала?
— Я сам её отправил. Талирион уже был под угрозой, а Веларион тогда казался безопаснее. Башня, стража, лекарства. Думал, там она переждёт.
— Были вести?
— Первое время.
Он покачал головой.
— Потом ничего.
Аронелла посмотрела на Каэля.
Он уже думал о том же.
Ещё одно имя внутри мёртвой зоны.
Ещё один человек, которого они знали.
Не разведчик.
Не воин.
Девушка с острым взглядом, учившая Аронеллу носить кружки между столами.
— Мы идём в Веларион, — сказала Аронелла.
Борун поднял глаза.
— Ты найдёшь её?
Аронелла не любила обещать то, чего не могла выполнить.
Но иногда надежде требовалась форма.
— Мы помним о ней. Я найду ответ.
Он понял разницу.
И всё равно кивнул.
— Этого достаточно.
Каэль положил ладонь Боруну на плечо.
— Тебе выделяют комнату в восточном крыле.
— У меня есть дом.
— Сейчас?
Борун посмотрел в сторону портового района.
— Стены стоят. Крыша — частично. Бочки с элем Морваты не нашли. Значит, дом.
— Тогда хотя бы приходить можешь, — сказал Каэль.

— Посмотрим. Я плохо сочетаюсь с дворцами.
Аронелла сказала:
— Я тоже так думала.
Борун улыбнулся.
— Ты просто слишком хорошо умеешь выглядеть так, будто всегда здесь жила.
Он ушёл к группе жителей портового района.
Каэль остался рядом.
Некоторое время они смотрели ему вслед.
— Ты не спала, — сказал он.
Аронелла вздохнула.
— Мы уже обсуждали.
— Нет. Ты ушла от ответа.
— Каэль.
— Плечо?
— Терпимо.
— Это не ответ.
Она повернулась к нему.
Между ними было расстояние в один шаг.
Когда-то оно исчезло бы сразу.
Теперь через площадь шли командиры. Лира ждала у арки. Северянин нёс новое донесение.
Война снова занимала пространство.
— Позже, — сказала Аронелла.
Каэль смотрел на неё.
Он знал, сколько раз они уже произносили это слово.
Позже.
Когда закончится бой.
Когда Арамиры будут в безопасности.
Когда Лира вернётся.
Когда Север удержит стены.
Когда падёт Талирион.
Когда станет тише.
— Хорошо, — ответил он.
И всё же не ушёл сразу.
Аронелла тоже.
Несколько мгновений они просто стояли рядом.
Этого было мало.
Но пока мир позволял только столько.

КАМЕРЫ

Лира пришла в тюремное крыло после наступления темноты.
Никому не сказала.
Не потому, что ей запретили.
Аронелла разрешила проводить предварительные разговоры только в присутствии стражи, но Лира не собиралась устраивать допрос.
Она не хотела ответов.
Именно это привело её к камере.

Подземные помещения дворца пахли сыростью, ржавчиной и старой кровью. Морваты использовали их не только для преступников. В некоторых камерах на стенах остались детские царапины. В других — следы рун, удерживавших вампиров.

Таэланы очистили основные печати.

Но место всё равно помнило.

У двери стояли двое стражников.

Один северянин.

Один Таэлан.

— Откройте, — сказала Лира.

Северянин посмотрел на неё.

— Королева приказала

— Я не стану снимать цепи.

— Внутрь одна не войдёшь.

— Тогда стойте у двери.

Таэлан коснулся защитного знака.

Печать узнала его.

Замок открылся.

Лира вошла.

Камера была широкой.

Вероятно, раньше здесь держали нескольких людей одновременно. У дальней стены стояли две каменные скамьи. Между ними — кольцо, вмурованное в пол.

Малверис сидел слева.

Локти лежали на коленях.

Закованные руки опущены.

Голова немного наклонена.

Тень от волос закрывала глаза.

При близком свете он выглядел ещё хуже.

Щетина.

Запавшие щёки.

Потрескавшиеся губы.

На шее след от ожога.

На пальцах старые повреждения от рун.

Он больше не походил на человека, которого Лира когда-то считала величайшим алхимиком своего времени.

Но это не вызвало жалости.

Невария находилась у противоположной стены.

Она сидела прямо, несмотря на цепи.

Смотрела на Лиру.

Не улыбалась.

Не пыталась заговорить.

Лира остановилась в нескольких шагах от решётки внутреннего защитного контура.

Малверис поднял голову.

Их взгляды встретились.

Когда-то она мечтала, что он заметит её способности.

Что скажет, что Кассиан был бы горд.

Что позволит ей войти в те лаборатории, куда не допускали обычных учеников.

Она защищала его имя.

Верила дневнику.

Искала объяснение там, где уже давно существовала вина.

Ли́ра думала, что за два года ненависть стала меньше.

Она строила Орден.

Учила Таэланов.

Входила в сновиденный слой.

Удерживала людей в бою.

Смотрела, как умирают друзья.

Ненависть казалась слишком простой эмоцией для мира, где всё стало сложнее.

Она ошибалась.

— Я думала, что однажды смогу посмотреть на тебя и ничего не почувствовать, — сказала Ли́ра.

Малверис молчал.

Невария тоже.

— Не простить.

Ли́ра сделала шаг ближе.

— Не понять. Просто увидеть человека, который больше не имеет власти над моей жизнью.

Малверис смотрел на неё.

Усталость делала его взгляд почти пустым.

Но не безразличным.

— Я убеждала себя, что стала выше этого, — продолжила Ли́ра. — Что знания, время и всё, что произошло после Башни, сделали ненависть слишком маленькой.

Она усмехнулась.

Тихо.

Без радости.

— Как будто чувства становятся благороднее только потому, что ты научилась называть их другими словами.

Малверис не ответил.

— Потом тебя привели на площадь.

Ли́ра подошла к самой границе печати.

— И я поняла, что не смогла.

Её голос не стал громче.

От этого каждое слово звучало тяжелее.

— Когда я смотрю на тебя, я чувствую ненависть.

Невария едва заметно опустила взгляд.

— И отвращение.

Ли́ра смотрела только на Малвериса.

— Не только к тому, что ты сделал. К тому, кем ты позволил себе стать.

Он выдержал взгляд.

Не оправдывался.

Не отводил глаз.

— Ты погубил моего отца.

Тишина.

— Мою мать.

Малверис едва заметно сжал пальцы.

Цепи тихо звякнули.

— Ты использовал Башню, людей, знания, доверие. Ты помог создать существ, которые убивали тех, кого должны были лечить алхимики. Ты участвовал в ритуале над Аронеллой. Открыл Ирворену путь в наш мир.

Ли́ра почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее.

Не сновиденная сила.
Не эфир.
Обычная человеческая ярость.
— По твоей вине погибли тысячи людей, Малверис.
Он молчал.
— И вампиров.
Молчал.
— Города.
Молчал.
— Короли.
Невария смотрела на него из темноты.
Не защищала.
Лира знала: Неварии известна его история.
Возможно, больше, чем кому-либо.
Как он рос.
Чего боялся.
Кому хотел доказать свою ценность.
Какие обещания слышал.
Кого любил.
Кого потерял.
Что заставило его впервые согласиться.
Что заставило продолжить.
Лире было всё равно.
— У тебя наверняка есть история, — сказала она. — Причины. Люди, которые тебя использовали. Обещания, в которые ты поверил. Боль, которой ты объясняешь собственные решения.
Она покачала головой.
— Мне неинтересно.
В лице Малвериса что-то дрогнуло.
Совсем немного.
— Не потому, что твоя история ничего не значит, — продолжила Лира. — А потому, что ты сделал её важнее жизни всех остальных.
Она коснулась пальцами защитной печати.
Свет прошёл по решётке.
— Ты каждый раз выбирал себя. Свои знания. Свою обиду. Своё место рядом с теми, кто обещал сделать тебя великим.
Малверис опустил глаза.
— Я думала, что во мне больше нет части, которая способна так ненавидеть.
Лира замолчала.
Вспомнила мать.
Кассиана.
Дневник.
Башню.
Аронеллу между колоннами.
Чёрную субстанцию, вытягивающую из неё свет.
— Но она есть.
Лира посмотрела прямо на него.
— Во мне тоже есть часть, которая может злиться. Ненавидеть. Желать, чтобы человек передо мной почувствовал хотя бы малую долю того, что оставил в других.

Малверис поднял взгляд.

— И ты напоминаешь мне о ней.

Невария всё ещё молчала.

В камере не было ни одного звука, кроме слабого движения воды в стене.

Лира ждала.

Не ответа.

Просто смотрела, позволит ли Малверис себе начать оправдываться.

Он не начал.

Это не уменьшило её ненависть.

Но сделало тишину честнее.

— Я не пришла говорить, что прощения не будет, — сказала Лира. — Ты и сам это знаешь.

Малверис сидел неподвижно.

— Я пришла убедиться, что, увидев тебя, не стану лгать себе.

Она отступила от печати.

Повернулась к двери.

Стражник снаружи уже положил руку на замок.

Лира сделала несколько шагов.

Потом остановилась.

Не обернулась.

Голос прозвучал почти небрежно.

— Посмотрим, что ты скажешь на суде над своей душой.

Дверь закрылась.

Свет из коридора исчез.

Малверис остался сидеть, опустив голову.

Невария смотрела на него из темноты.

Впервые за всю их дорогу ни один из них не нашёл слов.

ГЛАВА 5

ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ ОТПУСКАЛ

703 год Счёта Четырёх Корон.Веларион.

Ульрик умер на третьем ударе сердца.
Люциан видел это слишком ясно.
Не потому, что хотел запомнить.
Веларион сам заставлял память становиться острой там, где разум просил милосердия.
Сначала — морватский вампир на крыше.
Потом — искажённые из боковой улицы.
Потом — скрежет.
Не рёв.
Не вой.
Именно скрежет.
Сухой, многоголосый, зубной звук, от которого камень будто становился тоньше.
Ульрик первым услышал его.
Он успел поднять руку, предупреждая остальных, и шагнуть к арке, где старая улица должна была выводить их к северному проходу.
Но прохода уже не было.
Там стоял верминор.
Нет.
Не стоял.
Висел между стенами, будто сам Веларион выплюнул из себя огромного паука, сделанного из плоти, кости, железа и чужой крови.
Когда-то Люциан уже дрался с верминором.
Тогда эта тварь казалась пределом алхимического уродства.
Теперь он понял: предел был только началом.
Эти были другими.
Больше.
Гораздо больше.
Каждый — почти в четыре человеческих роста, с несколькими длинными конечностями, выгнутыми так, будто суставы были собраны не для ходьбы, а для охоты в тесных улицах. Между изменённой плотью проходили железные вставки. Не броня. Не доспех. Скорее скобы, вшитые в тело, чтобы удерживать форму, которая уже не должна была держаться.
По ним текла тёмная кровь.
Искажённая.
Густая.
С багровым внутренним светом.
Когда первый верминор повернул голову, второй ответил ему с крыши тем же скрежетом зубов.
Потом третий.
Они переговаривались.
Не словами.

Сигналами.

Щёлк.

Скрежет.

Пауза.

Ответ с другой стороны улицы.

Они были не просто тварями.

Они были отрядом.

И Ульрик, старый дозорный, человек, который всю жизнь слышал опасность раньше, чем она получала тело, оказался между ними на расстоянии одного неверного вдоха.

Он ударил первым.

Конечно, ударил.

Старые ведьмаки не умирали красиво.

Они умирали рабоче.

Его нож вошёл в щель между железной пластиной и плотью. Второй клинок пробил морватскому вампиру горло, когда тот прыгнул с крыши. Ульрик даже успел оттолкнуть разведчика назад.

Потом боковая конечность верминора ударила его в грудь.

Не разорвала сразу.

Просто бросила в стену так, что камень треснул.

Ульрик попытался подняться.

И тогда искажённые дошли до него.

Джек прорубился первым.

Гаррен — следом.

Брина вошла рывком, сорвала с Ульрика двух искажённых, успела отбросить третьего ударом короткого клинка, но в тот же миг другой верминор ударил по улице сверху, заставив всех отступить.

Когда они вытащили Ульрика в дом, он ещё был жив.

На три удара сердца.

На три коротких, хриплых попытки вдохнуть.

На третьем ударе его пальцы разжались.

Теперь он лежал у дальней стены подвала, укрытый собственным плащом.

Не потому, что это что-то меняло.

Потому что Джек Морн не оставлял своих лежать открытыми перед чужим городом.

Маэрон был жив.

Пока.

Он лежал у обломка каменной колонны, лицо серое, губы в крови. Гаррен прижимал к его боку плотную повязку, но кровь всё равно проходила сквозь ткань и пальцы.

Маэрон сам обычно делал это для других.

Знал, куда нажать.

Знал, когда боль — друг, а когда предвестник смерти.

Знал, какой запах у раны, которую ещё можно закрыть, и какой — у той, с которой человек просто договаривается о времени.

Сейчас он молчал.

И это было плохо.

— Держит? — спросил Джек.

Гаррен поднял на него тяжёлый взгляд.

— Если хочешь добрую ложь, спроси у кого-нибудь помоложе.

— Я спросил тебя.

— Тогда нет.

Маэрон приоткрыл глаза.

— Утешительно.

Гаррен сильнее прижал повязку.

— Заткнись.

— Хороший лекарский тон. Надо было мне у тебя учиться.

— Если выживешь — научу.

— Вот теперь я точно постараюсь умереть.

Брина сидела у стены, вытянув одну ногу и согнув вторую. Пепельные волосы прилипли к вискам. На щеке запеклась кровь. Дыхание у неё уже выровнялось, но Люциан видел, как дрожат пальцы правой руки.

Она вытащила Маэрона.

Рывком Узла.

Слишком далеко.

Слишком резко.

Слишком близко к пределу.

Она вошла между двумя искажёнными, когда Маэрон уже падал, схватила его за ремень, ударом сбила чужую руку, тянувшуюся к его лицу, и выдернула его из улицы так быстро, что даже верминор промахнулся на половину удара.

Но тело Арамира не было бесконечным.

После рывка Брина несколько мгновений не могла подняться.

И всё равно улыбалась сейчас так, будто это город выглядел жалко, а не она.

— Можем ещё немного поговорить о том, что Арамиры — опасная авантюра, — сказала она. — Мне как раз скучно умирать молча.

Севрен, стоявший у пролома в стене, не повернулся.

— Если бы этой авантюры не существовало, нас бы здесь не было.

В подвале стало тише.

Гаррен поднял голову.

Джек не двинулся.

Вейра, стоявшая у лестницы, только чуть повернула лицо в сторону Севрена.

Люциан посмотрел на старого ведьмака.

Севрен был бледен от усталости, но в глазах у него держалось нечто более острое, чем страх. Старая обида. Та самая, которую люди часто называют разумом, когда не хотят признать боль.

— Повтори, — сказала Брина.

Она не повысила голос.

От этого стало хуже.

Севрен посмотрел на неё.

— Ты слышала.

— Я хочу насладиться второй попыткой.

— Новый глава Ордена решил, что старых ведьмаков мало. Придумал новых. Быстрее, чище, красивее, с кровью королевы и словами про имя. — Его взгляд скользнул по ней. — И вот мы здесь. Один мёртв. Второй скоро будет. Остальные сидят под землёй в городе, куда здоровые люди не возвращаются.

Брина медленно поднялась.

На этот раз дрожь ушла из пальцев.

Или она заставила её уйти.

— Каэль никого не заставлял идти сюда.

— Он глава.

— А ты собака?

Севрен чуть прищурился.

— Осторожнее.

— Нет. Ты сам начал. Если ты здесь только потому, что тебе приказали, тогда да, ты всё ещё собака старой башни. Только ошейник поменял хозяина.

Гаррен резко выдохнул.

— Девчонка...

— Не девчонка, — отрезала она. — Брина. Или Арамир. Выбирай слово, которое меньше режет тебе слух.

Севрен усмехнулся.

— Вот именно.

Брина шагнула к нему.

— Каэль не сделал из меня оружие. Он не выжег из меня прошлое. Не сказал, что злость — это грязь, а боль надо спрятать, чтобы кому-то было удобнее смотреть. Он дал мне пройти через это и остаться собой. Так что когда ты говоришь о нём так, будто он отправляет людей на бойню ради красивой идеи, выбирай слова. Или выбирай, какой рукой потом будешь есть.

Севрен тоже сделал шаг.

Джек Морн даже не обернулся.

— Севрен.

Одно слово.

Старый ведьмак остановился.

Не потому, что боялся.

Потому что Джек сказал достаточно.

Но Брина не отвела глаз.

Люциан слушал их и понимал, что этот спор должен был случиться.

Не сейчас — так позже.

Не в этом подвале — так у другого костра.

Старый Рубеж не входил в новый мир ровно.

Он цеплялся.

Хрипел.

Сопrotивлялся.

Даже когда шёл вперёд.

Джек доверял Каэлю.

Не мягко.

Не красиво.

Не с теплом.

Но доверял.

Он уже принял, что старый порядок умер и возвращать его бессмысленно.

Севрен — нет.

Севрен всё ещё смотрел на Арамиров как на доказательство того, что время пошло дальше без него.

Люциан отошёл от стены.

— Сабрина права.

Она чуть повернула к нему голову.

В её глазах мелькнула неожиданность.

Севрен посмотрел на Люциана с раздражением.

— Вам удобно это говорить.

— Нет, — сказал Люциан. — Мне это неприятно говорить. Но правда не обязана быть удобной. Никто из нас не оказался здесь случайно. Джек не заставлял тебя. Каэль не стоял

у тебя за спиной с мечом. Аронелла не приказывала мне идти в Веларион. Вейра, Кайриса, Сабрина, ты, Гаррен, Маэрон, Ульрик — каждый пришёл сюда добровольно.

Он сделал паузу.

Снаружи снова раздался скрежет.

Один верминор отвечал другому.

Зубы по зубам.

Железо по кости.

Люциан продолжил тише:

— Поэтому, если кто-то хочет обвинить мёртвых в том, что они приняли собственное решение, пусть делает это не рядом с телом Ульрика.

Севрен ничего не ответил.

Брина тоже.

Джек посмотрел на Люциана коротко.

Почти без выражения.

Но Люциан понял: принято.

У лестницы золотой свет Вейры дрогнул.

Она держала вход защитной конструкцией — тонкими линиями, углами, опорами, сложенными из света так точно, будто даже под обвалившимся домом продолжала чертить план будущего здания.

Её магия всегда была формой.

Не пламенем ради пламени.

Архитектурой.

Золотой огонь становился щитом, полем, опорой, копьём, барьером. У Вейры даже разрушение выглядело так, будто его сначала спроектировали.

И именно поэтому Веларион давил на неё особенно жестоко.

Город не ломал её барьер силой.

Он заставлял форму сомневаться.

Линия оставалась линией — и вдруг на мгновение начинала вести себя как трещина.

Угол складывался — и тут же немного менял смысл, будто пространство под ним вспомнило другую геометрию.

Кайриса стояла рядом, прижав ладони к камню.

Её тёмные волосы выбились из-под перевязи. Глаза горели янтарно-медным. От пальцев шёл жар — не обычный огонь, а прожжённый через шов формы. Она удерживала слабые места защиты, раскаляя заражённые линии в камне и не давая им распознаться к опорам Вейры.

Кожа на пальцах уже треснула.

Она заметила, что Люциан смотрит.

— Что? — бросила она.

— Ничего.

— Тогда не смотри так, будто собираешься сказать что-нибудь благородное.

— Я не собирался.

— Уже хорошо. Благородные слова обычно говорят те, кому не надо держать стену пальцами.

Вейра не обернулась.

— Кайриса.

— Я держу.

— Ты перегреваешь шов.

— Он и должен быть горячим. Удивительно, да?

— Он должен быть управляемым.

Кайриса коротко усмехнулась.

— Как всё вокруг тебя.

Вейра наконец посмотрела на неё.

— Как всё, что не хочет сгореть бесполезно.

На мгновение между ними вспыхнуло напряжение.

Не вражда.

Нет.

Вейра и Кайриса понимали друг друга слишком хорошо, чтобы ссориться по-настоящему в таком месте.

Но Кайриса была из тех, кто всю жизнь выцарапывал право стоять рядом с сильными и ненавидел, когда её ставили в положение помощницы. Она собрала себе имя так же, как собирала свои печати: из воли, труда, злости и отказа быть никем.

Она уважала Вейру.

Именно поэтому и позволяла себе говорить с ней острее, чем с другими.

— Я не собираюсь сгорать бесполезно, — сказала Кайриса. — Я слишком долго добиралась до места, где моё пламя хоть кому-то нужно.

— Тогда удержи его.

— Удерживаю.

— Хорошо.

Кайриса снова опустила взгляд к шву.

Но Люциан успел увидеть её лицо.

Злость.

Боль.

Гордость.

И то старое чувство людей, которых однажды приняли в дом, но так и не сделали родными.

Снаружи по улице прошла тень.

Не одна.

Три.

Люциан подошёл к узкому разлому в стене.

И увидел их.

Верминоры двигались вдоль домов не как звери и не как солдаты.

Как механизм охоты, научившийся думать.

Один шёл по мостовой, перебирая длинными конечностями, скобы в теле глухо скрежетами при каждом движении. Второй полз по стене, цепляясь за камень так легко, будто вес не имел значения. Третий остановился на крыше напротив и опустил голову вниз.

Искажённая кровь двигалась по железным вставкам, как багровая смола.

Морватские вампиры стояли дальше, у арки.

Их было пятеро.

Не искажённые.

Ещё нет.

Люциан сразу отличил.

Клыки. Длинные ногти. Хищный свет в глазах. Пластика существ, которые могли притвориться людьми только перед теми, кто очень хотел ошибиться.

Один держал знак Морвата на шейной цепи.

Другой был ранен — Брина задела его в уличной схватке.

Третий шептал что-то искажённым, но те почти не слушали.

Это тоже было важно.

Морваты всё ещё считали себя властью.

Веларион уже не всегда соглашался.

— Они не заходят, — сказала Брина за его спиной.

— Нет.

— Потому что ждут?

— Потому что говорят друг с другом.

— Морваты?

— Верминоры.

Она подошла ближе, осторожно, не наступая на повреждённую ногу слишком резко.

— Скрежетом?

— Да.

Брина поморщилась.

— Ненавижу, когда твари организованнее людей.

— Это случается часто.

— Твой возраст как-то плохо утешает.

Люциан чуть усмехнулся.

— Я редко использую его для утешения.

Она посмотрела наружу.

— Ты раньше видел таких?

— Видел верминора.

— И?

— Он был меньше.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы это меня не радовало.

Один из верминоров резко повернул голову к ним.

Брина замолчала.

В подвале снова стало слышно дыхание Маэрона.

И дальний шорох искажённых.

Их было много.

Не толпа в обычном смысле.

Толпа хочет войти.

Толпа давит.

Толпа ломится к живому.

Эти — держали улицы.

Перекрывали отход.

Закрывали пути.

Стояли там, где ещё несколько часов назад оставалась возможность вернуться к внешней границе купола.

Веларион не просто нападал.

Он переставлял их.

Как фигуры.

Люциан ненавидел эту мысль.

Потому что она была слишком похожа на правду.

— Нам нужно понять, можно ли выйти через сновиденный слой, — сказала Вейра.

Люциан обернулся.

— Сейчас?

— Потом будет хуже.

Джек коротко спросил:

— Риск?

— Большой.

— Польза?

— Если слой не полностью закрыт, я найду направление за купол. Не проход. Хотя бы направление.

— А если закрыт?

Вейра не ответила сразу.

Кайриса ответила вместо неё:

— Тогда её сознание ударится о тьму, а я буду держать её тело здесь, пока эта проклятая дыра не решит, что нам всем хватит развлечений.

Вейра посмотрела на неё.

— Технически грубо.

— Зато понятно.

— Ты готова?

Кайриса фыркнула.

— Я сирота из Солмиры, однажды случайно сжёгшая лавку, потому что мир решил дать ей дар без инструкции. Я всю жизнь готова к плохим вариантам.

— Это не ответ.

— Это самый честный ответ, который у меня есть.

Вейра кивнула.

— Тогда держи шов.

Кайриса опустила на колено.

— Только не умирай красиво. Я терпеть не могу, когда знатные умирают так, будто даже смерть им должна аплодировать.

Вейра почти улыбнулась.

— Я постараюсь умереть невоспитанно.

— Уже лучше.

Люциан отошёл в сторону.

Он не мог помочь им там, куда Вейра собиралась идти.

Именно это было хуже всего.

Она не открывала окно, в которое можно посмотреть.

Не вытягивала нить, которую можно услышать.

Она входила в сновиденный слой.

Сознанием.

Памятью.

Внутренней формой.

Для Люциана это выглядело почти как смерть без смерти.

Вейра села у защитного знака, выпрямив спину. Золотой свет собрался вокруг её пальцев, потом поднялся тонкими линиями к вискам. Дыхание стало медленнее. Лицо — спокойнее.

Слишком спокойным.

Кайриса положила ладони на прожжённый шов перед ней.

Медный жар пошёл по камню.

— Если её начнёт затягивать, режь правую линию, — сказала она Брине.

— Я не Таэлана.

— Поздравляю с наблюдательностью. Правая линия — та, которая будет орать золотым. Брина присела рядом.

— Ты всегда такая милая, когда помогаешь людям?

— Нет. С тобой я особенно стараюсь.

— Польщена.

— Не надо. Тебе не идёт.

Брина улыбнулась.

На этот раз почти искренне.

Вейра закрыла глаза.
Свет вокруг неё стал тьмее.
И глубже.
Люциан смотрел.
Он видел только тело.
Только неподвижность.
Только то, как пальцы Вейры чуть дрогнули в первый момент перехода.
Как золотая линия вдоль её шеи вспыхнула и погасла.
Как Кайриса напряглась всем телом, будто удерживала не знак, а дверь, за которой шторм.
В подвале стало холодно.
Не от воздуха.
От отсутствия сна.
Так Люциан подумал сначала.
Потом понял: нет.
Не отсутствие.
Искажение.

Сновиденный слой здесь не касался мира так, как должен был. Он словно был рядом, но порван, перекручен и закрыт громадной тенью, через которую никакое имя не проходило целым.

Вейра не говорила.
Не могла.
Её сознание было не здесь.
Кайриса вдруг резко вдохнула.
— Давит.
Джек поднял взгляд.
— Что?
— Не знаю. Всё.
По полу пошла тонкая трещина.
Кайриса прижала ладонь сильнее.
Кожа на её пальцах снова задымилась.
Брина взялась за правую линию, которую ей показали.
— Сейчас?
— Нет.
— А когда?
— Когда я скажу «режь», гений Рубежа.
— У тебя плохие манеры для человека, которому могут отрезать не ту линию.
— У тебя слишком много слов для человека с ножом.
— Я красиво нервничаю.
— Нервничай молча.
Вейра резко запрокинула голову.
Глаза оставались закрытыми.
Из носа пошла кровь.
Очень тонкая струйка.
Люциан сделал шаг.
Кайриса рывкнула:
— Не трогать!
Он остановился.
И в этот момент снаружи все вермины одновременно заскрежетали зубами.
Не громко.

Но вместе.
От звука в стенах поднялась пыль.
Искажённые на улице повернулись к дому.
Все сразу.
Будто слышали команду.
Джек поднял меч.
Гаррен перехватил Маэрона удобнее, готовясь встать.
Севрен встал у пролома.
Брина посмотрела на Кайрису.
— Сейчас?
Кайриса сквозь зубы сказала:
— Нет.
Золотой свет вокруг Вейры вспыхнул.
Потом стал почти чёрным по краям.
Кайриса побледнела.
— Режь!
Брина ударила ножом по правой линии.
Знак лопнул.
Вейра резко вдохнула и открыла глаза.
Кайриса отлетела назад, ударившись плечом о камень.
Брина поймала её за рукав, не дав упасть в обломки.
— Жива?
— Убери руки.
— Значит, жива.
— Я сказала убери.
— А я решила проявить заботу. Не порти момент.
Кайриса вырвала руку.
Но не сразу.
Вейра сидела неподвижно.
Дыхание у неё было ровным только потому, что она заставляла его быть ровным.
Люциан подошёл ближе.
— Что ты увидела?
Вейра не ответила сразу.
Сначала провела пальцами под носом, посмотрела на кровь, будто решала, имеет ли она право мешать делу.
Потом сказала:
— Не увидела.
— Что это значит? — спросил Джек.
— Я не смогла выйти из-под купола. Совсем. Не нашла края. Не нашла разрыва. Не нашла направления к Лире.
Последнее имя прозвучало тихо.
Не как призыв.
Как признание поражения.
Вейра продолжила:
— Там тьма. Громадная. Не пустота. Не ночь. Что-то плотное. Сновиденный слой вокруг Велариона нестабилен. Он не течёт. Он проваливается местами и возвращается обратно чужими кусками. Если идти глубже, нас заметят. Или канал сожжёт вместе со мной.
Кайриса поднялась, прижимая обожжённые пальцы к груди.
— Я голосую за то, чтобы не проверять, что из этого случится первым.

Гаррен мрачно сказал:

— Связи нет.

— Нет, — ответила Вейра.

— Выхода через слой нет.

— Не для нас. Не отсюда.

Севрен усмехнулся.

— Прекрасно. Значит, сидим в подвале, пока твари не решат зайти и вежливо закончить спор.

— Нет, — сказал Джек.

— Конечно нет. Мы же герои новой эпохи. Пойдём и умрём в другом подвале.

Брина резко повернулась к нему.

Но Люциан поднял руку.

Не приказом.

Просьбой подождать.

Он смотрел на Вейру.

— Купол реагировал на тебя?

— Да.

— Сразу?

— Нет. Когда я попыталась пройти выше обычного слоя сна.

— Значит, он не просто закрывает. Он сторожит.

— Да.

— И не всё внутри контролируется одинаково.

Вейра подняла глаза.

Она поняла, куда он ведёт.

— Ты думаешь о Морватах.

Гаррен нахмурился.

— Откуда вообще уверенность, где они?

Люциан посмотрел на него.

— Мы встретили их дважды после входа в город.

— Мы встретили тех, кто хотел нас убить.

— Первый отряд нёс знак Морвата. Второй пытался не убить сразу, а задержать до подхода искажённых. Они двигались не от башенного пояса, а с востока. Третий сейчас стоит у арки и не входит, потому что ждёт указания, а не голода.

Джек коротко кивнул.

— Похоже на дворцовую привычку.

— Похоже на Рейвиса, — сказал Люциан.

Имя повисло между ними холоднее, чем камень.

Рейвис Морват.

Люциан знал этот тип власти слишком хорошо.

Не веру.

Не идею.

Не служение новому богу.

Власть, которая хочет остаться властью даже тогда, когда мир под ней меняет кожу.

Рейвис не стал бы растворяться в культе, если мог построить вокруг себя двор.

Пусть и больной.

Пусть и под чужой тенью.

— К башенному поясу мы не пройдем, — сказал Люциан. — Не сейчас. Там город перестаёт быть городом. Стены, которых не было. Улицы, которые заканчиваются сами собой. Давление на память. На имя. На мысль.

Он помолчал.
Вспомнил багровое сияние за новыми стенами.
Огромную тень.
Вертикаль.
Две формы, похожие на створки.
И то, как разум начинал распадаться, стоило смотреть слишком долго.
Он не знал, что это.
Никто из них не знал.
И именно это было страшнее названия.
— Там что-то строят, — сказала Брина.
— Или уже построили, — ответил Люциан.
— Что?
— Не знаю.
Севрен хмыкнул.
— Наконец-то честная фраза.
Люциан посмотрел на него.
— Честность здесь полезнее уверенности.
Джек спросил:
— Морватский квартал даст что?
— Живых врагов, которые ещё думают по-вампиРСки. Приказы. Слух. Дороги. Пленных.
Страх. Ошибки.
— Ошибки — это план?
— В Веларионе сейчас да.
Кайриса усмехнулась.
— Чудесно. Мы выжили достаточно долго, чтобы поставить надежду на чужую глупость.
Вейра поднялась.
— Не на глупость. На структуру. Если у Рейвиса есть двор, у двора есть входы, слуги, охрана, маршруты снабжения, привычки и тщеславие.
— Вот, — сказала Кайриса. — «Тщеславие» уже звучит надёжнее, чем «ошибки».
Брина посмотрела на Люциана.
— А если это тоже ловушка?
Он посмотрел на улицу.
На искажённых.
На верминоров.
На морватских вампиров, которые не входили.
На слишком пустой восточный проход между домами.
— Конечно, ловушка.
— Прекрасно.
— Но остальные уже захлопнулись.
Несколько мгновений никто не говорил.
Потом Маэрон тихо произнёс:
— Тогда... идём.
Гаррен склонился к нему.
— Тебя никто не спрашивал.
— Очень удобно... говорить это человеку... которого придётся тащить.
— Я могу оставить тебя здесь.
— Не можешь.
— Почему?
— Будешь скучать по моим маслам.

Гаррен выругался.
Тихо.
Почти ласково.
Джек подошёл к телу Ульрика.
Старый дозорный лежал неподвижно, и в этой неподвижности было что-то окончательное, слишком простое для города, который всё вокруг пытался исказить.
Джек присел рядом.
Не молился.
Старые ведьмаки редко молились вслух.
Молитва требовала веры в ответ.
А они слишком долго жили среди приказов, где ответом обычно была новая тварь за следующим поворотом.
Джек коснулся двумя пальцами плеча Ульрика.
— Дальше без тебя, — сказал он.
И всё.
Этого оказалось достаточно.
Севрен подошёл и вытащил нож Ульрика из ножен.
Брина посмотрела на него.
— Ему не нужен?
Севрен не поднял глаз.
— Он бы вернулся с того света и назвал меня идиотом, если бы я оставил хороший нож мёртвому.
Гаррен сказал:
— Назвал бы.
Севрен спрятал нож.
И на мгновение его лицо перестало быть злым.
Только старым.
Только уставшим.
Только живым там, где уже слишком многое внутри хотело стать прошлым.
Люциан отвернулся.
Не из равнодушия.
Из уважения.
Его взгляд остановился на стене подвала.
Под слоями пыли, копоти и новых багровых прожилок ещё виднелась старая метка.
Три короткие линии.
Кривой знак дома.
Он узнал её не сразу.
Веларион слишком сильно изменился.
Но память всё равно нашла дорогу.
Квартал Кассиана.
Не сам дом.
Тот стоял дальше, ближе к старой лестнице, где когда-то пахло чернилами, травами, сухой бумагой и дешёвым углём.
Дом Лиры.
Место, где она потеряла не стены.
Прошлую жизнь.
Люциан помнил ту ночь.
Огонь.
Крики.

Обваливающиеся балки.

Лиру, которая пыталась вырваться из его рук и вернуться за записями отца.

Она тогда ещё не была той Лирой, которую теперь знал Орден Трёх Печатей.

Не была Хранительницей.

Не была светом, который другие люди называли опорой, сами не понимая, как много боли нужно, чтобы стать такой опорой.

Она была девушкой, у которой горел дом.

И он удержал её.

Он спас её жизнь.

И всё равно иногда думал: спасение тоже может оставить на человеке след насилия, если ты вырываешь его из единственного места, где ещё живут мёртвые.

Лири потянулась к нему после этого не сразу.

И не просто как девочка к спасителю.

Она была слишком умна для такой простой ошибки.

Между ними было другое: общая тьма, общий огонь, общий путь через тайны, которые ломали прежнюю картину мира. Она видела в нём того, кто помнил то, что у неё отняли. Он видел в ней ту, кто могла спрашивать о прошлом не как ученица, а как человек, которому правда нужна для жизни.

И всё же Люциан уехал.

Не потому, что не чувствовал.

В этом и была сложность.

Он чувствовал слишком много, чтобы позволить этому стать клеткой для неё.

Лири пережила потерю отца, дома, прежнего мира, ложь алхимиков, опасность, которая снова и снова делала близость похожей на спасение. Чувства, рождающиеся в таких местах, бывают сильнее любви.

Но не всегда являются любовью.

Люциан прожил достаточно долго, чтобы отличать страсть, благодарность, боль, восхищение и настоящую возможность идти рядом без чужой раны между вами.

Лири заслуживала времени понять, кто она без горящего дома за спиной.

Без его рук, вытаскивающих её из огня.

Без его памяти, подменяющей ей собственную.

Именно поэтому Веларион был верным решением.

Разведка.

Опасность.

Расстояние.

Дело, которое требовало его знания и давало ей пространство расти дальше.

Правильные решения редко были мягкими.

Снаружи один из верминоров снова заскрежетал зубами.

Звук прошёл по камню и зацепил что-то внутри Люциана.

Не страх.

Память.

Он снова почувствовал кровь.

Не Маэрона.

Не свою.

Старую.

Тёплую.

Человеческую.

Веларион умел вытаскивать из прошлого не ложь, а то, что труднее всего было назвать по имени.

Люциан закрыл глаза.
И увидел не убийство.
Нет.

Не одну из тех грубых сцен, которыми удобно мучить себя, когда хочешь выглядеть чудовищем проще, чем был.

Он увидел залитую дождём улицу другого города.
Много лет назад.

После падения старого мира.

После того как Велкарисы стали легендой, которую люди пересказывали шёпотом, всё больше превращая память в страх.

После того как имя Аронеллы начали произносить не как имя правительницы, пытавшейся удержать мир от крови, а как начало страшной сказки.

Его народ исчезал.
Кто-то ушёл на Ваэль-Терон.

Кто-то погиб.

Кто-то спрятался так глубоко, что уже не отличался от мёртвого.

Дома, которые когда-то спорили о законе, чести и власти, стали голодными остатками собственных гербов.

Люди строили на прежних землях.

Писали новые хроники.

Называли вампиров ошибкой мира.

Чудовищами.

Проклятием.

И забывали, что когда-то именно та, кого они потом боялись в сказках, удерживала их города от войны, королей от взаимной резни, а собственный народ — от того, чтобы власть стала голодом.

Люциан тогда не смог принять это.

Не сразу.

Не благородно.

Не мудро.

Он пил кровь.

Иногда осторожно.

Иногда нет.

Он вёл бурную жизнь среди людей, которые должны были бояться его, но вместо этого восхищались.

Были такие.

Всегда были.

Люди, которым нравилось стоять рядом с опасностью, пока она смотрит на других.

Женщины, которые знали, что он вампир.

Смеялись над ведьмачьими предупреждениями.

Прятали его в своих домах, лавках, комнатах над трактирами, в чужих усадьбах, где занавеси были плотными, а слуги умели не замечать слишком бледного гостя.

Он помнил кожу под губами.

Пальцы в своих волосах.

Горячее дыхание.

Добровольно откинутую шею.

Восторг.

Страх.

Почти любовь.

Почти.
Одна из них держала его дольше остальных.
Дала ему место.
Не только кров.
Место.
Комнату с узким окном.
Тяжёлый ключ на шнуре.
Человеческую жизнь рядом с собой так смело, будто ведьмаки были только плохой погодой, которую можно переждать за закрытой дверью.
Она знала, что он такое.
Знала, что его клыки не украшение старой крови.
Знала, что его глаза в темноте светятся не от свечей.
И всё равно целовала его первой.
Он пил её кровь.
Не насильно.
Не всегда мягко.
Но по её выбору.
И тогда ему казалось, что выбор другого человека может оправдать почти всё.
Люциан не позволил себе вспомнить её имя.
Не здесь.
Не в Веларионе.
Не в городе, который превращал имя в крюк.
Он открыл глаза.
Agharn.
Держи кровь.
Нет.
Глубже.
Ага па даег.
Кровь не даёт права.
Эта фраза была нужна не молодым вампирам.
Не Морватам.
Не тем, кто уже стал искажённым.
Ему.
Потому что древняя память слишком легко притворяется правом, когда на самом деле просит разрешения повторить старый грех.
— Люциан, — сказал Джек.
Он повернулся.
Группа уже была готова к выходу.
Гаррен поднял Маэрона. Тот держался в сознании, но глаза его мутнели.
Вейра стояла у лестницы. Бледная, собранная, с золотыми линиями, едва живыми вокруг пальцев.
Кайриса рядом с ней сжимала обожжённые ладони, будто могла задавить боль злостью.
Брина проверяла короткий клинок.
Севрен стоял у пролома, держа нож Ульрика.
Джек смотрел на Люциана.
— Ты здесь?
Вопрос был короткий.
Но точный.
Люциан ощутил собственные клыки.

Они всегда были с ним.

Как и длинные ногти, и нечеловеческий ответ в глазах, и та часть лица, которую люди могли бы не заметить только из желания не замечать.

Он не был Аронеллой.

Не мог стать полностью человеческим обликом так, как умела она.

Его природа всегда оставалась видимой, если он переставал её прятать.

Сейчас он прятал не лицо.

Голод.

— Здесь, — сказал он.

Джек кивнул.

— Тогда веди.

— К Морватам?

— Ты предложил. Я не люблю умирать по чужим картам, но ещё меньше люблю стоять на месте, пока тварь решает, с какой стороны есть.

Брина усмехнулась.

— Почти вдохновляющая речь.

— Я старался меньше.

— Заметно.

Вейра погасила одну из опор.

Подвал стал темнее.

Кайриса поморщилась, когда последний шов оборвался у неё под пальцами.

— Следующий раз я выберу орден, где сила не пытается снять с меня кожу.

Брина посмотрела на неё.

— Такие есть?

— Нет. Но я люблю жаловаться на высоком уровне.

— У тебя получается.

— Я знаю.

Они вышли.

Искажённые не бросились сразу.

Это было хуже.

Они стояли по обеим сторонам улицы, оставляя проход на восток.

Морватские вампиры отступили к арке.

Один из них улыбнулся.

Слишком уверенно.

Слишком рано.

Брина чуть подалась вперёд.

Джек тихо сказал:

— Не сейчас.

— Я просто смотрю.

— Ты смотришь ногами.

— Это талант.

Вермины двигались по крышам.

Их было больше трёх.

Люциан понял это по скрежету.

Один впереди.

Два слева.

Один на стене за ними.

Ещё один где-то выше, скрытый за обрушенной галереей.

Они передавали друг другу движение группы зубами, железом, короткими паузами между щелчками.

Боевой отряд.

Не стая.

Не случайная тварь.

Отряд.

Веларион научился не только искажать жизнь.

Он научился ставить её в строй.

Люциан шёл первым.

Каждый шаг по этой улице казался неправильным.

Не потому, что под ногами была кровь.

К крови он привык слишком давно.

Не потому, что стены двигались на краю зрения.

К этому он почти начал привыкать.

Неправильным было то, что дорога открывалась перед ними сама.

Город не отпускал.

Город не охотился.

Город вёл.

Впереди, над линией домов, проступили потемневшие знаки Морвата.

И Люциан понял, что худшее в этой дороге было не то, что она могла оказаться ловушкой.

А то, что она была единственной оставшейся дорогой, которая ещё притворялась выбором.

Элдриан шёл к верхнему залу Башни алхимиков медленно.

Не потому, что откладывал встречу.

Он давно перестал откладывать неизбежное.

Это была одна из слабостей живых: они думали, что промедление меняет форму будущего. На самом деле оно только позволяло страху дать себе другое имя.

Коридоры Башни были почти теми же.

Почти.

Те же высокие своды.

Те же рёбра камня.

Те же места, где когда-то проходили линии старых алхимических печатей.

Элдриан помнил, как они звучали под ладонью.

Каждый знак.

Каждый узел.

Каждую ошибку мастеров, уверенных, что знание принадлежит им только потому, что они сумели заключить его в металл и камень.

Теперь между печатями двигался багровый свет.

Он не разрушал их.

Это было бы проще.

Он проходил сквозь них, как новая мысль проходит через старый язык и оставляет прежние слова бесполезными.

Элдриан остановился у поворота.

Где-то далеко внизу Веларион жил.

Не так, как прежде.

Лучше.

Честнее.

Старый город всегда лгал о себе.

Залы власти называли порядок законом.

Короли называли страх верностью.

Алхимики называли трусость осторожностью.

Вампиры называли древность правом.

Люди называли короткую память правдой.

Даже Аронелла Велкарис, когда правила Чёрным Шпилом, не могла изменить этого.

Элдриан помнил её власть.

Тогда мир ещё преклонялся перед Первой кровью не из страха перед чудовищем, а из знания, что перед ним стоит центр древнего порядка.

В её правлении была красота.

Холодная.

Точная.

Почти безупречная.

Она умела удерживать кровь там, где другие правители умели только направлять её в чужие горла.

Она понимала, что мир нельзя строить на одном страхе, даже если страх — самый быстрый инструмент власти.

Она пыталась удержать людей от людей.

Вампиров от вампиров.

Дома от превращения в голодные гербы.

И всё равно этот порядок пал.

Чёрный Шпиль сгорел.

Дома захлебнулись кровью.

Люди превратили память в сказки о чудовищах.

Вампиры превратили величие в остатки титулов, которые уже не могли удержать даже собственных наследников.

Если даже такая власть не удержала мир от распада, значит, гниль была не в правителях.

Она была глубже.

В самой ткани.

Элдриан пошёл дальше.

И тихая радость поднималась в нём не как смех.

Смех был слишком мелким.

Слишком человеческим.

Это было другое.

Спокойное, почти светлое чувство человека, который наконец видит, как многолетний расчёт выходит за пределы чертежа и начинает менять сам камень.

Он больше не задавал себе вопрос, можно ли было спасти Ноктиру.

Это был вопрос для тех, кто всё ещё принимал старый мир за ценность.

Зачем спасать ткань, если каждая нить уже помнит болезнь?

Зачем чинить жизнь, которая снова и снова рождает одни и те же войны?

Зачем сохранять порядок, где милосердие всегда опаздывает, а сила всегда приходит первой?

Пустой Бог пришёл из другого мира.

Когда-то эта мысль должна была пугать.

Теперь она казалась почти утешительной.

Если жизнь в одном мире дошла до предела, значит, другой закон мог открыть ей новую форму.

Не исправление.

Не исцеление.

Не возвращение к тому, что уже однажды доказало собственную слабость.

Начало.
С нуля.
С чистой ткани.
С таким законом, который больше не будет просить разрешения у гниющих корней.
Элдриан поднял руку к стене.
Багровая линия под камнем дрогнула навстречу пальцам.
Да.
Он пожертвовал душой.
Не в красивом смысле, каким любят пользоваться жрецы и поэты.
Не как метафора усталости или вины.
Он действительно отдал то, что люди называли душой, чтобы открыть путь тому, что могло подчинить саму ткань жизни.
И цена всё ещё казалась ему разумной.
Не лёгкой.
Разумной.
Он сделал ещё шаг.
В горле стало горячо.
Сначала Элдриан решил, что это от сухости воздуха.
Башня в последние дни дышала иначе.
Камень отдавал жаром там, где должен был хранить холод.
Потом кровь пошла из носа.
Тонкая струя коснулась верхней губы.
Элдриан остановился.
Медленно вытер её пальцами.
Кровь была тёмнее, чем должна была быть.
Он посмотрел на неё без страха.
С раздражением.
Время договора могло иссякнуть.
Старые условия могли потерять силу.
Но вечность, однажды введённая в человеческое тело, не должна была начинать покидать его так грубо.
Он хотел сделать вдох — и закашлялся.
Кровь ударила в ладонь.
Густая.
Тёмная.
Несколько капель упали на камень.
Багровая линия в полу отозвалась сразу.
Жадно.
Элдриан сжал пальцы.
Не зависимость.
Нет.
Нарушение переходного равновесия.
Цена адаптации.
Необходимость обновления связи.
Он всегда презирал существ, которые называли непонятое проклятием.
Нужно было просто найти правильное название.
Правильное название превращало ужас в часть системы.
А система могла быть изменена.
За дверями верхнего зала стало тихо.

Слишком тихо для места, где находился бог.

Элдриан выпрямился.

Стер кровь с подбородка рукавом, как стирают не слабость, а досадную помеху перед работой.

Потом посмотрел на высокие двери.

За ними был Ирворен.

Не управляемый.

Не полностью предсказуемый.

Не такой, каким Элдриан представлял силу, когда впервые рассчитал путь для её прихода.

Но разве рождение нового мира когда-либо должно было быть удобным для тех, кто открывал ему дверь?

Элдриан положил ладонь на створку.

Камень дрогнул.

Багровый свет под ним узнал кровь.

ГЛАВА 6

ЗАКОН НОВОЙ ТКАНИ

703 год Счёта Четырёх Корон. Веларион. Башня алхимиков

Элдриан вошёл в верхний зал Башни и остановился у порога.

Когда-то здесь проводили высшие собрания алхимиков.

Он помнил этот зал другим.

Холодным.

Строгим.

Почти мёртвым от собственной правильности.

Высокие стены уходили вверх ровными гранями. Каменные рёбра сходились под сводами так точно, будто сама архитектура хотела доказать: разум может победить хаос, если заключить его в достаточно совершенную форму. По полу когда-то проходили линии старых печатей — серебряные, тонкие, выверенные до последней доли угла.

Теперь серебра не осталось.

Печати не исчезли.

Их подчинили.

Внутри старых линий двигался багровый свет. Он не ломал рисунок — он использовал его. Проходил по древним алхимическим формулам, как кровь по венам чужого тела, и заставлял то, что было создано для защиты мира, служить его раскрытию.

Зал стал шире, чем должен был быть.

Не глазами.

Глазами Элдриан всё ещё видел стены.

Но сознание чувствовало иное: пространство вытягивалось внутрь себя, будто под камнем открыли глубину, которой прежде не существовало. Где-то далеко, за пределами слуха, гудела Башня. Не как здание.

Как орган.

В центре зала стоял трон.

Нет.

Он не стоял.

Он был возведён.

Вырос.

Собрался из камня, тёмных жил, обломков старых печатей, застывших потёков крови и тех тонких чёрных линий, которые Элдриан всё ещё не мог отнести ни к материи, ни к энергии. Трон не украшал зал. Он переписывал его смысл.

На нём сидел Пустой Бог.

Ирворен.

Он был слишком велик для человеческой меры и всё же слишком собран, чтобы назвать его просто чудовищем. Тёмный плащ лежал вокруг него тяжёлыми складками, будто часть самой тени подчинилась форме тела. Под кожей — там, где она вообще казалась кожей, — двигалось багровое свечение. Местами плоть выглядела завершённой. Местами — ещё нет. Как если бы тело не росло и не исцелялось, а достраивалось по чертежу, который был старше этого мира.

Элдриан не опустил взгляда.

Он вошёл без поклона.

Не из дерзости.

Из точности.

Он слишком хорошо понимал разницу между служением и театром служения. Ирворен не нуждался в жестах. Ему были важны результат, связь и цена.

Пустой Бог смотрел на него молча.

В этом взгляде не было ярости.

Не было нетерпения.

Даже презрение не было грубым.

Скорее внимательная оценка существа, которое видит перед собой инструмент, его трещины, следы износа и способ вернуть ему нужную форму.

Элдриан почувствовал, как кровь снова подступает к горлу.

Он удержался.

Не кашлянул.

Не позволил телу выдать слабость раньше, чем она будет названа.

Ирворен чуть наклонил голову.

Тонкое движение.

Почти ленивое.

Потом поднял руку к собственному рту и укусил запястье.

Клыки вошли в плоть без усилия.

Тёмная кровь выступила сразу.

Не алой каплей.

Густой, почти чёрной линией, внутри которой дрожал багровый свет.

Элдриан не двинулся.

Ирворен протянул руку к нему.

Не как подают дар.

Не как спасают.

Как позволяют продолжаться тому, что пока ещё полезно.

Кровь стекла по запястью Пустого Бога и сорвалась вниз тяжёлой каплей.

Она не упала на пол.

Повисла на мгновение в воздухе, будто сама решала, к какому закону ей принадлежать.

Элдриан смотрел на руку перед своим лицом.

Он мог бы наклониться сразу.

Тело хотело этого.

Жадно.

Постыдно быстро.

Горло горело.

Внутри костей шла мелкая дрожь, которую невозможно было остановить волей. Слово «зависимость» стояло рядом, но Элдриан не позволил ему войти.

Связь.

Переходное равновесие.

Коррекция формы.

Нужное обновление.

Он поднял глаза на Ирворена.

Не прося.

Ожидая.

В каждом великом процессе должен быть порядок.

Даже в унижении.

Особенно в нём.

Пустой Бог смотрел на него несколько долгих мгновений.

Потом сказал:

— Пей.

Одно слово.

Достаточное.

Элдриан наклонился к его запястью.

Первая капля коснулась языка.

И мир на мгновение перестал быть болью.

Кровь Ирворена не была похожа на кровь вампиров.

Не была похожа на человеческую.

Она не несла обычного тепла жизни. В ней было другое — чужой закон, сжатый до вкуса. Не образы. Не воспоминания. Не видения мира, из которого пришёл Пустой Бог. Элдриан не видел его. Не мог видеть. Не знал его настоящей формы.

Но кровь всё равно несла след иного существования.

Так должна была звучать материя, если бы её не заставили подчиняться Ноктире.

Так могла бы двигаться жизнь, если бы не родилась в ткани, где смерть была границей, имя — якорем, а тело — клеткой для воли.

Элдриан пил.

И с каждым глотком его тело переставало распадаться.

Жар в горле уходил.

Дрожь в костях становилась тише.

Кровь в венах снова обретала направление, будто кто-то вписывал его существование в новый чертёж поверх старого человеческого тела.

Ему стало легче.

Слишком быстро.

В этом и было унижение.

Не в том, что он пил с руки существа, которое сам помог впустить в этот мир.

Не в том, что стоял перед троном, как больной перед лекарем.

А в том, как благодарно тело приняло чужую кровь.

Как безошибочно узнало то, что разум ещё называл необходимостью.

Он пил дольше, чем должен был.

Ещё один глоток.

Ещё.

Багровый свет под кожей Ирворена дрогнул.

И вдруг рука исчезла.

Пустой Бог отнял её резко.

Элдриан выпрямился не сразу.

На губах осталась тёмная кровь.

Он вдохнул.

Теперь мог.

Ирворен смотрел на него сверху вниз.

— Достаточно.

Элдриан провёл языком по губам, собирая остатки крови, прежде чем успел остановить этот жест.

Ирворен заметил.

Конечно, заметил.

— Твоё тело учится быстрее твоей гордости, — сказал он.

Элдриан вытер рот тыльной стороной ладони.

— Тело всегда принимает простые объяснения раньше разума.

— Оно принимает правду.

— Оно принимает силу.

— Для плоти это одно и то же.

Элдриан поднял взгляд.

Голос Пустого Бога был спокоен.

В нём не было попытки оскорбить.

Именно поэтому каждое слово ложилось глубже.

Оскорбление можно отвергнуть.

Диагноз — труднее.

Ирворен опустил укушенную руку на подлокотник трона. Рана на запястье не закрылась сразу. Кровь ещё медленно проступала, стекала по пальцам и исчезала в тёмной поверхности трона, будто камень пил вместе с Элдрианом.

— Ты называешь это слабостью, — сказал Ирворен.

— Я называю это нарушением равновесия.

— Ты называешь это так, чтобы продолжать думать, что владеешь своим состоянием.

Элдриан молчал.

Багровые линии в полу медленно пульсировали под ногами.

— Я не отнимаю у тебя значения, Элдриан Солвей, — продолжил Пустой Бог. — Ты слышишь унижение там, где есть только продолжение работы.

— Работа требует устойчивого инструмента.

— Нет. Работа требует живого проводника.

Элдриан чуть прищурился.

Ирворен редко говорил подобным образом.

Не потому, что не мог.

Потому что не нуждался.

— Ты сеешь смерть, — сказал Элдриан. — Даже если называешь её иначе.

Пустой Бог не отвёл взгляда.

— Смерть существует для тех, кто поклоняется прежней форме жизни.

В зале стало тише.

Словно Башня сама перестала дышать, чтобы услышать продолжение.

— Вы называете искажением всё, что не возвращается к старому образцу, — сказал Ирворен. — Вы называете гибелью всё, что перестаёт служить прежней ткани. Но семя тоже уродует землю, прежде чем дать росток. Корень разрывает почву. Новая кость ломает старую болью роста.

Багровый свет в старых печатях стал ярче.

— Я не пришёл поклониться вашей смерти, — произнёс Ирворен. — Я пришёл открыть форму, которая переживёт её.

Элдриан слушал.

И в нём поднималось то же тихое, почти светлое чувство, которое он ощутил в коридоре.

Не раскаяние.

Не страх.

Подтверждение.

Всё, что он делал, имело форму.

Даже если форма оказалась страшнее, чем его первые расчёты.

— Без тебя путь был бы длиннее, — сказал Ирворен.

Элдриан замер.

Пустой Бог произнёс это спокойно, как факт.

— Не закрыт, — продолжил он. — Но длиннее. Гораздо длиннее. Ты нашёл трещину в якоре. Ты провёл ритуал над Аронеллой. Ты дал мне не только кровь. Ты дал направление.

Элдриан почувствовал, как где-то глубоко, под слоями воли и знания, дрогнула старая гордость.

Не удовольствие.

Гордость.

Грубая, человеческая, пережившая даже жертву души.

Ирворен видел и это.

— Не принимай признание за равенство, — сказал он.

Элдриан медленно вдохнул.

— Я никогда не был настолько глуп.

— Был. Но вырос из части своих ошибок.

Это должно было задеть.

Задело.

Но Элдриан удержал лицо спокойным.

Он сделал шаг вперёд, остановившись на границе центрального круга.

— Талирион взят Аронеллой.

— Я знаю.

Ответ прозвучал сразу.

Без удивления.

Без вопроса.

Элдриан чуть опустил подбородок.

— Дамерион мёртв.

— Я знаю.

— Его убил Каэль Варион.

— Я знаю.

Теперь молчание стало другим.

Элдриан смотрел на Ирворена, и в нём не было страха.

Было изучение.

— Тебе донесли? — спросил он.

— Нет.

— Тогда...

— Ты помог мне распространить искажение в ткань Ноктиры, — сказал Пустой Бог. — Теперь всё, что изменено мной, слышит меня. Всё, что пьёт мою кровь, отдаёт мне свои голоса. Всё, что сломано моей волей, несёт мне обрывки мысли, страха, боли, голода.

Элдриан повернул голову к одной из стен.

За камнем, далеко внизу, жил Веларион.

Искажённые на улицах.

Верминоры.

Вампиры, уже вкусившие чужую кровь.

Люди, чьи тела перестали принадлежать только им.

— Ты слышишь их всех?

— Не как вы слышите друг друга.

— Как?

Ирворен чуть улыбнулся.

Эта улыбка не была человеческой.

Не из-за клыков.

Из-за отсутствия потребности нравиться тому, кто её видит.

— Как ткань слышит натяжение нитей. Отдельный голос мал. Сотни голосов становятся направлением. Ты называешь это слухом, потому что у тебя нет органа для большего.

Элдриан принял ответ.

Он был неполным.

Но истинным в пределах, которые Пустой Бог позволил.

— Значит, ты знаешь, что она придёт, — сказал Элдриан.

Ирворен не спросил, кого он имеет в виду.

— Действующий якорь уже идёт туда, куда должен.

— Аронелла не пойдёт одна.

— Конечно.

В этих словах прозвучало почти удовольствие.

Не человеческое.

Не радость охотника.

Скорее удовлетворение силы, видящей, как узор складывается без принуждения.

— Она приведёт с собой верность, вину, любовь, долг и тех, кого считает спасёнными, — сказал Ирворен. — Так якоря и двигаются. Они думают, что выбирают путь сами, потому что рядом идут имена.

Элдриан вспомнил Каэля.

Лиру.

Ордраса.

Люциана, который уже был в городе.

Малвериса и Неварию, если их не казнили в Талирионе сразу.

Аронелла действительно не умела идти одна.

Не потому, что была слаба.

Потому что её сила всегда собирала вокруг себя тех, кто хотел выжить не только телом.

— Они могут прибыть скоро, — сказал Элдриан.

— Мы примем её достойно.

Слово «достойно» прозвучало почти мягко.

И от этого стало страшнее.

Элдриан понял сразу: речь не о битве у ворот.

Не о стенах.

Не о том, чтобы бросить на неё всех искажённых, пока она ещё не вошла в город.

Ирворен хотел, чтобы она увидела.

Не только силу.

Устройство.

Новый порядок, выросший из старого.

— Рейвис готовит пир, — сказал Элдриан.

— Рейвис думает, что готовит пир.

— Для него это одно и то же.

— Для него многое одно и то же.

Пустой Бог откинулся на троне.

Багровые жилы за его спиной медленно вспыхнули, будто сама Башня отозвалась на имя Морвата.

— Он становится беспокойным, — сказал Элдриан. — Его дом пьёт искажённую кровь всё чаще. Сначала это было знаком верности. Потом оружием. Теперь — привычкой. Вампиры Морват всё хуже слышат его приказы, если твоя воля говорит иначе.

— И это оскорбляет его.

— Да.

— Потому что Рейвис Морват всю жизнь принимал жажду за право.

Элдриан почти незаметно улыбнулся.

— Он считает, что заключил союз.

— Он получил место при дворе.

— Для Рейвиса этого может оказаться мало.

Ирворен посмотрел на него.

Взгляд стал тяжелее.

Не злее.

Просто точнее.

— Тогда он впервые поймёт, как выглядит недостаток.

Элдриан молчал.

— Рейвис был полезен, — сказал Пустой Бог. — Его имя открывало двери среди тех, кто всё ещё верит крови старых домов. Его жадность двигала его быстрее, чем страх. Его ненависть к Аронелле делала его послушнее, чем любая клятва.

— Он не считает себя послушным.

— Пешки редко знают, как называется их движение.

Элдриан опустил взгляд к линиям пола.

Багровый свет шёл под камнем к трону, от трона к стенам, от стен — в глубину Башни.

— Если он осмелится открыто восстать?

— Он не восстанет.

— Если всё же?

Ирворен поднял руку, ту самую, из которой недавно пил Элдриан.

Рана уже закрылась, но тёмный след крови остался на коже.

— Тогда его дом впервые услышит тишину без него.

Это было сказано без угрозы.

Угроза требует будущего.

А Ирворен говорил так, будто смерть Рейвиса в случае неповиновения была не событием, а естественным следствием неверного положения тела в пространстве.

— Серафина находится у него, — сказал Элдриан. — В покоях восточного крыла. Под охраной Морватов.

— Формально под охраной.

— Фактически под надзором.

— Это разные слова для одного страха.

Элдриан кивнул.

— Она полезна. Гораздо полезнее, чем Рейвис предполагал. Он хотел символ Талирии. Получил больше. С ней пришли люди. Чиновники, слуги, остатки верной стражи, семьи тех, кто решил, что старое имя Талирис ещё может защитить их рядом с Морватом. Часть из них уже пьёт искажённую кровь добровольно. Часть — из страха. Часть достаточно напугана, чтобы стать почвой.

— Люди всегда были лучшей почвой для страха, — сказал Ирворен.

— И для веры.

— Это одно и то же, когда они не умеют различать источник.

Элдриан посмотрел на него.

— Через них искажение вошло глубже.

— Да.

— Врата Сэтхил питаются не только кровью.

— Кровь — самый простой язык жизни. Не единственный.

Врата.

При этом слове где-то внизу Башни прошёл гул.

Не громкий.

Но такой низкий, что его почувствовали кости.

Элдриан медленно повернул голову к дальней стене зала.

Там, за камнем, за несколькими уровнями Башни, за новой геометрией Велариона, стояло то, что группа Люциана видела только как багровую вертикаль и непонятные створки.

Врата Сэтхил.

Не дверь.

Не арка.

Не механизм.

Место, где ткань мира должна была разойтись достаточно широко, чтобы через неё вошёл новый закон.

Элдриан ещё не видел их завершёнными.

Никто в Ноктире не видел.

Даже он знал только часть расчётов.

Потому что часть расчётов не принадлежала этому миру.

— Они почти готовы, — сказал Ирворен.

Элдриан ощутил, как в груди поднялось то самое холодное торжество.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы старые границы уже чувствовали себя ложью.

— Тогда ритуал...

— Не торопись называть плод зрелым, пока он ещё помнит цветок.

Элдриан замолчал.

Ирворен продолжил:

— Осталось дожидаться знамения.

Слово прозвучало тихо.

Но зал отозвался.

Печати под полом на мгновение стали ярче.

— Какого? — спросил Элдриан.

Пустой Бог посмотрел на него.

— Ты узнаешь его, когда оно перестанет быть возможностью.

Ответ не удовлетворил.

Но Элдриан не стал требовать.

Требование имеет смысл там, где есть право на отказ.

Здесь его не было.

Он сменил тему не потому, что отступил.

Потому что понял: этот вопрос пока закрыт.

— Вейраг у Рейвиса, — сказал он.

Ирворен не изменился в лице.

Но воздух вокруг трона стал чуть плотнее.

— Северный предатель.

— Он не считает себя предателем.

— Никто не любит первое настоящее имя своего поступка.

Элдриан позволил себе короткую улыбку.

— Он считает, что спас часть своего дома от гибели под Борном. Что Борн привёл Север к войне, которую невозможно выиграть. Что союз с тобой — не предательство, а разум.

— Значит, он подходит Рейвису.

— Они оба умеют называть жажду правом.

— Вейраг полезен?

— Да. Он знает северные проходы. Знает дома, которые колебались. Знает, кого можно купить страхом, кого — обидой, кого — обещанием места после падения Борна.

Ирворен медленно провёл пальцами по подлокотнику трона.

Камень под ними словно стал мягче на одно мгновение.

— Северные дома любят считать себя камнем, — сказал он. — Камень тоже раскалывается. Иногда достаточно одного человека, который хочет быть больше своего имени.

Элдриан запомнил фразу.

Не потому, что хотел повторить.

Потому что она была точна.

Вейраг действительно хотел стать больше своего имени. Больше дома. Больше долга. Больше той северной памяти, где верность часто была тяжелее жизни.

Именно поэтому он стал удобной трещиной.

Как когда-то сам Элдриан.

Мысль пришла резко.

Слишком резко.

Элдриан оттолкнул её почти сразу.

Сравнение было поверхностным.

Вейраг предал из страха и обиды.

Элдриан открыл путь из знания.

Разница была очевидна.

Должна была быть очевидна.

— Пир Морвата соберёт их всех, — сказал он. — Рейвис. Серафина. Вейраг. Те из талирийцев, кого ещё можно показать как добровольных союзников. Морватские вампиры. Часть культа. Саэрис, если Рейвис захочет демонстрации силы.

— Захочет.

— Он любит, когда страх видят.

— Он любит, когда страх считают его собственностью.

Ирворен поднял взгляд к сводам.

— Пусть старые имена сидят за старым столом. Они всё ещё верят, что место за столом означает власть.

Элдриан понял.

Пир нужен был не Рейвису.

Вернее, Рейвис думал, что нужен ему.

Он хотел показать, что Веларион не пал в хаос, а собрался вокруг Морвата. Что Талирия связана через Серафину. Что Север треснул через Вейрага. Что вампиры, люди, культ и искажённые силы стоят под одной рукой.

Под его рукой.

Но Ирворен видел дальше.

Пир должен был стать витриной.

Не власти Рейвиса.

Разложения старого мира.

Стол, за которым прежние титулы, страхи, союзы и предательства будут выглядеть не исключением, а законом.

И Аронелла должна будет это увидеть.

Не издалека.

Не в донесении.

Собственными глазами.

— А те, кто уже вошёл в город? — спросил Элдриан.

Ирворен посмотрел на него.

— Они идут.

— К Морватам.

— Да.
— Верминоры могли закрыть восточный проход.
— Могли.
— Но не закрыли.
— Город учится различать добычу и свидетелей.
Элдриан медленно вдохнул.
Люциан.
Джек Морн.
Вейра Ауремарис.
Кайриса.
Арамир.
Старые ведьмаки.

Они думали, что выбрали оставшийся путь, потому что остальные закрылись. Отчасти это было правдой. Самые полезные ловушки всегда оставляют жертве ощущение выбора.

— Они могут нарушить порядок пира, — сказал Элдриан.
— Могут.
— Тогда зачем оставлять их живыми?
— Потому что живой свидетель иногда сильнее мёртвого предупреждения.
— Люциан Велкарис опасен.
— Да.
— Вейра умеет читать формы.
— Да.
— Арамир может сорвать темп охраны.
— Да.
— Джек Морн слишком упрям, чтобы умереть тогда, когда должен.
— Да.

Элдриан чуть нахмурился.

— Ты признаёшь всё это и всё равно ведёшь их туда?

— Ты всё ещё думаешь о власти как о защите от нарушения, — сказал Ирворен. — Старый мир строил стены, чтобы никто не вошёл. Новый мир строит путь так, чтобы вошедший стал частью формы.

Элдриан молчал.

Это было не безумие.

Именно поэтому мысль была опасной.

— Они увидят достаточно, — сказал Пустой Бог.

— Достаточно для чего?

— Для того, чтобы её сердце пришло в Веларион раньше тела.

Элдриан понял не сразу.

Потом понял.

Аронелла.

Если она увидит Люциана, Вейру, Сабрину, раненых, пленных или загнанных в чужой пир, её решение станет другим. Не слабее. Не обязательно ошибочным.

Но личным.

А личные решения якорей имеют вес.

— Ты хочешь не просто её прихода, — сказал Элдриан.

— Я хочу её выбора.

Эти слова прозвучали впервые.

Не громко.

Но после них весь зал стал меньше.

Словно даже Башня поняла: вот настоящий центр разговора.

— Сломанный якорь нестабилен, — сказал Ирворен. — Убитый якорь оставляет рванный край. Я могу работать с разрывами. Я пришёл из мира, который научился считать падение заранее. Но выбор... выбор вписывает новую форму глубже, чем насилие.

Элдриан почувствовал холод вдоль позвоночника.

Не страх.

Восхищение.

В этом была логика.

Жестокая.

Почти прекрасная.

Если Аронелла сама войдёт в условие Ирворена — ради тех, кого любит, ради мира, ради предотвращения ещё большей смерти, — её воля станет частью ритуала. Не препятствием.

Материалом.

— Она не сдастся просто так, — сказал Элдриан.

— Поэтому ей покажут цену продолжения войны.

— На пиру?

— Пир — только первая форма.

Элдриан хотел спросить о следующих.

Не спросил.

Вместо этого он посмотрел на трон.

На кровь, исчезнувшую в его подлокотниках.

На багровые линии, которые шли от Ирворена к стенам, к полу, к Башне, к Вратам, к городу.

И вдруг вопрос, который он носил много лет, поднялся в нём с такой ясностью, что удержать его было почти невозможно.

Не о ритуале.

Не о Вратах.

Не о Рейвисе.

О начале.

— Почему Ноктира? — спросил Элдриан.

Пустой Бог не ответил сразу.

Элдриан сделал ещё шаг.

— И почему я?

Ирворен смотрел на него неподвижно.

— Ты спрашиваешь это поздно.

— Я спрашиваю это тогда, когда ответ может иметь значение.

— Для чего?

Элдриан не сразу ответил.

Сказать «для меня» было бы слишком человечески.

Сказать «для расчётов» — ложь.

Он выбрал точность.

— Для понимания формы.

Ирворен чуть склонил голову.

— Говори.

Элдриан почувствовал, как кровь Ирворена всё ещё движется в нём. Чужая. Сильная. Недостаточная. Она поддерживала тело, но вместе с тем делала каждую мысль яснее, почти жестокой к самой себе.

— Тогда я был мальчишкой, — сказал он. — Злым. Оскорблённым. Слишком умным, чтобы смириться, и слишком молодым, чтобы понять, что ум не равен праву. Я был разозлён

на мир за то, что он не принял мою любовь. За то, что старые имена решали, кому можно стоять рядом с великими, а кому — смотреть снизу. За то, что порядок называл себя вечным только потому, что родился раньше меня.

Он замолчал.

Впервые за долгое время эти слова прозвучали не как легенда о нём.

Не как оправдание.

Просто как факт.

— Почему ты выбрал меня? — спросил он.

Ирворен ответил почти сразу.

— Потому что ты был удобен.

Зал не изменился.

Башня не дрогнула.

Печати не вспыхнули.

Но внутри Элдриана что-то на мгновение остановилось.

Не сердце.

Не дыхание.

Представление.

Он знал, что Пустой Бог не станет говорить о судьбе так, как говорят жрецы. Не назовёт его избранным. Не украсит прошлое словами о предназначении.

Но «удобен» было слишком просто.

Слишком мало.

Слишком точно.

— Удобен, — повторил Элдриан.

— Да.

— Только это?

— Тебе нужно, чтобы твоя боль была редкой?

Элдриан молчал.

— Она не была редкой, — сказал Ирворен. — Миры полны существ, разозлённых на порядок, который не дал им желанного места. Большинство сгнивает в обиде. Некоторые становятся убийцами. Некоторые — мучениками. Ты стал дверью, потому что в твоей обиде было знание, в твоей любви — гордость, а в твоём уме — готовность резать глубже дозволенного.

Элдриан медленно вдохнул.

Это было не утешение.

Но и не пустота.

Удобен — не значит случаен.

Удобен — значит, совпал с необходимостью.

Он ухватился за эту мысль так спокойно, будто она всегда была частью его системы.

— Значит, ты искал не меня, — сказал он. — Ты искал трещину.

— Я искал вход.

— И нашёл его во мне.

— Да.

Ответ всё ещё был холоден.

Но теперь Элдриан мог принять его.

Почти.

— А Ноктира? — спросил он. — Почему этот мир? Почему не другой?

Ирворен впервые отвёл взгляд от Элдриана.

Не вниз.

Не в сторону.

Куда-то за пределы зала.

И в это мгновение Элдриану показалось, что трон стал только малой частью огромной тени, которая тянулась через Башню, через город, через ткань мира — и дальше, туда, куда человеческий разум не должен был смотреть.

— Ноктира не была первым миром Матери Жизни, — сказал Ирворен. — И не самым чистым. Не самым сильным. Не самым послушным.

Багровые линии в стенах стали глубже.

— Но в ней осталась якорная сила.

Элдриан не перебил.

— Есть миры, которые живут, пока их несёт собственная ткань, — продолжил Пустой Бог. — Есть миры, которые уже забыли, на чём держатся. Есть миры, где жизнь стала привычкой, а привычка — медленным падением. Ноктира иная. Здесь сила якоря не исчезла. Она меняла носителей. Ломалась. Пряталась. Возвращалась. Но не ушла.

— Аронелла.

— Теперь — да.

Теперь.

Слово было важнее имени.

Элдриан понял это сразу.

Для Ирворена Аронелла была не только личностью, не только королевой, не только Первой кровью.

Она была текущей формой того, что удерживало мир.

— В моём мире падение было не страхом, — сказал Ирворен. — Оно стало законом, который научились предвидеть. Пророчество — слишком малое слово. Пророчество видит событие. Мы увидели движение. Конец не одного города, не одной крови, не одного века. Конец миров, которые считали себя отдельными.

Элдриан слушал, не двигаясь.

Он впервые слышал это так близко к прямому ответу.

— Всё сотканное однажды начинает распадаться, — сказал Ирворен. — Не потому, что слабо. Потому что ткань, оставленная только себе, учится умирать по собственным правилам.

— И ты хочешь предотвратить это?

Ирворен посмотрел на него.

Вопрос прозвучал почти наивно даже для самого Элдриана.

— Я хочу пережить это, — сказал Пустой Бог. — А чтобы пережить падение миров, нужно укорениться там, где ткань ещё способна держать больше, чем собственную жизнь.

Элдриан медленно произнёс:

— Ноктира.

— Почва.

Одно слово.

И всё стало на место.

Не цель.

Не избранный мир.

Не священный центр.

Почва.

Место, где чужой корень мог войти достаточно глубоко.

Где якорная сила могла быть использована не для сохранения старого, а для удержания нового.

Элдриан почувствовал, как прежняя картина, которую он строил годами, смещается.

Не рушится.

Нет.

Он не позволил бы ей рухнуть от одного слова.

Но она меняла масштаб.
Он думал, что открывает новый мир для Ноктиры.
Теперь понимал: Ноктира была нужна, чтобы нечто большее продолжилось через неё.
— Ты не спасатель, — сказал Элдриан тихо.
— Спасение — слово тех, кто хочет сохранить форму.
— Тогда кто ты?
Ирворен долго смотрел на него.
— Тот, кто не позволит концу быть последним законом.
В зале стало холодно.
Не от воздуха.
От смысла.
Элдриан не знал, была ли в этом ложь.
Именно это тревожило сильнее всего.
Чистая ложь легко опознаётся, если знать достаточно.
Но слова Ирворена не были простой ложью.
В них была собственная истина.
Чужая.
Искажённая.
Возможно, чудовищная.
Но истина.
— И если для этого нужно уничтожить Ноктиру? — спросил Элдриан.
— Уничтожить? Нет.
Ирворен поднялся с трона.
Медленно.
Тень вокруг него стекла вниз, как тёмная вода.
Зал стал меньше.
Или он стал больше.
— Вы всё ещё думаете, что новое рождается после уничтожения старого, — сказал Пустой Бог. — Это грубый путь. Миры не нужно уничтожать, Элдриан. Их нужно научить быть другими.
Он сделал шаг вниз с трона.
Камень под его ногой потемнел.
— Старое имя будет сопротивляться. Старая кровь будет кричать. Якорь будет держать то, что должен был держать. Но когда выбор станет частью новой ткани, сопротивление перестанет быть стеной.
Элдриан понял.
Снова.
Аронелла.
Её выбор.
Пир.
Свидетели.
Люциан.
Лира.
Каэль.
Те, кого она будет пытаться спасти.
Все они не были только врагами.
Они были рычагами.
Ирворен подошёл ближе.
Теперь Элдриан видел его лицо яснее.

Недособранное.

Прекрасное в своей неправильности.

Страшное не уродством, а уверенностью, что уродством является всё остальное.

— Ты хотел знать, почему ты, — сказал Пустой Бог. — Потому что ты был удобен. Потому что ты был достаточно ранен, чтобы искать иной закон, и достаточно горд, чтобы не испугаться собственной жестокости. Но не обманывайся. Удобство не отменяет значения. Инструмент, открывший дверь, становится частью того, что вошло.

Элдриан почувствовал, как кровь Ирворена в нём отозвалась на эти слова.

Тело поняло раньше разума.

Снова.

— Что ты хочешь от меня теперь? — спросил он.

Ирворен остановился перед ним.

— Подготовь Рейвиса.

— Он не любит, когда его готовят к чужой воле.

— Тогда пусть думает, что готовит свою.

— Пир?

— Да.

— Серафина должна присутствовать?

— Да.

— Вейраг?

— Обязательно.

— Саэрис?

— Пусть Рейвис покажет силу, если ему нужно успокоить собственный страх.

Элдриан кивнул.

— А группа Люциана?

— Пусть дойдут.

Вот теперь приказ был произнесён.

Просто.

Открыто.

Не для улиц.

Не для верминов.

Для него.

— Живыми? — спросил Элдриан.

— Достаточно живыми, чтобы быть увиденными.

Элдриан принял и это.

Жестокость Ирворена редко нуждалась в подробностях.

— Аронелла поймёт, что это приглашение.

— Нет, — сказал Пустой Бог. — Она поймёт, что это ловушка. И всё равно придёт.

— Почему?

Ирворен посмотрел на него так, будто ответ был слишком прост.

— Потому что вы сделали из любви добродетель. Теперь она будет идти туда, где любовь становится цепью, и называть это выбором.

Элдриан не ответил.

Возможно, раньше эта фраза вызвала бы в нём боль.

Теперь только ясность.

Любовь действительно была цепью.

Он знал это лучше многих.

Когда-то она привела его к обиде.

Обида — к знанию.

Знание — к ритуалу.
Ритуал — к двери.
Дверь — к этому залу.
Цепи бывают полезны, если понимать, куда они тянут.
Ирворен повернулся обратно к трону.
— Иди.
Элдриан поклонился.
Не низко.
Достаточно.
Он уже собирался отступить, когда Пустой Бог сказал:
— Элдриан.
Он остановился.
— Да?
— Не называй больше мою кровь лекарством.
Элдриан не помнил, чтобы произносил это слово.
И всё же понял: Ирворен слышал не звук.
Мысль.
Или тело.
— Как мне её называть? — спросил он.
Пустой Бог снова сел на трон.
Тень поднялась вокруг него.
— Напоминанием.
Элдриан задержал взгляд на нём.
Потом кивнул.
— Как скажешь.
— Нет, — произнёс Ирворен. — Как есть.
Элдриан вышел из зала.
Дверь закрылась за его спиной.
Коридор Башни встретил его багровым светом и тишиной, в которой теперь было слишком много голосов.
Он шёл медленно.
Тело было сильнее.
Разум — яснее.
Кровь больше не текла из носа. Горло не горело. Руки не дрожали.
Жизнь вернулась в него быстро, почти унижительно.
Напоминание.
Он ненавидел точность этого слова.
И всё же не мог отрицать её.
Внизу, за стенами Башни, Рейвис готовил пир, думая, что украшает собственную власть.
Серафина ждала в покоях, ещё сохраняя достоинство, которое скоро сделают частью сцены.
Вейраг носил своё предательство как разумный выбор. Саэрис, вероятно, уже готовила кровь для демонстрации силы. Люциан и его группа шли туда, куда город позволял им идти.
Аронелла приближалась.
Не телом ещё.
Решением.
Элдриан остановился у высокого окна.
За стеклом Веларион лежал под куполом, как город, погружённый в чужой сон. Вдалеке, за башенным поясом, багровым светом дышали Врата Сэтхил.
Почти готовые.

Осталось дожидаться знамения.

Элдриан посмотрел на город и впервые за долгое время позволил себе улыбнуться открыто.

Рейвис думал, что готовит пир победителей.

Аронелла решит, что её ведут в ловушку.

Люциан, вероятно, поймёт, что дорога была оставлена ему намеренно.

Все они будут правы.

Но ни один из них ещё не видел главного.

Это будет не пир. Это будет первый урок новой ткани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.